

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

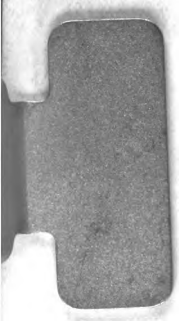
University of Virginia Library

PG:3314;.P48;1900

ALD Pisma russkago sic puteshes

UX 000 167 522

UNIVERSITY
OF VIRGINIA
CHARLOTTESVILLE
LIBRARY

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Н. М. Карамзина. № 1175.

МОСКВА,

Издание 4-е книгопродавца М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
1900.

PG

3314

Р48

1900

Ар. Типо-Лит. Яковлевой А. П. Поплавский. Покров., д. № 4.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ I.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?—Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣмыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забывъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!—Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Петръ провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.. и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ах! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые?—Естьли бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ!..

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карриатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говорить Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.— Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно.— Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

С.-Петербургъ, 26 Маія 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Приѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойный, любезный человекъ*) открылъ мнѣ свое сердце: оно чувствительно—онъ несчаст-

*) Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

ливъ!.. «Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ: главное твое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться; а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе». Я не смѣлъ утѣшать его и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ—сказалъ я ему—чтобы ты видѣлъ передъ собою челоуѣка, довольнаго своею судьбою; приобретаая одно, лишаясь другаго, и жалѣю.—Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастный жребій челоуѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ-было ѣхать водою въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ и сыскалъ Капитана, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ: однакожь вышло не такъ. Надлежало объявить паспортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли надписать его, потому что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха—я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную—и лошади готовы. И такъ простите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 Маія 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Petersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастію, ѣхать изъ Петербурга *на перекладныхъ*, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ,

казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я прѣхалъ туда весь мокрой, весь въ грязи; на силу могъ найти купить двѣ рогожки, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О естли бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы—которое настраиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ—и съ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хохло одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-Нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ—вотъ нашъ домъ—батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ». Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ.— „Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платьѣ дорожныхъ кто смотреть? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!“—Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей—разумѣется, для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, подчивали такъ сердечно, что я

забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человекъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разширивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человекъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово, „Нѣтъ, еще постоитъ!“ сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. „Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его. *Богъ съ вами!* промолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку! *Богъ съ вами!* Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впередъ своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни наши! естъли я когда забуду тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои. Пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера! ¹⁾ Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей!—

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того что Коммисары на станціяхъ Нѣмцы. Почтовые дома воздѣ одинакіе—низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ пловины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ Коммисаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть по двѣнадцати и десяти верстѣ. Въмѣсто ямщиковъ ѣздятъ отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; рассказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде какъ въ пятый день. На одной станціи за Дерптомъ надлежало мнѣ ночевать: Г. З**, ѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человека. Онъ настрашалъ меня песчаными Прусскими дорогами, и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однакожъ мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему счастливаго пути, бросился я на постелю: но не могъ заснуть

¹⁾ Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо—онъ былъ доволенъ—я еще больше!

до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой разницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ: одни носятъ черный, а другія сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ Нѣмецкія слова смягчаютъ въ произношеніи: изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непрворство, неловкость и недогадливость; всякой долженъ думать, что они просто сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность, и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые по волѣ ничего не сдѣлаютъ: и такъ надобно, чтобы ихъ очень неволили, потому что они очень много работаютъ, и мужикъ въ Лифляндіи, или въ Эстляндіи, приноситъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сии бѣдныя люди, *работающіе господами со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма немного по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздъ мой были наполнены гуляющимъ народомъ—праздновали Троицу.

Мужики и господа Лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ подобны нашимъ, кромѣ того, что на верху стоитъ не крестъ, а пѣтухъ, который долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятся на ихъ языкѣ; однакожъ Пасторы всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковь. Избы больше нашихъ, и раздѣлены обыкновенно на двѣ половины; въ одной живутъ люди, а другая служить хлѣвомъ. Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую статью, а въ другой все на русскую. Тутъ была прежде наша граница—о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мужчины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. *Что городъ, то норвы; что деревня, то обычай.*—Здѣсь то живетъ братъ несчастнаго Л** 1). Онъ главный Пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнить ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человѣкомъ. „Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и щастливить, дѣлаетъ другаго злополучнымъ. Кто, читая Поэму шестнадцатилѣтняго Л**, и все то, что онъ писалъ, до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, и Л** безсмертенъ!*“—

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговый городъ—много лавокъ, много народа—рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй—биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ—гдѣ-гдѣ Русской—и вездѣ требуютъ не рублей, а талеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки—но много каменнаго строенія, и есть хорошіе дома.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и

1) Ленца. Нѣмецкаго автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда съоними шитическими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

сыскалъ мнѣ извозчика, который за тридцать червонцевъ нанялся довести меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ французскимъ купцомъ, который нанялъ у него въ свою коляску четырехъ лошадей; а я поѣду въ кибиткѣ. — Илью отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался.

Курляндская корчма, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія ворота. Надо было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самый аптекарской счетъ; то есть, за двѣ сутки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопяхъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ простился я съ добродушнымъ Ильею—онъ къ вамъ поѣхалъ, милые!—Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодого путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою. Парижскій купецъ пошелъ со мною къ Маіору, который принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы въѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отчужденнымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я—и глаза мои искали чего нибудь отчужденнаго, новаго. На берегу рѣки

Аа, черезъ которую мы переѣхали на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малый домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпный. Стѣны почти вездѣ выбиты или вынуты: и видно, что внутри комнатъ передѣлываютъ. Герцогъ живетъ въ лѣтнемъ замкѣ, не далеко отъ Митавы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуетъ, и который составляетъ для него немалый доходъ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Дома почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много.

Мы остановились въ трактирѣ, который считается лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ жида съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ трубку, другой старый Лютеранскій молитвенникъ и Готшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждый хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Француженка, ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда имѣли время выпить кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ спутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и торгуетъ въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться.—За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль пробѣхать замураясь. Намъ попались Нѣмецкіе извозчики изъ Либавъ и Пруссіи. Странные экипажи! Длинные фуры цугомъ; лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносный для ушей шумъ.

Отѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкой зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревьями. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ от-мѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ несчастливъ для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжалось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ.—Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, которые въ особливо кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки, и отъ скуки начали бранить Русскій народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Русскихъ, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня Русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе быть въ Голландіи, и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому

надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всё гуляють на шляпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрять мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!“—Хорошъ гусь! думалъ я—и пожелалъ имъ добраго вечера.

Поланна, 3 (14) Іюня 1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндію болѣе двухъ сотъ верстъ, вѣхали мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ богатой корчмѣ. Въ день переѣздаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семьдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время, что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салатомъ, яицы; и за это платили не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. — Дорога довольно пуста. Кромѣ извозчиковъ, которые намъ раза три попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ которыхъ Дворяне Курляндскіе ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодосную землю, луга, рощи; тамъ и сямъ маленькія деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіянцомъ мы ладимъ. Къ Французенгѣ у меня не лежитъ сердце,—для того что ея фізіогномія и ухватки мнѣ не нравятся. Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извозчикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Габріелемъ, долженъ нести за нею въ горницу уборный ларчикъ ея и по крайней мѣрѣ часъ она помадится, пудрится, притирается, такъ что всегда надобно ее дожидаться къ обѣду. Долго совѣтовались мы, сажать ли съ собою за столъ Нѣмцевъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они кушцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италіянецъ съ Французенкою не разумѣютъ по-Нѣмецки, а они по Французски, то я долженъ служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, который въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французскій языкъ, и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще болѣе увѣрить

въ этомъ мени и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженѣ говорить онъ: *опише* *Мадамъ! obligé, Madame!*

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгій. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ: послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабли или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ: порывистый вѣтеръ опрокинулъ бы челнъ его. — Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Мемель, 15 іюня 1789.

Я ожидалъ, что при въѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ; однакожь этого не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ трактирѣ — и дали нѣсколько грошей осмотрщикамъ, чтобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ; есть каменные строенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакожь наши Русскіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндскій Гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большей части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пути; по берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая разница! Но извозчики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ всегда утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, платя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ; но Русскій человекъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе,

тежели за 18! Третій путь водою черезъ Гафъ, самый кратчай-пій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергъ. Нѣмцы наши, которые наняли извозчика только до Мемеля, ѣдутъ водою; что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италянцомъ — въ которыхъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня — ѣхать съ ними же: что было бы для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время отнести письмо на почту; у насъ лошадей впрягаютъ.

Что принадлежитъ до моего сердца.... благодаря судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ такою уже горестію, какъ прежде—то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ.—Простите! Будьте здоровы, покойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего *рыцаремъ веселаю образа!*

*Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ,
17 Іюня 1789, 11 часовъ ночи.*

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ-было легъ на постелю; но около часа напрасно ожидалъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои!

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля въ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенныя, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятный видъ. *Qu'il est beau, ce pays-ci!* гвердили мы съ Италянцомъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшной сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствоваться на родъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ родится хорошо, въ седьмой годъ худо, и поселянину есть нечего — отъ того что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго. — Тильзитъ есть весьма изрядно выстроенный городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоснѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знатный торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвращались еще со смотру. Толстый часовой, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпаконка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престраннымъ голосомъ зиричалъ мнѣ: *Wer sind Sie? Кто вы?* Будучи занятъ разсмотрѣваніемъ его необыкновенной физиогноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страшнѣйшимъ голосомъ: *Wer seyd ihr?* гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шаталъ онъ головою, дивясь чудному Русскому имени. Съ Италіянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: толстобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизусть вытверженные. Наконецъ я былъ призванъ въ помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили. — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную Русскими ядрами.

Въ Прусскихъ кормчахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait* или Русскую яшницу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, которое вездѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ,

услышали лошадиный топотъ, и черезъ полминуты вошелъ чело-
вѣкъ въ темномъ фракѣ, въ преобладающей шляпѣ и съ длиннымъ
хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ—на Францу-
женку, занятую вечернимъ туалетомъ; на Италіянца, рассматри-
вавшего мою дорожную ландкарту, и на меня, пивнаго чай—
скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера, и оборотаясь къ
хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы,
сказалъ: „Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?“

Лиза (сухая женщина лѣтъ въ тридцать). А, Господинъ Поручикъ!
Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М** писалъ ко
мнѣ, что у нихъ Комедіанты. „Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай! Ша-
луны повеселятъ насъ за наши гроши!“ Чортъ меня возьми! Естьли
бы я зналъ, что за твари эти Комедіанты, ни изъ чего бы не по-
бѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ
жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за Доктора Фауста
съ Гансъ Вурстомъ ¹⁾.

Лиза. Гансъ-Вурстъ очень смѣшенъ, сказываютъ. — А что
играли Комедіанты, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго.
Иной кричалъ, другой кривлялся, третій тарачилъ глаза, а пут-
наго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Господинъ Поручикъ?

¹⁾ Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, есть великой кол-
дунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно героемъ глупыхъ піесъ, играемыхъ
въ деревняхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ *странствующихими*
Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ какъ честной гражданинъ,
во Франкфуртѣ на Майнѣ, около средины пятаго-надесять вѣка; и когда Гут-
тенбергъ, Майнцкой уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ
нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой, Фаустъ
взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шопффера, который искусство
книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги
привели людей въ изумленіе; и вагъ простоялины того вѣка приписывали
дѣйствию сверхъ-естественныхъ силъ все то, что они изъяснить не умѣли, то
Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, которымъ онъ слыветъ
и понынѣ между чернію и въ сказкахъ. А Гансъ Вурстъ значить на площад-
ныхъ вѣмецкихъ театрахъ то же, что у Италіянцовъ Арлекинъ.

Поручикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ?

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожительницею изволилъ ли быть тамъ?

Поручикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣваль, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и пересталъ пялить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Поручикъ. (Садясь и вкладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника). Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой! — Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ (вошедшему слугѣ своему). Баспиръ! набей мнѣ трубку. — (Оборотась къ Французенкѣ). Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуете ли вы табакъ?

Французенка. Messieurs! — Qu'est ce qu'il demande, Mr. Nicolas! (Тамъ она меня называетъ).

Я. Si il peut fumer. — Курите, курите, г. Поручикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Французенка. Dites qu'oui.

Поручикъ. А! Мадамъ не говорить по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ. — Откуда ѣдете, естьли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Поручикъ: и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Русскихъ.

Поручикъ. Чортъ меня возьми! Русскіе стоятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что есть ли бы Король мой не отговорилъ мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ Штабъ-Офицеромъ въ Русской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. Напримѣръ, племянникъ мой служить старшимъ Адъютантомъ у князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Пойдите—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячъ легло на шѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячъ!

Я. Не правда, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Не правда? (съ насмѣшкою). Вы конечно сами тамъ были?

Я. Хотъ и не былъ, однакожъ знаю, что Турковъ убито около 8000, а Русскихъ 1500.

Поручикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка). Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, г. Поручикъ.

Поручикъ. Ваше здоровье, государь мой! — Ваше здоровье, Мадамъ! — (Итальянцу). Ваше здоровье! — Пиво изрядно, Лиза. — Послушайте, государь мой! — Теперь вы называете меня Господиномъ Поручикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поручикъ. Скажите, отъ того, что я (надѣвъ шляпу) поклонился моему Королю — и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ шляпу). «Господинъ Маіоръ, здравствуйте!» (Допывая кружку). Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, естъли я не по уши влюбился въ свою Анюту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ. — Лиза! скажи, какова моя Анюта?

Лиза. И, г. Поручикъ! какъ будто вы сами этого не знаете! — Чего говорить, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, г. Поручикъ. Какъ вы на Святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ добрый, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Бушатъ онъ много не спрашивалъ.

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ добрый господинъ стоялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ — такъ ли, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ — ха! ха! ха!

Поручикъ. Видно, онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ отставку, г. Поручикъ.

Поручикъ. Проклятая любовь, государь мой.—Каспаръ, трубку!—Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женюсь! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. «Мамзель Анюта! сказалъ я: люблю тебя какъ душу; только люблю и службу Королевскую». На миленькихъ ея мазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою, и—пошелъ въ отставку. Что же вышло! На другой день послѣ свадьбы любезной мой тещюшка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградила меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое!—Дѣлать было нечего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бытылкою стараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчный миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ — помани Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ въ наслѣдство дворянскій домъ.

Но перервемъ разговоръ, который занялъ уже слишкомъ двѣ страницы, и начинаетъ утомлять серебряное перо мое ¹⁾). Словоохотный Поручикъ до десяти часовъ наговорилъ съ три короба, которыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не возьму съ собою. Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) есть ли будутъ со мной дамы, потчивать ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніе желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстный Баронъ Тренкъ, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ. — Господинъ Поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ, сѣлъ на коня и пустился во всю прыть, закричавъ мнѣ: *щастливый путь, государь мой!*

Чего не напишишь въ минуты бессонницы!—Простите до Кенигсберга.

Кенигсбергъ, Июня 19, 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ своимъ сопутникомъ, въ трактиръ у Шенка.

¹⁾ Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ, однакожъ такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4,000, а жителей 40,000 — какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многолюднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярмарку, которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ или Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу чтобы Пруссіе солдаты были одѣты лучше нашихъ; а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольные шляпы. Что принадлежитъ до офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Пруссіи службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожъ видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять пятнадцатилѣтнихъ. Мундиры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Майоровъ, толстыхъ Капитановъ, осанистыхъ Поручиковъ, безбородыхъ Подпоручиковъ и Прапорщиковъ человекъ съ тридцать. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ. Офицерскія шутки также со всѣхъ сторонъ сыпались. Напримѣръ: „Что за причина, Г. Ритмейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!“ — „То-то фонъ-Кребсъ! Все знаетъ, что у меня дѣлается!— и проч. и проч. Однакожъ они учтивы. Лишь только наша Француженка показала, всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.— Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я за благо обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчера же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Малабранта и Лейбница, и Юма и Боннета — Канта, котораго Иудейской Сократъ, покойный Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ *der alles zermalmende Kant*, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ — и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, откровенно бѣлый и нѣжный. Первые слова мои были: „Я Русской дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю изъяснить мое почтеніе Канту“. Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; не многіе любятъ метафизическія тонкости». Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загроздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нравственность человѣка: и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ приобретеніямъ. Смерть застаётъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ; и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *закономъ нравственнымъ*, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *нравственномъ законѣ*: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ жи

моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни, но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и чтобы съ вами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами видѣли ее?* Если бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнью и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будетъ лучше!* — Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго Разума, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Что? Какъ?.. Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся: одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное». — Почтенный мужъ! прости, если въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и переписывался съ нимъ. «Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говорить онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣрить Магнетизму и пр.» — Коснулись до его непріятелей. «Вы ихъ узнаете», сказалъ онъ, «и увидите, что они всѣ добрые люди».

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: *Kritik der practischen Vernunft* и *Metaphisik der Sitten* — и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомненія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. — Бантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его Метафизики.

Здѣшняя каедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шпашакъ

благочестивѣйшаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ.—Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу.—На стѣнѣ изображена Маргграфова беременная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ трогательности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, трофеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемный лакей, провожавшій меня, увѣрилъ, что оттуда есть подземный ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣстницею, которая ведетъ подъ землю. Правда-ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣка на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь отъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру простился я съ своимъ товарищемъ господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разставаться. Онъ съ Французенкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, можетъ быть, еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, господина И***, который принялъ меня ласково. Онъ рассказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слушалъ; и хотя уже давно живетъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говорить по-Нѣмецки, однако же ни мало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Русской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его отвести мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, который называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ, что въ трактиръ къ Шенку пріѣхали иностранцы—ему сказали, Французы—явился онъ къ господину Ф*** съ ношею

комплиментовъ. Я тутъ былъ — и такъ мы познакомились. „Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы: но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и для того — уѣхалъ изъ Берлина. Теперь ѣду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить достоинства и таланты: попробуемъ, поличимъ, почистимъ! А тамъ отправлюсь въ Москву — въ ваше отечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ нибудь“. — Нынѣ, когда я только-что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаетъ людей съ перваго взгляда, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ... трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемный лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ, обо дворѣ, остановился Русской курьеръ, Капитанъ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой трактатъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра конной Гвардіи, Господина *** молодого любезнаго человѣка, который ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первый разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки: чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишутъ къ нему, что близъ сей столицы разбила почту, зарѣзали почталіона и отняли нѣсколько тысячъ талеровъ: неприятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ! — Я пожелалъ земляку своему счастливаго пути.

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейггаузъ и библіотеку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и кварталтовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московская зала*, длиною во 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинный

осмиугольный столъ, цѣною въ 40,000 талеровъ. Для чего сія зала называется Московскою, не могъ узнать. Одинъ сказалъ, буд-то для того, что тутъ нѣкогда сидѣли Русскіе плѣнники, но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый отдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды идти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, который въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахъ. Гостей принимаютъ на крыльцѣ, гдѣ подаютъ чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почту. Бѣдующіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ платы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, который, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю такъ же, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкій вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минуту благодарю Судьбу за то, что оно таково.— Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не беспокойтесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

Маріенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть не что иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ ресоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что

выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемый Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при готическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника — вездѣ веселящихся людей; Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ, начавшійся между нами, довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрыхъ нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ воиновъ. Онъ рассказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы Королю миръ наскучилъ. «Пора снова драться, говорилъ онъ: солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Милолюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилостивый мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: «Намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постилліонъ нашъ не жалѣлъ лошадей; и такимъ образомъ не примѣтно доѣхали мы до переѣзны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не долго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтъ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы скольконибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ чашекъ по пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совсѣмъ непріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда величественный дубъ, безмолвный свидѣтель рожденія и

смерти многихъ вѣковъ—дубъ священный для многихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнью обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполняли сердце ужасомъ, въ которой жрецы язычества облекали Богопочитаніе. Такъ Друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію; такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака!—Нѣмецкіе Рыцари въ третьемнадцатъ вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіанства. Гордый дубъ, почтенный старецъ въ царствѣ растеній, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная!—Сувѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ топоры откакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что, наконецъ, сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, отдѣливъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительно сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира Святыхъ*, славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдный городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — «И такъ это Фрауенбергъ?» — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славный Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычетамъ, опредѣлялъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца—земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ планетъ, и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять остановить, но тщетно!—И такимъ образомъ Пифагоровы идеи, надъ которыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника!—Сей Астрономъ былъ щастливѣе Галилея! суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его снѣптромъ—не заставило его влѣтвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мир-

номъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставить свой философскій замокъ и отечество. Науки, подобно Религiи, имѣли своихъ страдальцовъ. —

Передъ вечеромъ прiѣхали мы въ Эльбингъ, небольшой, но торговый городъ, и весьма изрядно выстроенный, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробить болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человѣка. Двое играли въ биллиардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ и въ сальномъ парикѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ: первый игралъ очень худо и сердился: а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой толстый, запачканный галстукъ. Карриатура за карриатурою приходила въ трактиръ, и всякая карриатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно. Бъ тому же я чувствовалъ сильное волненiе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенiя почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодого офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товаришу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Померанiи, услышавъ, что я Русской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ приятнымъ впечатлѣнiямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстигались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя стада блеянiемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденiе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебный паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежать, естъли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей, *Wiedertäufer*. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая,

говорятъ они, вопіеть на небо.—Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Мариенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ Нѣмецкаго Ордена.—Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетъ высокой Офицеръ, который теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправленія почты.—Разсвѣтало. Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

Данцигъ, 22 Іюня. 1789.

Проѣхавъ черезъ предмѣстіе Данцига, остановились мы въ Прусскомъ мѣстечкѣ Штоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно выстроенный городъ, море, гавань, карабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ — все сіе вмѣстѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи строжайшаго Ордена, встрѣтятся другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города въ глубокомъ уныніи взываютъ другъ ко другу: *Данцигъ! Данцигъ! иди твоя слава?*—Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылаютъ сюда семьи свои, пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что нѣкогда Шотланецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ

жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать, въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго: а то бы успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хотятъ впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелову картину, въ главной Лютеранской церкви представляющую страшный судъ. Король Французской—не знаю, который—давалъ за нее 100,000 гульденовъ.—Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться ¹⁾.—Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Ратуша. Вообще всѣ дома въ пять этажей. Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственныя деньги, которыя однакожъ внѣ города не ходятъ; а въ самомъ городѣ Прусскія предпочитаютъ.

На западъ отъ Данцига возвышаются три песчаныя горы, которыхъ верхи гораздо выше городскихъ башенъ: одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ отсюда разрушить городъ. На горѣ Гательсбергѣ былъ нѣкогда разбойничій замокъ, эхо ужаса его далеко отзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ; почему гарнизонъ и жители обратили туда всѣ силы свои, и дрались какъ отчаянные. Извѣстно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли смотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостію, и возвратились назадъ. Солдаты по большей части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Командантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

1) Авторъ начиналъ тогда учиться Греческому языку; но послѣ уже не имѣлъ времени думать о немъ.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь потѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ мухамъ ушамъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣтый, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистра вымочить дождь, который накрапывалъ. Новый нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ что ему становится *тѣсно*. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ; закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это значило?*—«То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистру».—«Государь мой!» сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ.—«Государь мой!» отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: «вамъ говорить, чтобы вы убрались отъ насъ».—Французъ съ важною увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ уткнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдный Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозъ слезы просилъ оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожъ искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь переменяют лошадей и готовят намъ легкій ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, чтобы небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ срединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ аллеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились было атаковать Магистра; но онъ довольно искусно отразилъ первые приступы, такъ что они наконецъ оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа***, который прислалъ ему экземпляръ Аль-Корана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ Офицерами ¹⁾.

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постилліоновъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, по которому всѣ Почтмейстеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей точности исполняется. На примѣръ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться постилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Приѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ — *Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ. — *Палкою*, отвѣчали офицеры. — «Я не имѣю права бить ихъ». — «Вздоръ! вздоръ; сказалъ

¹⁾ Послѣ читалъ я о Магистрѣ Рвингѣ въ прибавленіи къ Енискимъ Литературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

Капитанъ: или я самъ со всѣми управлюсь!» — Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. «Насиліе! насиліе!» закричалъ Почтмейстеръ: «хотятъ драться, бить меня!» — Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ тихо: «Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ Министромъ». Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постиліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали — дверь затворилась и опять потихоньку стала открываться — всѣ туда оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ Капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полка, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постиліоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штоппе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбнулся, и отвѣчалъ на все: «хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстер!» — Мы съ Магистромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: «дуракъ! трусь!» —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасный бишофъ. И такъ если вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, который мучилъ Француза; и такъ сей послѣдній сидеть съ нами. — Adieu!

Штарградъ, 26 Іюня.

О Штарградѣ, куда мы пріѣхали ужинать, могу вамъ сказать единственно то, что онъ есть изрядный городокъ, и что здѣшняя церковь Маріи считается высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькіе городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четверугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почета! ду-

малъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать великимъ, отца или сына, хотя послѣдняго всё безъ разбора величаютъ. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства—не на ученость, не на острия слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всёхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ!—Но Кесинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная трактирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такіе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя, миловидная Нѣмка! Вспомнивъ статую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угощеніе, пріятныя взоры, пріятныя слова твои!..

«Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?» спросилъ у моихъ товарищей старикъ, трактирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. «Дай Богъ, чтобы и не было!» сказалъ трактирщикъ: «я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Русскихъ козаковъ. О! что это за люди!»—А почему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ. — «По чему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же у нихъ такія страшныя лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда вообразю ихъ!» Да вотъ Русской козакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня. «Русской козакъ!» закричалъ трактирщикъ, и ударился затылкомъ въ стѣну. Мы всё засмѣялись, а трактирщикъ захохалъ, «за эту шутку вы заплатите мнѣ дороже, Господа!» сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всёхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодный левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Ѣдетъ! Ѣдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались—и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскла-

дывались похищенные богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь сажень глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смотря на сіи острия башни, восклицалъ: «Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастливая мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»

Стой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и — заплатилъ два гроша сухой старухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна стоитъ пустой и начинаетъ уже разваливаться.

Теперь накрываютъ намъ стѣлы. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣроятно, что намъ уже никогда не видать другъ друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, есть ли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о сморхахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самый языкъ ихъ страненъ. Не зная по-Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. *Da ist eine Precipice—ich habe ein Ture gemacht—ich schanschire es*, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, который ѣдетъ учиться въ университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку назвали меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово *ratio*? Потомъ началъ говорить о *духъ языковъ*, и проч. Надобно знать, что Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Приѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали смѣять

ся. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. «Знакомыя черты», съ важностію отвѣчалъ Французъ: «кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожь нѣтъ—я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кихотѣ!» Тутъ Офицеры во все горло захохотали, а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капитанъ сказалъ мнѣ: «Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.» Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.—

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при вѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при вѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ; изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ другою Мамономъ; третій въ городъ вѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шутить, а для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглосъ, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

Берлинъ, 30 Іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но начто вы иногда грустите? Этого не было въ уговорѣ. А естьли вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, который за нѣсколько тысячъ верстъ беретъ участіе даже въ минутной вашей непріятности: то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Последнее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на своемъ чемоданѣ; могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью — и я, почитая себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергъ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. «Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ разъ въ жизни видѣться», сказалъ онъ, пожимая руку мою: «заѣзжайте ко мнѣ, и расскажите, что увидите въ свѣтѣ». — Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы! — И такъ мы разстались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія, приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія мечты воображенія бывають живѣе и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А***¹⁾, идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ?* что руки мои протянулись обнять его; но вмѣсто моего дражайшаго пріятеля, который въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. «Но какъ зашла къ вамъ мокрая женщина?» Вотъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь и вечеръ превратился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша остановилась. Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: «Господа! позвольте ли сѣсть въ коляску одной честной женщинѣ и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь про-

1) Алексѣя Михайловича Кутузова, добродушнаго и любезнаго человѣка, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою несчастныхъ обстоятельствъ.

мочилъ ее насквозь, и она боится занемочь». А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, ѣдущій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Ширмейстеръ. — Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пятались отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, которая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портного мастера, очень любить своего мужа, и съ нимъ никогда не разстается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго купца, который торгуетъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ однажды не спала цѣлую ночь, читая эту книгу, а на другую ночь во снѣ увидѣла Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вотъ все дѣло.

Но есть ли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуту встрѣтилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. „Русской — купецъ изъ Риги“, отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А***.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная аллея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина нельзя было мнѣ судить по тому, что безпрестанный дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда идете? Зачѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда пойдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Пра-

вительства!—Наконецъ мы въѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, рассказывать Русскому о Россіи и другу о друзьяхъ, говорить о нашихъ веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!.. Но судьба смѣялась надо мной!

Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живетъ А***? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ противнымъ моему нетерпѣнію, отвѣчалъ онъ: „Его уже здѣсь нѣтъ“.—Его здѣсь нѣтъ?—Нѣтъ, сударь, повторилъ онъ и началъ перебирать письма. — Гдѣ же онъ? — Во Франкфуртъ на Майнѣ. Подите къ своему Священнику, тамъ лучше все узнаете“.—Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его здѣсь найти? спросилъ онъ. „Думалъ, государь мой, думалъ!“ и съ сими словами я хотѣлъ итти вонъ. „Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ“. То есть надобно было взять съ меня нѣсколько грошей.—Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ горестныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, который несъ чемоданъ мой! Ни огромные дома, ни многолюдство, ни стукъ каретъ не могли вывести меня изъ меланхолической задумчивости. Я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, несчастнымъ, и единственно отъ того, что А*** не хотѣлъ меня дожидаться въ Берлинѣ!

„Жаль, жаль, государь мой—сказалъ мнѣ Г. Блумъ, трактирщикъ *Англійскаго Короля* въ *Братской улицѣ*—жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала гостья, его сестрица. Въ Берлинѣ будутъ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ?“—И такъ, Г. Блумъ — «Вы изъ Россіи пріѣхали?»—Изъ Россіи. И такъ — „У васъ все войною занимаются?“—Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается — «Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?» — Прикажите мнѣ указать комнату, а послѣ, если угодно — „Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!“ Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. „Не правда

ли, что она очень хороша и очень уютна?⁴ — Я доволенъ, Г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ и наконецъ мнѣ же вздумалъ рассказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ, сказалъ я; это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по старому или по новому стилю. — „Какъ, государь мой!“ — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ трость и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ—сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д***, желая найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А*, желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ—нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человека. Онъ любитъ свое отечество, и я люблю его; онъ любитъ А***, и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже; и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на улицу, я долженъ былъ захватить себѣ носъ отъ дурнаго запаха: здѣшніе каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы ихъ не чистить? Не уже ли нѣтъ у Берлинцевъ обонянія?—Д*** повелъ меня черезъ славную *Липовую* улицу, которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены аллеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или испаренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухѣ—только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Дома не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ аллеяхъ, которыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при въѣздѣ въ городъ, съ прибаловленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Берлинская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ приѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д*** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и дома очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова, Жандармская, Демюфская* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ генераловъ: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица. Шверинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сраженіи подъ Прагою, бросился на непріателя, закричавъ своему полку: *дѣти! за мной!* Тутъ умеръ онъ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣ болѣе, нежели о потерѣ двадцати тысячъ воиновъ. — Фридрихъ, принявъ Кейта въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ*. Фридрихъ зналъ людей, и Кейтъ оказалъ ему важныя услуги. — Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ счастья видѣть нашего Задунайскаго героя, и потому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважный воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, осуждаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онъ былъ причиною безвременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король тужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ. — Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юный воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти потомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей и представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитый монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Русскія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его тесаками. Мнѣ показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы пришли въ Королевскую бібліотеку. Она огромна — и вотъ все, что могу сказать о ней. Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойный Король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взгля-

нулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книги давать на домъ запрещено; однакожь извѣстный челоувѣкъ, задобивъ деньгами помощника Библиотечарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д*** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библиотекою управляетъ нынѣ г. Докторъ Бистеръ, который и живетъ въ семь большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло челоувѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Саксонскихъ Бароновъ, пріѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Штатгалтерши, которая послѣзавтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близъ Ораніенбурга разбила почту. — Вечеру Д*** водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, инныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А*** писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ сосенъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производить въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня... Не есть ли — думалъ я — не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣтящемуся свѣту, и — съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда и часто поминую тебя». Любезной меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ можетъ быть точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты

обо мнѣ думалъ. Можетъ быть ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось.— Садъ Принца Фердинанда, въ которой мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ отплатилъ намъ поклонъ.— Бьетъ часъ.

Юля 2.

Нынѣ поутру, побывавъ у Господина М**, къ которому было у меня письмо отъ князя Д**, видѣлся я съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостью, съ такою учтивостію, какой бы нельзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. «Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельсона».— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обратилъ я разговоръ на Берлинской Іезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи—или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первый подалъ къ тому мысль—будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Каліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабащаютъ ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ, и проч. и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочине-

ніяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлинской Журналь, издаваемый Бистеромъ и Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ Іезуитизмомъ слили въ одно Католицизмъ; доказывали, что *тотъ и тотъ* изъ извѣстныхъ Протестанскихъ Ученыхъ тайно приняли Католическую Религію; что они опасные люди, и проч. Тѣ, которыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

„Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хотя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заставить внутреннихъ начальниковъ, или хранителей тайны, отказаться отъ ихъ цѣли? Не ужели закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не ужели исчезли всѣ банки ихъ? — Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипотеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ. — Что принадлежитъ до Католицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ рассуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Естли вы читаете книги, выходяція въ Германіи, то конечно замѣтили великую разницу между тѣми, которые печатаются въ Протестантскихъ и Католическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?“ — Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Бистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, который съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія. — „Однакожъ Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для этого видѣлись. Не надобно думать, чтобы Католики

совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Известно ученіе ихъ церкви, что внѣ ея нѣтъ спасенія: и такъ они, по нѣкоторому челоуѣколюбію, хотятъ распространить ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна.—Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Есть ли нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать: къ чему Штаркъ ¹⁾ и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но естли оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то нельзя не назвать его хорошимъ дѣломъ“.—Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ. Я написалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Потомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ:—Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, естли самые Философы, самые просвѣтители — а они такъ себя называютъ—оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинный Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любить и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума челоуѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи челоуѣку, что онъ ошибается и, почему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите!—Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и естли онъ у нихъ не совершенный Іезуитъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожъ увѣренъ, что его Физиогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенный Докторъ Бистеръ. Но оставимъ ихъ.—Что принадле-

1) Придворный Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили тайнымъ Католикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ; который судился съ Издателями Берлинскаго журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

жить до Николаевой наружности, то въ ней хотя и нѣтъ ничего особеннаго, привлекательнаго, однакожь есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худошавъ, смугль. Лафатеръ въ Физиогномикѣ своей говоритъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минуть черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы, въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Русскими. Секретарь Датскаго Посольства, который тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патриотическою ревностью. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. Какого подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрямивалъ меня не входить въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, естли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!“ Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспламеніи. Однакожь мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я Русской. При началѣ войны меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего Короля, отвѣчалъ я, который объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь чтобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. „Это говоритъ Фридрихъ“, сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д***, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ мону-

менты и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винтерфельда, любезный Клейстъ, безсмертный пѣвецъ весны, герой и патриотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца! онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо! онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною фізіогномією и ухватками одного казака, который снималъ съ него платье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близъ огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько талеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусарь съ досадою бросилъ деньги на плащъ и усакавалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ спокойно разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостью Стоическаго Философа. Всѣ наши офицеры присутствовали на его погребеніи, Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги-положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.*—Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Июль 2.

Нынѣ пріѣхалъ сюда Король съ своею гостею, Штатгалтершею. Не можете вообразить, что за пышная была ей встрѣча!

Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ пестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Офицеры отличались отъ рядовыхъ только тѣмъ, что у нихъ косы привиты были гораздо круче. Въ ожиданіи Штатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. — „И конечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицомъ въ грязь“. Нельзя было не смѣяться этому фарсу. — Купцы, всѣ въ красныхъ кафтанахъ, подъ начальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Штатгальтершу за городъ. — И за то, что я посмѣялся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Штатгальтершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнутся здѣсь пиры. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли драму *ненависть къ модямъ и раскаяніе*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену жену невѣрную, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ, какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!.. Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ пьесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ ролю мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любовною для зрителя. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторъ, которые съ такою живостію представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны, Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы,

я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо или такъ, чтобы меня тронуть. — Вышедши изъ Театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ счастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изыщныя Искусства не имѣютъ вліянія на счастье наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Юля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра поѣхали мы съ Д* верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожь въ разсужденіи вопросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойный Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, украшенномъ колонами, училась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, строенныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ, и на собственные деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцемъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесятъ рублей въ годъ; да и то нанимать не кому. На две-

ряхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Боротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Русская церковь подъ надзираиіемъ стараго Русскаго солдата, которой живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ; *Слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по Русски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Русски. «Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его». И то и другое правда, отвѣчали мы. «Пойдемте въ церковь Божию, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.» Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣиіемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по Воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундужѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.» — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему—тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительный замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всѣми окрестностями: что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ—не Стоической и не Циникъ—но Философъ любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить

здѣсь престоту съ великолѣпьемъ. Домъ низко и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Внутри комнаты отдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекраснабранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ доревомъ. Съ горы, скрытой уступами (которые одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору), сошли мы въ пріятный садъ, украшенный мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольтерами и Даланбертами. Гдѣ ты теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасныя храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, который видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ тачеровъ стоилъ Королю сей дворецъ. — Правда я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжала меня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлотенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой тутъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ нельзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ становилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на травѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни идти пѣшкомъ, и какъ полумертвый лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не

зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, знакомъ языкѣ. Самъ Лес-
 эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ Марціалова имени.» —
 украшаются модные романы! Д** вздумалъ переключать въ стихи
 зости какого-нибудь селенія, нанять телѣгу и отвезти въ стихи Автору, сво-
 линъ; но какъ же было остаться мнѣ одночеловекомъ въ стихи Езо-
 и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и съ ними трудомъ его. Лег-
 лотой: меня могли ограбить, а съ мною было пропадетъ гармоніи сти-
 Наконецъ, черезъ часъ, я всталъ, и пожавъ руку товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ
 пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смертельная жажда, что Авторъ писалъ
 и за стаканъ воды отдалъ бы я половину своего, читаетъ онъ
 Шарлотенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Ничего природное
 надѣялись мы видѣть его, подъѣзжали и видѣли — чуждъ, я спорю съ
 Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какъ оныхъ сочинені-
 когда въ жизни своей не чувствовалъ, лилъ я въ себѣ *могу опровер-*
 вodu. До Берлина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось, подумавъ
 будь добраться до мѣста, и мы въѣхали въ аллею. — Мнѣ
 Луна взошла надъ нами; ясной свѣтъ ея разливался по отдаленны
 листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благоуханіемъ, нежели
 испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты чувствовать
 какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Возвращаясь
 оставила во мнѣ какія-то романическія пріятныя впечатлѣнія. Графъ
 Городскія ворота были уже затворены; однакожь насъ въ переводахъ.

Нынѣ поутру всталъ я совершенно здоровъ, одѣлся и пошелъ переу-
 къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Грѣ, и
 линской Академіи, который принялъ насъ ласково. Сей старъ, мнѣ
 все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное не
 имъ изъ П* отъ своего родственника, который всякую недѣлю не
 пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. «Не повѣрите, съ какимъ
 удовольствіемъ я все это читаю!» сказалъ онъ. Г. Формей былъ
 знакомъ съ Вольтеромъ, и рассказывалъ намъ нѣкоторые анек-
 доты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій
 Четвертокъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое
 угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы поѣхали
 къ зятю его, Господину М***, Профессору, содержанию большаго
 пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ мине-
 ральный кабинетъ и бібліотеку сестры покойнаго Короля, состоя-

здѣсь простоту съ величїемъ, Англійскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ ланувъ на него, всякой гориковъ и Поэтовъ. Послѣ обѣда я былъ наты отдѣланы со вкусомъ ни слова! Говорятъ, что онъ въ старину надобно удивляться какому человѣку въ свѣтѣ. Австрійскій Посолъ, полу. Комната, гдѣ онъ въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хо-

Философами, убрана уступами (которые беру. Оперный домъ великъ и очень хорошъ. нувъ снизу вверхъ Королевскую фамилію и Штатгалтершу съ сошли мы въ прїятъ Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слы- группами. Здѣсь и пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ ланбертами. Гдѣ же поему — что ея пѣніе мало трогаетъ мое сердце. прахъ твой. Любо но видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. зывалъ ты лучши только любителемъ музыки, не могу цѣнить Изъ сада проглядываютъ то принадлежить до декораций, то онѣ были велико-

ской домикъ, черезъ каме-

храмики. М

Королемъ

Юля 5.

когда пѣлъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самый который и Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почи- черовъ съ насъ классическими. Ему прїятно было слышать, что такомъ речіи читають его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ произведъ и духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ и я называю его истинные восторги, высокое пареніе мыслей и въ гостяхъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе обѣды, и заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ Духъ — правда всегда искуснымъ образомъ Теперь онъ уже щемъ пѣлъ въ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться Божественности, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ гостворства, но въ нихъ нѣтъ уже пѣтического жара, который всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чув- ствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражне- ніе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сии піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. «Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ

были до сего времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.» — Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. «Я подражаю Сократу—писалъ онъ къ Автору, своему другу—который въ старости своей перелажалъ въ стихи Езоповы басни.» Искусные Критики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому не совершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаметрами. — Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное чувство изящнаго. «Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ нею, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ сочиненіяхъ. *Говорите, что хотите*, отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но я остаюсь при своемъ чувствѣ* Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права и винюсь передъ нею». — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, которой Аѣинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ—и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мужчинъ.—Рамлеръ возстаетъ противъ Греческихъ митологическихъ именъ, которыя Графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Латинскимъ, говоритъ онъ: начто переучивать насъ безъ всякой нужды?—Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славный Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; еслии не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученныхъ упомянулъ я о Вейсѣ. „Вейсе лучший другъ мой“, сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его.—Наконецъ я простился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранный изъ псалмовъ. Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говорить отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Несчастливая любовь Принца къ его мачихѣ Елизаветѣ, которая прежде была его невѣстою, есть содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о которомъ Исторія говоритъ столько худаго и добраго; который, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую, но услышавъ о погибели флота своего, разсѣянного вѣтромъ и разбитаго Англичанами, равнодушно сказалъ *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе несчастіе перенесъ съ твердіостію Героя—сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородный и пылкій Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушный Маркизь Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ которую усыпила несчастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены.—Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ, Маттаушъ молодой человѣкъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго Генерала, который отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла очень слабо какая-то молодая Актриса. Гж. Унцельманъ трогательно представляла молодую принцессу, влюбленную въ Принца.—Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самаго Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею.—«А кто этотъ Морицъ?» — Кто? Филиппъ Морицъ,

Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ.— «Постойте, стойте! Вы мнѣ много рассказали; надобно поискать его въ календарѣ подь какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынулъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ». — Простодушіе сего добраго человѣка, который съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непремѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карль Филиппъ Морицъ живетъ въ* — Пойдемъ же къ нему».

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма любопытную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственные свои приключенія, мысли, чувства и развитіе душевныхъ своихъ способностей, Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всеѣмъ систематическимъ Психологіямъ на свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужитья на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько лудировъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подь титуломъ Reisen eines Deutschen in England, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италиі, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, почему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодого человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ! — «Вы еще такъ молоды, сказалъ я, и успѣли уже написать столько прекраснаго!» Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говорить Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно называть мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ

видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію“. — Онъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. „Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Русскому языку; но для этого надобно вамъ написать что нибудь превосходное“. Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семь послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ Нѣмецкаго языка, и что, можетъ быть, никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы *Ueber die Sprache in psychologischer Rücksicht*, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ Психологическомъ Магазинѣ. — „Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истинною“. Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, который въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. „Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе“. — Странные вы люди! думалъ я: вамъ нельзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры; и Публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія! — Adieu, Г. Профессоръ!

Я хотѣлъ было видѣть Ангеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Мимики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemähle*—пѣсу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли—и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Актриса, которая въ Донъ-Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожъ дѣвку молошницу играетъ она лучше, нежели Королеву.

Берлинъ, Іюля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц* называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожъ Берлинъ еще не провалился, и Небесный гнѣвъ не обращаетъ его въ пепель. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц*, писавъ это, забывъ, что во всѣхъ семьяхъ бывають уроды, и что по симъ уродамъ нельзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе.—Однимъ словомъ, естли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ непристрастенъ; естли бы *нѣкоторые* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, то бы онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорять, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но естли бы Правительство не терпѣло ихъ то оказалось бы, можетъ быть, болѣе распутства въ семействахъ—или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного несчастнаго Орфея, который уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, естли бы подошедшіе люди не принудили ихъ разбѣжаться. Но когда бы рассказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѣемъ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самые богатые и знатные люди не расточаютъ денегъ на суетную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ столѣ, платьѣ, экипажѣ и проч. Я видѣлъ старика Ф** ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я постыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, которой шить конечно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Нынѣшній Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однакожь окружающіе его держатся по большей части старины. — Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ Дамъ видѣвъ вкусъ.

Берлинъ Іюля 8.

Если бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то бы изъ schwer Noth ¹⁾, любимаго Нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи; но что бы тогда должно было заключить изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извозничьи дрожги или сани. За восемь грошей—что по нынѣшнему курсу составитъ 40 копѣекъ—можно ѣхать въ городъ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ, а въ худыхъ трактирахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣтять, что въ кошелекѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, который состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп. за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемный лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полтину.

¹⁾ Т. е. падухая болѣзнь.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ординарной почтѣ платять за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать постилціонамъ на вино.

За двѣ мили отъ Дрездена,

10 Іюля, 1789.

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи!—Осьмага числа отправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще пробыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но l'homme propose, Dieu dispose. Въ тотъ же вечеръ стало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлучивъ себѣ на глаза шляпу, и тростью своею считалъ по мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ великолѣпнѣ сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ третью нашелъ его — сказалъ: *пойдемъ дайте!* и тростью своею провелъ на песокъ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамъ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. vi. chap. xxiv), говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушный Тримъ! *nothing sad be so sweet as liberty* 1) думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кто еще не запертъ въ клетку—кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь—тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, я долженъ быть счастливъ.

И такъ, не дожидаясь торжественнаго собранія Берлинской Академіи, рѣшился я на другой день ѣхать. Мнѣ надлежало бы еще побывать у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Госпо-

1) Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

дина М*; однакожь и это не могло меня остановить. — Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, укладвъ свой чемоданъ и расплатясь съ Господиномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію — на ординарной почтѣ, въ открытой коляскѣ, съ двумя Студентами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемены поѣхалъ я на такъ называемой экстренной почтѣ. Въ пролятой Нѣмецкой фурѣ такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверхъ того остался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень высока, то сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чтобы не удариться головою объ дерево. Вечеру я задремалъ и схватилъ отъ какого-то вѣтвистаго дерева такую пощечину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проститься съ веселыми Студентами.

Экстренная почта стоитъ почти четверо дороже ординарной. Мнѣ даютъ пару лошадей съ коляскою, и берутъ съ меня за милю по талеру (120 коп.).

Саксонскіе постилліоны отмѣнены отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воротникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они также жалѣютъ своихъ лошадей, также любятъ пить въ корчмахъ и также грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны, и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ ни одного пріятнаго вида; только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ Бранденбургѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Саксонскіе землевладѣльцы вообще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень переменялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ — не знаю, о чемъ. Знаю только, что стукъ коляски, подъѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ нить моихъ мыслей. Я взошелъ на

крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, нѣжную, бѣлокурую женщину, — въ маленькой черной шляпкѣ, въ Амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, — вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносымъ мужчиною, котораго изображеніе было бы не послѣднію піеосою между Гогардскими каррикатурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу, и поклонился красавицѣ, — правда, не очень низко, для того, чтобы ни на секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почтмейстеръ встрѣтилъ гостей въ сѣняхъ, отвелъ имъ комнату, и самъ побѣжалъ за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не отворится! вздумалъ я, и тихонько отворилъ ее. Красавица стояла передъ зеркаломъ, и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего; а сопутникъ ея сидѣлъ на креслахъ и зѣвалъ. «Извините, сказалъ я: у меня здѣсь осталась книга». Горбатый кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ мнѣ книгу мою, которая лежала на столѣ. Красавица отвортилась отъ зеркала, и взглянула на меня такими быстрыми, пронизательными глазами, что я вѣрно бы покраснѣлся, естли бы у меня что нибудь дурное было на мысли; но я съ спокойствіемъ невинности смотрѣлъ на ея прекрасные голубые глаза, на ея правильный Греческой носъ, на ея розовыя губы и щеки, и любовался прелестями ея такъ, какъ молодой ваятель любитъ Микель-Анджеловою статуею, или живописецъ Рафаэловою картиною. — Красавица съѣла, а я стоялъ противъ нее, и все еще не бралъ своей книги. «День очень жарокъ», — сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего сопутника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: „день очень жарокъ“. Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: «не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня?» — «Нѣтъ, отвѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?» — Такъ, сударыня: я надѣюсь быть тамъ завтра очень рано. — «Вы конечно иностранецъ, естли смѣю спросить?» — Такъ, сударыня. —

Конечно Англичанинъ? Потому что Англичане хорошо говорят по-Нѣмецки». — Извините, сударыня: я Москвитянинъ. — «Москвитянинъ? Ахъ, Боже мой! я еще отъ роду не видывала Москвитинъ». — А я видалъ, сказалъ горбатый кавалеръ, и началъ снова звать. — Да скажите пожалуйста, какъ вы къ намъ заѣхали? — Изъ любопытства, сударыня. — «Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Вѣдь вы конечно оставили въ отечествѣ своемъ много любезнаго? — Много, сударыня, много: я оставилъ отечество и друзей. — Не знаю, до чего бы мы съ нею договорились, если бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щастливаго пути. — «И только»? — Чтожъ дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасный лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію картинной галлерей моего воображенія. — На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бьетъ 10 часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долинь, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественный городъ, и обширная плодоносная долина, составляютъ великолѣпный видъ. — Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденъ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только

благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35,000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платять здѣсь въ мѣсяць не болѣе семи или осьми талеровъ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году.—Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриваніемъ пріятной картины, которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы.—Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П*—и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самый умѣренный, однакожъ и не голодный. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П*, хотя и не есть Ученый, однакожъ много читалъ; и за бутылкою стараго Рейнскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ. Миловидная Шарлотта по большей части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавиинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожъ не безъ пріятности.—Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить, не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галерею. Я разсматривалъ

со вниманіемъ Рафаэлеву¹⁾ Марію, (которая держитъ на рукахъ младенца, и передъ которою стоятъ на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву²⁾ *ночь*, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта съ тьмою; Микель-Анджелову³⁾ картину, представляющую осужденнаго

1) Рафаэль, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анатоміи съ такою прилежностію, какъ Рафаэль — и потому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, которыя самъ средствомъ приобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, есть ли бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ котораго живописецъ есть не что иное, какъ бѣдный копистъ. Небесный огонь оживляетъ черты кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красоту, невинность и святость. Лица тирановъ, имъ изображенныя, приводятъ въ ужасъ; въ лицахъ Мучениковъ его надобно удивляться живымъ чертамъ небснаго терпѣнія. — Правда, что картины его неравной цѣны; послѣднія несравненно превосходятъ первыхъ. Преображеніе Христова считается лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великій художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ расстройство. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

2) Корреджіо, первый Ломбардскій живописецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжалъ никогда изъ своего отечества, и не видавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, на антиковъ. Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совѣмъ правильна, однакожъ искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорятъ. Однимъ словомъ, картины его отменно милы даже и для незнатковъ; и есть ли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то превзошелъ бы, можетъ быть, самаго Рафаэля. — Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скромнень, доволенъ малымъ и челоуѣколюбивъ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ, мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ и ему надлежало перейти четыре мили. Радуюсь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое время вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черезъ нѣсколько дней прекратила жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

3) Микель-Анджело былъ великій Архитекторъ, живописецъ и рѣшникъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служитъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежитъ до картинъ его, то онѣ не столько пріятны, сколько удивительны: для того, что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слѣшкомъ сильно означать

на смерть человѣка, и вдали городъ; картины Юлія Романа¹⁾: Пана, который учить на флейтѣ молодаго пастуха; играющую Цецилію окруженную Святыми, и проч.—Веронезовы²⁾: Воскресеніе, похищеніе Европы, и проч.—Караччиевы³⁾ Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со Младенцемъ, Матѣемъ и Іоанномъ,

мускулы въ своихъ фигурахъ; а тѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но есть ли Микель-Анджело не первый живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ.—Въ Скульптурѣ былъ онъ, кажется, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сатуръ, считаются лучшими твореніями сего художества.—Микель-Анджело былъ остроуменъ. Когда Пана Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго завѣта не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ: то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что святые мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе человѣка. Желая дать знать Рафаэлю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею, начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаэль, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля-Анджело, не могъ начертить такой головы.—Показывая Микель-Анджелову картину Распятія Христова, рассказываютъ всегда, будто бы онъ, желая естественнѣе представить умирающаго Спасителя, умертвилъ человѣка, который служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ.—Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 году.

1) Юлій Романъ, лучшій Рафаэльевъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль, что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе, нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его лица слишкомъ единообразны. Тѣло онъ писалъ кирпичнаго цвѣта, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

2) Картины Павла Веронеза превосходны по живости и пріятности фигуръ и по свѣжести красокъ. Натура была образцомъ его; однакожь, какъ великій художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недостатки — Между прочимъ рассказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокуратора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружелюбно, что живописецъ не могъ выхватить отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ тахонько Даріену фамилію (картину, на которой изображено двадцать фигуръ во весь ростъ) и спряталъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе. — Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

3) Немногіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши. Лучшее про-

о проч.—Тинторетовы ¹⁾: Аполлона съ Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.—Бассановы ²⁾: Израильскій народъ въ пустынь, Ноево семейство, и проч.—Джіордановы ³⁾: похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч.—Розовы ⁴⁾: собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими.—Пуссеневы ⁵⁾: Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ-за дерева двое мужчинъ.—Рубенсовы ⁶⁾: сидящую Марію съ Младенцемъ, которому

изведеніе его кисти есть Фарнезская галлерія въ Римѣ, надъ которою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплатили ему весьма худо, для того, что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаэля, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

1) Тинторетъ, Венеціанскій живописецъ старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микель-Анджело съ Тиціановымъ: т. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а второму въ краскахъ. (Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ). Картины его весьма неравной цѣны, и потому говорили объ немъ, что онъ пишетъ иногда золотомъ, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистію. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

2) Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ, а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціанскимъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а платье не хорошо. Ландшафты его прекрасны.—Онъ родился въ 1570, а умеръ въ 1592 году.

3) Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна отгѣнная легкость кисти; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самыя знатоки иногда обманывались, и принимали его подражаніе за оригиналь.—Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

4) Салваторъ Роза, Неаполитанскій живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большей части неправильны; однакожъ въ нихъ видна смѣлая кисть и отгѣнная живость. Деревя, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

5) Въ картинахъ Николая Пуссена, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

6) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаэлемъ. Какой пѣтическій духъ виденъ въ его картинахъ! какія богатые мысли! какое

Ангелы подаютъ плоды; Страшный судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая съчетъ лозю; Нептуна, укрощающаго море, и проч.—Фанъ Диковы¹⁾: изображенія Королей Карла II и Якова II; Иеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч.—и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять.—Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галерею изъ Моденской, на прим. Корреджіева *ночь*. Августъ III, Польскій Король, былъ великій любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галереи картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ счастью, воровъ скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто.—Выходя, вручилъ я Господину надзирателю Голландскій червонецъ

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gevölbe), или собраніе драгоценныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплатить Голландскій червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатный Французъ, смотря

согласіе въ цѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать антикамъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ недостаеетъ той правильности въ рисованіи, которою славится Римская школа.—Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ Государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англію, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гашпанією. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640 году.

1) Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первый портретный живописецъ въ свѣтѣ. Копирить его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того что не имѣлъ Рубенсова пинтическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, если бы жилъ умѣреннѣе и не прильпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 году.

на камни, сказалъ Курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Святлости?*

Послѣ картинной галлерей и *зеленой кладовой* третія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякій путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, то есть, взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!*— Между Греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, преданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Вечеру гулялъ я въ саду, который называется *Zwinger Garten*, и который хотя не великъ, однакожъ пріятенъ. Посланика нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Июля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Июля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодого Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый *большой садъ*. Длинная алея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣль

высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выстав-
ляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На
правой сторонѣ поля, обогащенные плодами, вездѣ вокругъ меня
разстилались зеленые ковры, усыянные цвѣтами. Вечернее солнце
кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я
смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ:
что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень ве-
село!—Вынувъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная приро-
да!* и болѣе ни слова! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ
такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щастливымъ;
и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и
такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты.
Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой
Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ
книгѣ моей жизни.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы
будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣвер-
ное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспомина-
вать прошедшее!

Мейсенъ, Іюля 13.

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной
почтовой коляскѣ (которая называется *желтою Gelbe Kutsche*,
для того что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надле-
жало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ
называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что
буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена
пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемный слуга согласился за нѣ-
сколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти
на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною На-
турою и плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эль-
бы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ
зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодоносная рав-
нина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограни-
чиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и щастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтеть душа его. — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху — думалъ я, — который ожидаетъ ее подъ тѣнію каштановаго дерева, — тамъ на правой сторонѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжить онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверстія объятія милаго своего пастуха. — Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались, какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно товарищей; между прочими Магистеръ, или деревенскій Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, который сидѣлъ подлѣ меня, и тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ — о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. «Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое *остроумнѣйшее* философическое сочиненіе: однакожь всѣ доказательства безсмертія нашего основываетъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!» — Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я. — «О! государь мой! возразилъ Студентъ: *сердечное* увѣреніе не есть еще *философическое* увѣреніе; оно не надежно; теперь чувствуете его, а черезъ минуту оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе осно-

вывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются все вѣчныя, необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампы, забывая сонъ и отдохновеніе. — Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себя*, то намъ все бы открылось; но» — — — Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

«Глазъ, по своему образованію, не можетъ смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы созерцаемъ только въ другихъ предметахъ. Чувство бытія, личность, душа — все сіе существуетъ единственно по тому, что внѣ насъ существуетъ, — по феноменамъ или явленіямъ, которыя до насъ касаются». — Прекрасно! сказалъ Студентъ, — прекрасно! Но есть ли думаетъ онъ, что « — — Тутъ коляска остановилась; Шафнеръ отворилъ дверицы и сказалъ: «Госпожи и господа! извольте обѣдать».

Мы вошли въ трактиръ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Намъ подали пивной супъ съ лимономъ, часть жареной телятины, салатъ и масло, — за что взяли послѣ съ каждаго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ образомъ обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были въ отдаленіи, подходятъ ближе къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ стоятъ перпендикулярно огромныя гранитныя скалы! Нѣкоторыя изъ нихъ — чего не дѣлаетъ трудолюбіе! — покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучший Саксонскій виноградъ. — На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свистать и воютъ вѣтры.

Одинъ древній поэтъ сказалъ:

*Est locus, Albiacis ubi Misna rigatur ab undis
Fertilis et viridi totus amoenus humo.*

Въ этомъ мѣстѣ теперь я. — Мейсенъ лежитъ частію на горѣ, частію въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ

по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы, дома всѣ готическіе и показываютъ странный вкусъ прошедшихъ вѣковъ. Главная церковь есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старый дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспитывались тамъ герои отъ племени Виттекиндовъ (сего славнаго Саксонскаго Князя, который столь храбро защищалъ свободу своего отечества, и котораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семь дворцѣ дѣлаютъ славный Саксонскій фарфоръ. Чтобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирателя.

Г. Маттей былъ нѣсколько лѣтъ Директоромъ здѣшней школы; но недѣлъ за шесть передъ симъ оставилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Виттенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считается въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ. Надобно садиться въ коляску, и проститься съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, кроткая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ-за котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса: женатъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ, и при томъ не въ похвалу ихъ. «На гробъ друга моего—сказалъ онъ—друга, который пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной вѣтренной легкомысленной женщинѣ, клялся я удалиться отъ этого опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю мою душу—и, благодаря Бога! могу быть щастливъ самъ собою». — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака, и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ студентомъ о теологическихъ

истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ — что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно улодобить бездонному сосуду, въ который ничего влить нельзя; или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ». — И такія головы, прервалъ Студентъ, часто, бывають покрыты рыжими париками, и торчатъ на каедрахъ. — Государь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали, — спокойно отвѣчалъ Студентъ. Лучше замолчать; сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ присталъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, затычули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Бѣ щастію, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На развѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы итти въ трактиръ пить кофе, Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ и не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: «Куда онъ дѣвался? Какъ мнѣ быть безъ него? какъ я бѣдный покажусь въ городъ?» — Онъ приступилъ къ Шафнеру и требовалъ, чтобы парикъ его непременно былъ отысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистра, и наконецъ, какъ будто бы сжался надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать! сказалъ онъ: однакожь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и — вытацилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. «Вы ищите за милою того, что у васъ подъ носомъ» — сказалъ ему Шафнеръ съ сердцемъ; но душа Магистрова была въ сію минуту такъ

полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Воннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственной* фибры (*fibre vierge*). Конечно долѣ минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаетъ Сатана и—тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ привлеченій доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце!—Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы въ глазахъ.—Не льзя возвратить потеряннаго!

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня—говорилъ онъ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна—а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ.—Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. «Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сѣвознаго вѣтру».

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось

небо тучами, заблестала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ-Клейстомъ, который служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить Пруссію, и который, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки лѣстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами. — Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

Июля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ Ш*, Англійскаго купца, и который, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на Французской. — Отъ него зашелъ я въ Теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемый городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рошицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первые можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо*; которую

всѣ же хвалить, но только безъ восторга, о которой съ краткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна!*

Дома здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большей части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены.

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ.

Послѣ обѣда былъ я у г. Бека, молодаго но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистру Р*, который у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ рассказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ Дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ въ его деревнѣ; но что, пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержать престрогой экзамень, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ, побольше любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человѣкъ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартеlemi. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Литераторы преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Греческой Литературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ

нихъ: который напимѣрь въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчить обоимъ. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. *Афоризмы* Платнеровы весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Ариадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокой, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. «Я уже слышала объ васъ отъ г. Клейста» — сказалъ онъ и ввелъ меня въ кабинетъ. «Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма, завтра, въ эту же часъ, прошу васъ къ себѣ» — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. «Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?» спросилъ онъ. *Изящнымъ*, отвѣчалъ я, и покраснѣлъ, — знаю, отъ чего, — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по аллеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень понравилось. Я изъявилъ ей свою благодарность двумя грошами!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, слѣланный изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда читая его *Инке* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ**, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, Мораль по Геллертовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учить васъ будетъ Геллертъ, и вы будете счастливы!» Воспоминанія расстрогали мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: доволью тѣни! И что еще въ будущемъ ожидаетъ меня!

Я пошелъ изъ сада въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ

Геллерту учениками и друзьями его иной памятникъ, представляющей Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчанный образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!) Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ». — Приятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. «Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго — говаривалъ покойникъ тысячуразъ друзьямъ своимъ — всѣмъ обязанъ я Христіанству». — Описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера негнѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть — вѣчность!»

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать. Сяду подъ окномъ, буду читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

Юля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера. Эстетика есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая — оставляя Логикѣ образованіе вышшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго,

т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Всѣ молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго—кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молюю источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи—Брауншвейгскаго Дому! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще.—Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка видѣнъ особый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для, себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!—Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Естли бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельсоновыхъ Философическихъ Писемъ, пли Іерусалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе; а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но одушевляемая симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя».—

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабине-

тѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ—а если бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто“. Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей.

Июля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собраніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, куртизируютъ. Сверхъ того здѣсь есть особливныя ученые общества или Клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги и проч.—Здѣсь есть и театръ; только комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ услаждать вкусъ, есть здѣсь отменно вкусныя жаворонки, славныя пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишни, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ.—Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнату также 30 коп.; то же платилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ,—что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и собирая библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во вся-

еомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку.—Книгопродавцы изъ всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собою новыми книгами. Безчестными считаются изъ нихъ тѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ—которые купили манускрипты у Авторамъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ.—Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочиненію. Если онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едвали дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня.—Нѣсколько дней, отвѣчалъ я.—Только? А я думалъ, что вы пріѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкій языкъ. Въмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоплеменцевъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно.—Я почелъ бы за особое щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства—И такъ мнѣ остается жалѣть, если они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами“.

Онъ помнитъ Б*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь“.—По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы...

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора.—У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однакожъ вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь

часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубаго Ангела*.—

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ карсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *Голубаго Ангела*. Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изыщныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Съѣли за ужинъ,—самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Русской языкъ. «Я не думалъ бы—сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи—чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей», Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ.— Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Русскіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонию. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы Россіяду и Владимира, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи.—Платнеръ игралъ за ужиномъ первую роль, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Естьли вообще справедливо укоряють Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любить и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну.—Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны сбирался онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ.—Что принадлежитъ до Биргермейстера Мил-

лера, то онъ, кажется, очень важничаетъ. — Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ: что для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ — но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не хватится меня завтра, еслии нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о переселеніи вашего друга!

Юля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ, — и былъ щастливъ!

Солнце взошло высоко и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень недалеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? — «Тамъ, на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ,»! —

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія — Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезный хозяинъ, маленькій человѣчикъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ

бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезной Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣжее лице его не показываетъ ни пятидесяти—и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ—и въ такой жаръ: подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на Русской, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ.— Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамилій Друга Дѣтей*, приятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же протѣивно, какъ и самохвалство.—Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое счастье! «Благодарю Бога! сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое счастье совершеннымъ, если бы Небесная Благодать возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ». — Однимъ словомъ, если я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человѣка.

У него есть рукописная исторія нашего Театра, переведенная съ Русскаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. «Путешествуйте счастливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удо-

вольствіе чистому сердцу! Однакожъ я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ». — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ *sa fin [т. е. конецъ мудраго] est le soir d'un beau jour*—и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того, въ комъ не загроубѣло чувство добра.

Возвращаясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и *Vicar of Wakefield*.—

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородный садъ. Тамъ было множество людей: и Студентовъ и Филистровъ¹⁾. Одни, сидя подъ тѣнію деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ алеяхъ гуляли съ дамами, и,—проч. Музыка гремѣла, и человѣкъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-Русски. «Я жилъ четыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ—и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожъ не забылъ еще вашего языка». — Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ Бнягиною Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты, и каждый изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

---

1) Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова. *Balistarii*. Симвъ имѣнемъ назывались гордые солдаты и простые граждане.

Юля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Стразбургѣ; но мнѣ никакъ не лзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни одного чело­вѣка, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр., молодой Ученый, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенталь, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстный обманщикъ Шрепферъ кончилъ тутъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать подлинной, таинственной исторіи? Сей чело­вѣкъ долгое время былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ, подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и Духами, и въ громкую трубу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Универси­тетахъ не учать; а другимъ болѣе всего нравился его хороший столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а Банкиры, получая векселя, давали ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣ­чіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ Духовъ, тѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *При­иди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, которые сомнѣвались—при­ходили и видѣли тѣни и разные страхи, отъ которыхъ у тру­сливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ Уче-

ныхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, которые вѣрятъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, со всѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только *показывалъ* чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ *не научалъ* дѣлать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на то определенныхъ комнатахъ. Г. Бр. разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ, для того, чтобы видѣть его духопризыванія. Онъ нашелъ у него множество гостей, которымъ безпрестанно подносили пуншъ. М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ приступалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хоть одинъ стаканъ; но М* отговаривался. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ. и въ которой окна были затворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому трогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ,—чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящей мечъ, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманщикъ и обманъ, почувствовалъ трепеть и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блисталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать тѣнь одного извѣстнаго человѣка, не давно умершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: „О ты, блаженный духъ, преселившійся въ безплотный и смертнымъ неизвѣстный міръ! внемли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебя видѣть, внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ!“ и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобный громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкій паръ, который мало по малу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожъ М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, который слѣдался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣ-

шился выйти изъ круга и приблизиться къ Шрепферу; но сей примѣтивъ его движеніе, вскочивъ, бросился на него, и устремивъ мечъ къ его сердцу закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, несчастный, естли хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги: такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ отъ усталости растянулся на полу, и велѣлъ выйти всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.—Многіе приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ продолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и притомъ такимъ, которые, не имѣя никакого желанія видѣть его Духовъ, требовали немедленно платежа. Векселей къ нему уже не присылали, Банкиры не давали ему ни гроша, несчастный мудрецъ, доведенный до крайности, застрѣлился въ Розенталь.—По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (вмѣстѣ съ Калиостромъ, который въ самомъ дѣлѣ есть второй Шрепферъ)—Іезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Естли это правда—въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь—то съ дозволенія Господь тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ—тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются, и просвѣщеніе котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій.—Вы скажете, можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ оболыщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человѣкъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минуту получилъ я записку отъ Платнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность*.—Профессоръ Бекъ, который очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*. Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ.—Простите, любезные друзья!

Веймаръ, Юля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску—къ намъ, говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ Французомъ, который былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ: мы бросили нѣсколько грошей, и они громко закричали: *спасибо!*—Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На развѣтѣ пріѣхали мы въ Буттельштетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постиліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома.—У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предлѣжилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гете?» Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ постиліону везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передражнивая слугу,—взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звѣздою*, мнѣ очень понравился; но еще болѣе понравились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ,

прочиталъ я первую книгу Фингала. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагѣ встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. У него одна мысль, сказалъ объ немъ какой-то Нѣмецкой Авторъ, и сия мысль есть цѣлый міръ. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многого не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе! — Я читалъ его *Boia*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный Философъ и ревностный читатель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный. Гердеръ сообщаетъ тутъ и свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, которыя мнѣ отъменно понравились. Постойте — не найду ли чего нибудь въ записной книжкѣ своей?.. Нашелъ одно мѣсто, которое, можетъ быть, и вамъ понравится — и для того вложу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о смерти. «Взглянемъ на лилію въ полѣ; она впиваетъ въ себя воздухъ, свѣтъ, всё стихіи — и соединяетъ ихъ съ существомъ своимъ, для того, чтобы расти, накопить жизненнаго соку и расцвѣсть; цвѣтеть, и потомъ исчезаетъ. Всю силу, любовь и жизнь свою истощила она на то, чтобы сдѣлаться матерью, оставить по себѣ образы свои и размножить свое бытіе. Теперь исчезло явленіе лиліи; она истлѣла въ неутомимомъ служеніи Натуры; готовилась къ разрушенію съ начала жизни. Но что разрушилось въ ней, кромѣ явленія, которое не могло быть долѣе, которое, — достигнувъ до высочайшей степени, заключавшей въ себѣ видъ и мѣру красоты ея, — назадъ обратилось? и не съ тѣмъ, чтобы, лишась жизни, уступить мѣсто юнѣйшимъ живымъ явленіямъ — сіе было бы для насъ весьма печальнымъ символомъ — нѣтъ! напротивъ того она, какъ живая, со всею радостію бытія произвела бытіе ихъ, и въ зародышѣ любезнаго вида предала его вѣчноцвѣтущему саду времени, въ которомъ и сама цвѣтеть. Ибо лилія не погибла съ симъ явленіемъ; сила корня ея существуетъ; она вновь

пробудится отъ зимняго сна своего и возстанеть въ новой весенней красотѣ, подлѣ милыхъ дочерей бытія своего, которыя стали ея подружками и сестрами. И такъ нѣтъ смерти въ твореніи; или смерть есть не что иное, какъ *удаленіе того, что не можетъ быть долѣе*, т. е. *дѣйствіе вѣчно юной, неутомимой силы*, которая по своему свойству не можетъ ни минуты быть праздною или покоиться. По изящному закону Премудрости и Благости, все въ быстрѣйшемъ теченіи стремится къ новой силѣ юности и красоты — стремится, и всякую минуту превращается.» — Въ семь сочиненіи все ясно и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юности кружится на высотахъ и сверкаетъ во мракѣ, подобно ночному метеору, блестящему и въ минуту исчезающему; но мысль мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира — несется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою струею свой путь означаетъ. — Я читалъ еще его *Параміи*¹⁾, нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка. — Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отнѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литтературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выстреннымъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэмю». — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается:

¹⁾ Т. е. *отдохновенія*. Слѣзъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти.

Welcher Unsterblichen
 Soll der höchste Preis seyn?
 Mit niemand streit' ich,
 Aber ich geb' ihn
 Der ewig beweglichen,
 Immer neuen.
 Seltsamsten Tochter Jovis
 Seinem Schooskinde
 Der Phantasie, и проч.

«Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ, какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литтературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезный человекъ, друзья моя. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *Физиономическаго Путешествія и Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ урна, съ надписью: *Незабвенному Музеусу*. — Чувствительная Амалія¹⁾! потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

Июля 21.

Вчера два раза былъ я у Виланда и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человекъ довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали крас-

¹⁾ Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

ные—таковъ Виландъ. Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ—сказалъ я. «Это не стоило труда!» отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли: изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — „И такъ позвольте мнѣ притти въ другое время; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть“.—*Виландъ*. Чего вы отъ меня хотите?—*Я*. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя.—*В*. Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно?—*Я*. Скажите.—*В*. Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему неизвѣстны. Я васъ не знаю.—*Я* Правда; но чего вамъ опасаться?—*В*. Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путшествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровененъ.—*Я*. Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка.—*В*. Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить?—*Я*. Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда—узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди дру-

зей. — В. Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь дурнаго.—Я. Вы шутите—В. Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе.—Я. Вы Поэтъ, а я люблю Поэзію: какъ бы пріятно для меня было, если бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея? В. Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ Поэзіи.—Я. О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ.—В. (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*). Я не физиогномистъ; однакожь видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Рускаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго челоуѣка, напитаннаго духомъ этого старика (*указывая на бюстъ Вольтерова*). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать Французамъ; а вы—Я. Благодарю.—В. И такъ если вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго.—Я. Вы хотите быть только снисходительны!—В. Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны.—Я. Простите!—В. Въ третьемъ часу вѣсъ ожидаю.—Я. Буду.—Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера—съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медицинскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера—взглянулъ бы на величественныя разва-

лины древняго Рима, и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что *die Urkunde des menschlichen Geschlechts* казалась мнѣ по большей части не понятною. «Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ.» — Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго росту, посредственной толщины, и лицомъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ — (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физиогномическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего такого, что бы показывало желаніе *казаться чѣмъ нибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсь словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозревать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великій Ученый и глубокомысленный Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, вспоминая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается,* сказалъ одинъ. *Подите къ нему,* сказали двое вмѣстѣ. *Мы васъ проводимъ,* сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, еслии давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ

энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — «Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда какъ онъ въ Германіи пропадаетъ». — Тутъ съли мы на канане. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ поэзіи, сказалъ онъ: «Естьли бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни». Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, естьли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче—скажите, что у васъ въ виду?—Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ.— «Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное дѣло*. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его счастливымъ».

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — «Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою». — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ титуломъ *Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens*, которое только-что отпечатано, которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, есть ли вы читаете книги такого рода. Вашъ Агатонъ, или Обер-

ронъ, для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожъ иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философій». — «А развѣ Ага-тонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самыя важнѣйшіе вопросы Философій». — Правда, сказалъ я; и такъ прошу извинить меня.

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова. Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Русской. «Но каковъ переводъ?» спросилъ онъ. — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. «Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскій и Англійскіе переводчики меня обезобразили».

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ счастья въ жизни. «Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!» — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самаго меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — можетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Есть ли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Блелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, напримѣръ *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ; однакожъ отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу,

богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остротѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Есть ли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой Литературѣ (которое нѣкогда она въ своемъ дѣлѣ заслуживала, т.-е. тогда, какъ Нѣмцы прилежали только къ сухой учености) есть ли знающіе и справедливейшіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на Французскій языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно,—остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное Греческое лицо! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бертухъ, Боде и проч. Бертухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кихота, и выдавалъ *Магазинъ Гишпанской и Португальской Литературы*; а Боде славится переводомъ Стерна *Путешествія* и Тристрама Шанди. Герцогиня Амалія любила дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и поручила ему воспитаніе молодого Герцога, она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ Вертеромъ: она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго Духовенства.

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой странническій посохъ—иду смотрѣть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звѣздному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ рассказывали здѣсь разныя анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете, друга своего, который вмѣстѣ съ нимъ учился въ Стразбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ Дво-

рѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человѣка съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія странности. На прим. однажды явился онъ на придворный балъ въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ; и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца; но чиновные господа и господа, составляющія Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову. — Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей: онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не приминувъ въ нихъ уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ, стоящій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту. —

Эрфуртъ 22 Іюля.

Въ два часа пріѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ трактирѣ (котораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской

монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать то мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. Толстой отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало идти черезъ длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печальномъ сумракѣ представились глазамъ моимъ распятія и лампады угасающія. Вожатый оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному коридору, и смотря на лампы и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ полнявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ книжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ счастью, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатый, и фантомы моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, отвѣчалъ онъ, если вы только его хотите видѣть.—Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ широкія скванныя доски, и я увидѣлъ большой камень. — Выслушайте исторію.

Когда святая ревность выгнать невѣрныхъ изъ земли Обѣтованной заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку: тогда Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ странамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества. Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить нещастіемъ вѣру Героя—Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знатнаго Магометанца, который велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, несчастный Графъ поливалъ цвѣты, и стоналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но тщетны были бы всѣ его стонанія и всѣ

объты, естли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила взоровъ нѣжной любви на злощастнаго Героя. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часто видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая стыдливость долгое время не допускала ее изъясниться и сказать ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ искра воспылала—стыдливость исчезла—любовь не могла уже таиться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота и способъ разорвать цѣпь неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, естли она согласится оставить своего отца, отечество, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіанскія. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества—Графъ былъ для нее все. Прекрасная летить, приноситъ ключъ, отпираетъ дверь въ поле—летитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до отечества Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго считали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ на его статную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія. «Ты опять меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее (*указывая на свою избавительницу*)—она все для меня оставила. Ахъ! я клялся любить ее!» — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацынка открываетъ свое лицо, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: *я теперь раба твоя!*—«Ты сестра моя, отвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его». — Графъ удивляется великодушію супруги—прижимаетъ ее къ своему сердцу—всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей тройственный союзъ, и самъ Папа утвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣстѣ—въ Эрфуртѣ, въ церквѣ Бенедиктинскаго монастыря—и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петровой горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротскій домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столѣхъ лежитъ Нѣмецкая Библия перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ, жившій во мракѣ этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую нравственную революцію въ свѣтѣ!—Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходит и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величїе и отправиться на тотъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣянїи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На третьей изображены содержатель типографїи въ штюфномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели типографїй умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Июля, въ полночь.

Я прїѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ утра, и остановился въ трактирѣ *Колокольчика*. Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я всталъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и фейерверкъ, которымъ Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, прїѣхавшаго къ нему въ гости.

Франкфуртъ на Майнѣ, Июля 28.

Вчера, милые друзья мои, прїѣхалъ я въ Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать—(я ѣхалъ на ординарной почтѣ)—или

по крайней мѣрѣ стоять по нѣскольку часовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего любопытнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много занимательнаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Натуры. Еще замѣтилъ я замокъ Вартбургъ, который лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ которомъ послѣ Вормскаго Сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находитъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію разсказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушный сердцу, не могъ произносить ничего кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ тотъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, лилъ пламенныя слезы, и видѣлъ огненный румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, страшились своихъ чувствъ и — питали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещуще рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая юра. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свернусь съ высокою утеса, и умру временною и вѣчною смертію.* Сердце ея затрепетало. «Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за стѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства». — Она находитъ способъ вытти

ночью изъ монастыря—идеть во мракѣ и страшится всякаго шороха—входитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страстнаго обожателя. Они забываютъ все, трепещутъ въ восторгѣ—но вдругъ кровь ихъ холодѣетъ, нѣмбуютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесный гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. «Вы видите ихъ»—сказалъ мнѣ постиллионъ, указывая на верхъ горы.—Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ титуломъ: *der Mönch und die Nonne*.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близъ Гиршфельда, постиллионъ мой остановился у дверей одного дома. Я счелъ этотъ домъ трактиромъ, вошелъ въ него, и первому человѣку, который встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бутылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка три, которые съ великою учтивостью начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно заплатить за него? «Ничего, отвѣчали мнѣ съ поклономъ: вы не въ трактирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, который очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ.» Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и сталъ извиняться. «Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ.» Буду почитателенъ, и все, что вамъ угодно,—отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ беспокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего *Vicar of Wakefield* и началъ читать. Сопутница моя стала зѣвать жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ тронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ потрянуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и опять заснула. Между тѣмъ смерклося, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ, и не просыпалась

до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ съ нею разстаться. Что принадлежитъ до меня то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невинности, не думала благодарить меня за мою воздержанность, и простилась со мною очень сухо. Богъ съ нею!

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читать не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ отдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ *Звѣзды*, гдѣ отвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненастье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ Раствореннымъ окномъ; и хотя косою дождь мочить мсна и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Русская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Майнскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслию, что оставлю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Майнъ и Рейнъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны, и одни Зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтущая Природа ликуетъ въ яркомъ свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но—пріѣзжаю, и нахожу пасмурную осень среди лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурта не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Веллемера, богатаго здѣшняго Банкира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ произшествіяхъ.

Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (который уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библіотека въ трехъ шагахъ отъ трактира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію, и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ: вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя критика отдаетъ ему преимущество.—Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ, если бы искусный человѣкъ обработалъ ихъ для Русскаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой Докторъ Медицины, который вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченный желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ привычекъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего Моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ съ здоровыми, тогда какъ они больны,—и когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ чистительнаго Безпорядка душевный бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновесіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякаго часть отпривляетъ ту

должность, которую поручила ей *Натура*: тогда и душа бывает здорова; тогда человекъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щастливъ".—И такъ естли бы у *Калигулы* не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить моста на Средиземномъ морѣ? спросилъ я.—„Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой докторъ; и естли бы лекаръ его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ *златомъ вѣкѣ* были люди и добры и щастливы? Конечно отъ того, что они, питаея только растеніями и молокомъ никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что естли бы я былъ *Государемъ*, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу *Публикѣ* свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлають революцію въ *Философіи*. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали".—Я удивлялся *Логикѣ* *Господина Доктора*.

Юля 30.

Наконецъ *Франкфуртское* небо перестало хмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Трактирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказываютъ, очень богатымъ человекомъ. Узнавъ отъ моего жоатаго, что я путешествующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эте темная аллея?“—Въ жаркое время тутъ хорошо прохладяться, отвѣчалъ я.—«А эта маленькая бесѣдка подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ?»—Тутъ прекрасно сидѣть ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтви на эту бархатную зелень,—„А этотъ холмикъ?“—Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтить тутъ восходящее солнце!—„А этотъ маленькій лѣсокъ?“—Тутъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ

спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы ни мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство. — „Что вы скажете объ этомъ домикѣ?“ — Онъ построенъ на то, чтобы быть жилищемъ Философа, любящаго простоту, уединеніе и тишину, — „Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе“. — Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе, Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріемство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пусть; а а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, которымъ уже по крайней буждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обипирной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой жатель купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, *промышленности* ¹⁾, изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милостыни.

Только не лзя назвать Франкфурта хорошо-выстроеннымъ городомъ. Дома почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не болѣе 50 копѣекъ. Вино также очень дешево. Бутылка молодого рейнвейна стоитъ 10 копѣекъ, а стараго 40. —

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вы шелъ я за городъ. сады, сельскіе домики луга и винограды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеновой!

Уединенный домикъ съ садикомъ, недалеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ.

1) Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ; Авторъ употребилъ его первый.

Два мальчика игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь—я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минуть черезъ пять мальчишки опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать, пріятная лицомъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на игуающихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дождались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первый!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.—Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты вѣтвистое дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою—и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселиемъ невинности и добродѣтели!

ЧАСТЬ II.

Франкфуртъ, Юля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною ГанOVERскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольи.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранный Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ Архивѣ можетъ видѣть и славную *золотую Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанный на 43 пергаментныхъ листахъ и названный симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ суркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а съ другой стороны Римская крѣпость, или такъ называемый *замокъ св. Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

$$\left\{ \begin{array}{c} a u r \\ e a r \\ o m a \end{array} \right\}$$

Я былъ и въ каедральной церкви Католиковъ, гдѣ по уставу Майнцкой Архіепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часто ли шьютъ ей обнови? спросилъ я у моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ. — Хотя главная церковь въ

городъ принадлежитъ Католикамъ, однакожъ господствующая Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Католицкому Духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, большею частію Французовъ, выгнанныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая нетерпимость конечно не служить къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должвы жить въ одной улицѣ, которая такъ не чиста, что нельзя идти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большей части изъ засаженныхъ лоскутковъ, сквозь которое видно нагое тѣло. По Воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей клеткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, если случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе.

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гниlostію воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего о помилованіи. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ тотъ умный

Жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ). «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Иерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда сѣтовать о бѣдствіи народа нашего. Оставьте насъ; мы представляемъ для васъ печальную картину». — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе Христіане. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общестственности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н°. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіанъ». Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Иерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великій челоѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его? (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою). Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я?» Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціанскаго Кутца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, естли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карlsru, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ по утру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштату (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита—и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и воздѣ находилъ я трактиры подъ разными отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресло отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой комнатѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно рассказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться—напримѣръ: *ильз-онъ дешире ла мезонъ де вильз ильз-онъ бриле (brulé) ле докимаъ (le documens); иль вуле бандръ (pendre), ло машистра (magistrats)*. — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Штарка нѣтъ въ Дармштатѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. «Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человѣкъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ». Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорога человѣку добрая слава—и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кто убѣдительно твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of thier souls.

Who steals my purse, steals trash; 'tis something, nothing;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed ¹⁾.

Златые Пифагоровы стихи кажутся мѣдными подлѣ сихъ строкъ, которыя всякому челоуѣку, Христіанину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемый *домъ экзерциціи*, въ которомъ можетъ учиться цѣлый полкъ, и въ которомъ хранится множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ которомъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ удовольствію моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодые люди здѣсь хорошо оуѣваются, и приходятъ въ Театръ не шумѣть, а слушать піесы, или—зѣвать.

Маинцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Маинцъ въ *ди мжансъ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Маинца! Какіе пріятныя виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Маинцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ величественный Рейвъ и тихой Маинъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградныя сады,

¹⁾ Т. е. «Доброе имя есть первая драгоценность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ челоуѣкомъ въ свѣтѣ».

которые нельзя объять глазами. Любезные друзья! как радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я)—вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его теченіи!

Маинцъ лежитъ на западномъ берегу Рейна, гдѣ впадаетъ въ него Майнъ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ мало, церквей, монастырей и монаховъ великое множество. — «Угодно ли вамъ видѣть книжки св. Бонифація, которыя хранятся въ церкви Св. Іоанна?—спросилъ у меня съ важнымъ видомъ наемный слуга. Нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ я: хотя Св. Бонифацій былъ добрый человѣкъ и обратилъ въ Христіанство Баварцевъ, однакожь книжки его не имѣютъ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за городъ.— Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и картину зеленыхъ береговъ.

Возвратясь въ трактиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвенъ какъ воду. Я потребовалъ у трактирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и притомъ самаго стараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. «Вы конечно поблагодарите меня за этотъ нектаръ (сказалъ мнѣ услужливый трактирщикъ, ставя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ моего отца, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ». Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обонянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Костгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказала я,—всталъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, пріѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ столъ—вездѣ прекрасныя деревни—вездѣ богатые виноградные сады—вездѣ плодами, обремененныя деревья—груши, яблоки, грецкіе орѣхи растутъ на дорогѣ (зрѣлище, въ восторгъ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и потомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ!) И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенный, винокродный Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенныя плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь благодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ жень рожденныхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не ліются? Здѣсь ліются онѣ, и я видѣлъ ихъ—видѣлъ тоску поселянъ несчастныхъ. Рейнъ и Неккеръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь несласъ часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина — тамъ плыла бѣдная, блеклая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма—алею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцкомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоитъ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведскій Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, пере-

шедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отравы, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ—по крайней мѣрѣ первомъ взорѣ—очень пріятно. Ворота Рейвскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домѣми. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. Естъли бы я не торопился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копія славныхъ Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло вложить душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію несчастнаго Лаокоонова конца ¹⁾. Смотри на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

«Другое ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ трепеть въ сердца

1) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлявшіе погябель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

«наши. Лаокоонъ, избранный по жребію въ жрецы Нептуновы, торжественно приносилъ въ жертву тучнаго быка—и вдругъ на поверхности тихихъ водъ, отъ страны Тенедоса являются... (страшное воспоминаніе!)... являются два ужасные змія, и рядомъ плывутъ къ берегу; кровавая глава и грудь ихъ гордо возвышается надъ волнами; неизмѣримый хребетъ ихъ извищается въ кругахъ безчисленныхъ; плывутъ, съ шумомъ разсѣкаютъ пѣнистую влагу, и достигаютъ брега. Пламя и кровь въ очагахъ ихъ. Страшно шипятъ они, страшно зіяютъ—и народъ въ ужасѣ спасается бѣгствомъ. — Сія чудовища спѣшатъ къ Лаокоону; бросаются сперва на двухъ юныхъ сыновъ его, и терзаютъ несчастныхъ. Лаокоонъ стремится съ копіемъ на помощь къ нимъ: отецъ злополучный! Змія обвиняются вокругъ его тѣла, вокругъ шеи, и шипятъ надъ его головою. Тщетно хочеть онъ освободиться отъ чудовищъ ужасныхъ; руки старца безсильны. Покрытый ихъ нечистымъ гноемъ, ихъ ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ стенаетъ — и вопль его до звѣздъ возносится.»

Съ какою живостію изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горестъ несчастнаго родителя, который видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ!—Фидіасъ былъ Поэтъ.

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины—гдѣ роскошная Природа въ садахъ и поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и радости—пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ вытти изъ предѣловъ, начертан-

ныхъ имъ Натурою, и умирають, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ—ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ—вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ Природы, повсюду отвергающей для него новые источники удовольствія—вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благославляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможные удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя, по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ.—

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ постиллионъ остановился *Vous êtes déjà en France, Monsieur*, сказалъ намъ худоодѣтый человѣкъ, подошедшій къ нашей каретѣ: *et je vous en félicite*. Это былъ ѳемотрщикъ, который за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, постиллионы, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Стразбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелата, и принудила его пить пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Прелатъ блѣднѣлъ отъ страха, и трепещущимъ голосомъ повторялъ: *mes amis, mes amis!*—*Oui, nous sommes vos amis!* кричали солдаты: *пей же съ нами!* Крикъ на улицахъ продолжается почти непрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры сидятъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неистовыхъ.—Я былъ нынѣ въ Театрѣ, и кромѣ веселости, ничего не примѣтилъ въ зрителяхъ.

Молодые офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ, который раза три приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Стразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри. Связываютъ, что по деревнямъ ѣздилъ какой то человекъ который называлъ себя Графомъ д'Артуа, и возбуждалъ поселянъ къ мятежу, говоря, что Король даетъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можетъ дѣлать, что хочетъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что *одна адская злоба, достойная несмысленнаго наказанія*, могла распустить такой слухъ.—

Здѣшняя кафедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не льзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефы корнизовъ и колонъ, гдѣ вы увидите престранныя и смѣшныя аллегорическія Фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ Орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахиней въ самомъ непристойномъ положеніи.— Богатыя одежды Священниковъ и украшеніе олтарей показываютъ за диковинку. Одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоитъ 60,000 талеровъ.— По круглой лѣстницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самый верхъ башни, откуда безъ нѣкотораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насекомыми, и цѣлый городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Стразбурга едва были примѣтны; миль за десять и болѣе синѣлись горы. Говорятъ, что въ самую ясную погоду можно видѣть и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не выдалъ ихъ сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ.— Между колоколами, изъ которыхъ самый боль-

шой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемый *серебряный*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣстать только въ Ивановъ день. Тамъ же хранится большой охотничій рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятія Стразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе разорены, а другіе выгнаны изъ города. Въ память щастливо разрушеннаго заговора трубятъ въ этотъ рогъ всякую ночь два раза. — Настѣнахъ колокольні путешественники пишутъ свои имена, или стихи или что кому вздумается. Я нашелъ и Русскія слѣдующія надписи: *Мы зѣсь были и устали до смерти.* — *Высоко!* — *Здравствуй, братъ землякъ!* — *Какой же видъ!*

Въ Лютеранской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморный монументъ Маршала Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображаютъ соединенные арміи, побѣжденные Графомъ во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена Франція въ образѣ прекрасной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочетъ одною рукою удержать его, а другую отталкиваетъ смерть. Печальный Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знатоковъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не булучи знаткомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую на третью — и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онъ сдѣланъ. Смерть въ образѣ скелета, одѣтаго мантиею, была мнѣ противна. Древніе не такъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ пугающимъ насъ такими представленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ горестной Франціи, нежели къ гнущему скелету. Коротко сказать, Пигаль, по моему чувству, есть искусный художникъ, но худой Поэтъ. — Подъ симъ монументомъ въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ балзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудѣ, стоя-

щемъ на гробѣ, а внутренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV. по своей чувствительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія Маршала умирающаго, которое состояло въ томъ чтобы тѣло его было сожжено. *Qu'il ne reste rien de moi dans le monde*, сказалъ онъ, *que ma mémoige parmi mes amis!*—

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане прїѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Стразбургскихъ профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученомъ свѣтѣ какъ Авторы Ихъ называютъ дѣльными въ сравненіи съ другими. Можетъ быть, онъ богатѣе другихъ; а въ Германіи бѣдность дѣлаетъ многихъ Авторами.—

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ; но что улицы тѣсны, и нельзя похвалить архитектуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма страненъ. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (т. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе такого убора.—

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говорятъ всегда по-Французски.

Я надѣялся здѣсь найти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Что съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Гений не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать прїятно, но разстаться съ друзьями больно.—

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣсколько дней предъ симъ былъ въ Базели для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ Магистромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, который водилъ меня въ Университетъ, въ анатомическую театръ, въ медицинскую садъ, и который нынѣ за обѣдомъ и заужиномъ пилъ здоровье отечественныхъ друзей моихъ. Заужиномъ у насъ былъ преледикой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человѣку, Французу и Офицеру? Положить руку на ефесъ, говорили одни, и быть въ готовности защищать правую сторону. Взять абшидь, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капитанъ, опорожнивъ свою бутылку.

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Стразбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасъ много разбойниковъ*. Мы посмотрѣли другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ» — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кортикъ и собака» — сказалъ молодой челоувѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться!» сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, чрезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Латарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляютъ для глазъ нѣчто романическое, и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сія горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышаются черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадаются въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Постиліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, которые были бы впору Гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Стразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть перѣѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ почевать, для того, что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базелѣ ворота, которыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не открываютъ.

Съ молодымъ челоувѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я ко-

ротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая черезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправится во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любить онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, миля за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала отставать, то, пожелавъ намъ щастливаго пути, вышелъ самъ изъ дилижанса, чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ. — Здѣсь въ Базель остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Аиста*.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою поднимается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ чело-вѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкара Саразена, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень много, и нѣкоторые переулки заросли травой. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакъ, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производа довольно важный торгъ съ Нѣмцами и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старыя монументы, съ разными надписями,

показывающими бѣдность разума человѣческаго въ средних вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ; въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, прѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Политикѣ, Религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!*—Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не шая и самаго Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы, сухи и натянуты—и вообще книга сія довольно скучна для тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмага-надесять вѣка.—Министеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библиотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только Антикваріи и Нумисматогграфы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Иду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій человѣкъ изображенъ онъ весьма естественно. По преданію рассказываютъ, что Гольбеинъ писалъ его съ одного утопшаго Жида. Страсти Христовы изображены на осми картинахъ. Въ ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбеиномъ. Знатоки говорятъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весьма хороши; что тѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за решеткою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, который, по крайней мѣрѣ отчасти, считаютъ за Гольбеинову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія: и Папу и Нимфу

радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знатокомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя, и столь дурны прочія! Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки ¹⁾. Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростію.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасный портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтартѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подѣ именемъ Богоматери, и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквками: *verbum Domini manet in aeternum* (слово Господне пребываетъ вѣвѣки).

Кабинетъ Господина Феша есть достойный предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, любящихъ искусство. Его цѣнать въ 150,000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе завиденъ для меня и тотъ прекрасный видъ, которымъ наслаждается сей любимецъ фортуны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественный Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подѣ голубымъ сводомъ неба—и я могъ бы цѣлый день неподвижно простоять въ семъ магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, если бы не побоялся быть въ тягость Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную и очень топорно выработанную статую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, ког-

¹⁾ Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

да онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего отворили ему городскія ворота—и онъ жилъ здѣсь, сказываютъ, точно въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой челоуѣкъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горестъ и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатный Французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи*. Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой челоуѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!*—и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ— всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались, оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквиту, другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей—ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ* ¹⁾, *но благодаря Всевѣтняго! видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились сво-*

¹⁾ Слово въ слово съ Французскаго; но галлицизмы такого рода простительны.

его имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе! Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — „Я могу вамъ сказать единственно то, отвѣчалъ онъ, что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его, и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.“ —

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *какой часъ?* то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часамъ*—то есть, здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ—и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей, одинъ изъ Бургомистровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ что назначенное время уже прошло, и возвратился домой—послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, чтобы лѣнныя Кардиналы и Епископы вставали и собирались ранѣе.—Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоценное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожъ правленіе сего Кантона можно назвать отчасти демократическимъ; потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, которые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ

Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные, играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характернаго. — Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькую бассейнъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолокъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семь тихомъ гротѣ, въ семь святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципсоловомъ сундукѣ изображены были ¹⁾. — Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволили намъ ни минуты пробыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ

¹⁾ Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и чернаго; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе между Французами и Швейцарцами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лѣкарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но который отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ ¹⁾.

Вообразите, что новый мой знакомецъ Б*, съ которымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ— умираетъ отъ любви! Здѣсь въ трактирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть, и только что подчивалъ красавицу; а при концѣ ужина подаль ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое-нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, карандашъ — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!.. Въ самую сію минуту всѣ изъ-за стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

¹⁾ Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: «Знайте, о Медици! что волпакъ мой ученѣе всѣхъ васъ, и что борода моя опытнѣе вашихъ Ага-деміи. Греки, Римляне, Французы, Италіянцы! я буду вашимъ царемъ».

Базель, Августа 9.

Молодая Дама изъ Ивердона нынѣ по утру уѣхала, и Датчанинъ В* исцѣлился отъ любовной своей болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извозчика, или такъ называемаго *кучера* (Kutscher), который за два лудора съ талеромъ повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣстной старомодной каретѣ; и такимъ образомъ за 60 верстѣ платимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты. — *Ступайте, господа!* кричитъ намъ почтенный извозчикъ Швейцарской въ плюсовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны.* И такъ простите!

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отвѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна вротко влетать въ грудь вашу¹⁾, не возмущаемую свирѣпыми страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы

¹⁾ Читатель, можетъ быть, вспомнить о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя вротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мнѣяхъ своихъ передали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию вѣчно-юнаго Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, пережѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья моя, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благодѣтельность не была бы высочайшею Благою, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими? — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благодѣтельности, лобызая невидимую руку Твою, меня вѣдущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, навистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Рейнфельденъ, австрійской городокъ.

И такъ я теперь во владѣніи нашего! — союзника! Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ трактирѣ подъ окномъ, и смотрю на Рейнъ, котораго пѣна чуть до меня не долетаетъ.

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ платьѣ,

съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное платье, блѣдное лице и томность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать» — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Датчанина былъ очень нѣженъ. «Естьли это не будетъ вамъ противно» — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ трактирщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?» *Увидите*, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на головѣ свою шапку. — «Швейцары добрые люди» — сказала Француженка съ улыбкою, сѣвъ за накрытый столъ — «только немного грубоваты». Поставили купанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать Дамѣ и сыну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спросить у нее, по комъ носить она трауръ. «По братѣ, отвѣчала Француженка со вздохомъ. Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго во гробѣ».

Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Норикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — «Старѣе меня пятью годами» — отвѣчала она, и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ лѣваго* глаза ея. Господинъ Б*! сказалъ я: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я этого не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее литься». — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ трактирщикъ. *Бу!* что это? сказалъ онъ грубымъ голосомъ: я думалъ, что вы обѣдаете. Никто не от-

вѣчалъ ему. Госпожа N. N. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно, и тоннымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за не скромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я трактирщику; но онъ стоялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа N. N. успокоилась, и рассказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцарь, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время по Франціи и, будучи въ T*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ K*. Онъ очень щастливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего счастья, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей.—Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплатиться съ трактирщикомъ и проститься съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ разцѣловать своего Пьера,—изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а трактирщикъ, стоявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку стащили съ головы моего пріятели, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*?* Учтивый пріятель мой увѣрялъ госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга, «Ахъ, государь мой!» сказала она: я вижу кровь, я вижу кровь!»... и бѣлымъ свесимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня! отвѣчалъ Б*, будучи тронуть до глубины сердца: какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду». Госпожа N. N. подарила ему трубочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрька. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей

наши имена. Маленькій Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы сѣли. Простите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной госпожѣ N. N., которая въ воображеніи моего Б* затемнила образъ молодой госпожи изъ Ивердона. —

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодого человѣка, который со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ» — отвѣчали намъ вдругъ человѣка четыре: «у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать». — Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите его! — «Нѣтъ, его надобно наказать, чтобы онъ пересталъ красть» — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Можетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убивствахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ щастливой Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство; и все сіе пространство устѣяно щедротами Натуры. Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

Цирихъ.

Съ отѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро и на красивые его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ

излились въ его *Германнъ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Наохиды, и питался духомъ временъ Патриаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духъ своемъ древнѣйшаго изъ творцовъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ¹⁾; гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ. —

Мы приѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ. Услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, Лафатеръ поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ приѣздомъ въ Цирихъ — слѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома». — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фолиантовъ, съ надписью: *Физиогномическій Кабинетъ*, и ушелъ.

1) Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ Иліаду.

Я постоялъ, подумалъ, сълъ и началъ разбирать физиогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсъ вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбно, и услышавъ мое имя, окажутъ боѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтренаго безрасуднаго самолюбія человѣческаго и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихское Ученыхъ, къ Профессору Врейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ пронизательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, в все, все другое; однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семь сходствъ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожъ оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходство тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой Физиогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ рассказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Естьли бы хотѣлъ я вообразить совершеннаго Министра, то представлялъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. Однакожъ онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ Невтонъ, Вольтеръ, и проч. Великость его есть

приобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное». Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры ¹⁾, возвратиться въ бурный Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лицо, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говорить онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть;

1) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть счастьемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ беспокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію и зываетъ съ Царемъ Леаромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness: I called not you my children; I never gave you kingdom! («Шумите, свирѣбые вѣтры; шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженные стихіи! вы не дѣти моп: вамъ не отдавалъ я царства») Читая сіе мѣсто въновой книгѣ его, sur, l'Administration de M. Nekker, par lui-même, я готовъ былъ заплакать. «Французы! вы кричали нѣкогда: да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши—и вотъ слова пѣсни:

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ природы; въ тебѣ цѣлительнъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліктся.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братьямъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабствѣ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ—когда мы изъ груди ея пиемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ».

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафроктѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цюрихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сии посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ—поговорили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятого дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовать совѣта, или просить милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ

безъ сердца, и давалъ, что могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, который не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живеть у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, наприм. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ: а многія улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Рефармотору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцатилѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Нещастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти обѣдать къ деревенскому Священнику Т*. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. «Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины), удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько

красотъ здѣсь разсѣяно!» — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлю нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служить образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wild:
So flourish'd blooming, and unseen by all,
The sweet Lavinia ¹⁾.—

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щастливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлѣбляла; хотѣлъ бы сравнить бѣлорумяныя щеки ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сылетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ—но скромность вашихъ взоровъ отнимаетъ у меня смѣлость хвалить васъ.—Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ расчуженные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя ²⁾.—Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафатеръ), который знакомъ съ вашей родственницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, естли бы красавицы не перестали меня подчивать. — Между тѣмъ я обратилъ глаза

¹⁾ „Подобно какъ въ лонѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходить миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благоуханіе разливаетъ въ пустынь: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія.“

²⁾ Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти!

свои на большой шкапъ съ книгами, и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Стихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ, отвѣчалъ онъ, какъ не любить Поэзію?* Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣлы нашему зрѣнію. — *Естьли мнѣ когда нибудь наскучить свѣтъ; естьли сердце мое когда нибудь умереть всѣмъ радостямъ общежитія; естьли уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удаюсь въ ту пустыню, которую сама Натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры. — Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный, говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось блага мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель?* Отвѣтъ: *Тотъ кто помогаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай нравоченій тому человѣку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такою-то человека для совершенія такою-то дѣла?* Отвѣтъ: *Нужна, естьли онъ живъ останется; не нужна, естьли онъ умретъ.* — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Отвѣтъ: *Люди.* Потомъ изъ*

нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связанное. Тутъ выходило все смѣшное. — Желалъ бы я, чтобы мы переняли у Нѣмцовъ сіи остряція разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ ¹⁾).

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушный Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни, потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ В* итти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

Элизуа, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ В* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться—день былъ самый ясный—жаръ безпрестанно усиливался—и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего В*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, отвѣчалъ В*, что оно—слишкомъ—слишкомъ возвеличено путешественни-

¹⁾ Желаніе Автора исполнилось: нѣкоторые изъ нашихъ Дамъ полюбили играть въ вопросы и отвѣты

ками.» Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный, ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердца?—Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Наслу могъ я дотащиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *Винца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ—не смотря на то, что мы были пѣшеходы и съ головы до ногъ покрыты пылью—приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтанъ упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтанъ былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году.—Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелью и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титуломъ *Philosophische Aufsätze*, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали дивиться и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны, и вблизи.—О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ; моста, который дрожитъ подъ ногами одного человѣка, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстѣ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галерею, по-

строенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, мириадами поднимаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревущій, концертъ оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался — и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ кѣрину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ Стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердосги отражающему всѣ удары злаго рока) — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли

мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — во шумъ его долго еще отзвывался въ моемъ слухѣ. — Лодшникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его: но мы поняли, что онъ говорить о Ниагарѣ.

Эглизау.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленныя решетки вѣтвистыхъ деревьевъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчиваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прерасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиновъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Натуры—ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодшнику новый Французской талеръ, или два рубля. Хотя солнце уже садится, однакожъ мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости—всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра Воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви св. Петра; мнѣ хочется притти туда къ сему времени.— Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

Корчма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закатилось: сѣрая облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе,

и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было идти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали—но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвю. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ повѣялъ сильный, холодный вѣтеръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали: только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь бродить пьюшкѣмъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ трактирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего отвѣчалъ онъ. Дѣлать было нечего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Потомъ хозяинъ проводилъ насъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькой чуланъ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожъ усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и съѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожъ я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, идти въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ, и небо прояснилось; скоро будетъ свѣтать.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви: и такимъ образомъ

въ сіе Воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мужчины и женщины, которыя мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по праздничному: первые большею частію въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длинномъ платьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики или покрывала. Праздничное платье Цирихскихъ Сенаторовъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ варядѣ ходять они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по Воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣрить Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного необдуманнаго слова». Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? Найдутся ли у насъ читатели для такой книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь, чтобы ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ.— Отъ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасный лугъ на берегу рѣки Лимматы, осыяемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Таковъ обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человекъ говоритъ вамъ: *добрый день* или *добрый вечеръ!* Учтивость хороша; однакожь рука устанетъ снимать шляпу—и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафатеру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, который теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей— я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе—но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справед-

ливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранять его такъ жестоко; довольно, если онъ не платить имъ такую же бранью. Пфенингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни худа до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, отца известной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмъ его семействомъ, довольно многочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли отпустить дочь свою въ такую отдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно—да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое несчастіе надолго оставлять его.—Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья Цирихской милиціи. Почти всѣ жители были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и—непріятное. Г. Профессоръ Брейтингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я думалъ, что онъ говорить о паденіи Рейна; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену—земля затряслась подо мною—все вокругъ меня зашумѣло—и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ? кто можетъ описать великолѣпіе такою явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* «Это были наши волонтеры» — отвѣчалъ мнѣ Господинъ Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я понялъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Рейна, а объ ученьи Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаться, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ—было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблужденія, столь оскорбительнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣеть, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянскій дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится,* отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю,* отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ готовить ее къ смерти. «Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только брненное тѣло твоё въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости,— видѣла возростшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возростшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Такъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щастливое семейство!» — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей—сказалъ, чтобы они не плакали, и давъ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тя-

жело, однакожь слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой! отвѣчалъ онъ съ улыбкою: человекъ можетъ дѣлать много, есть ли захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствию».

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физиономическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: *Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elends zu lindern*) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ*¹⁾; за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному Французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человекомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Въстѣ съ нимъ и двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, которые простираются непрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ лю-

1) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физиономическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — Памятникъ для путешественниковъ есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

безнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — батался по озеру. «Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя». Сію эфирную радость—радость, какую могутъ только чувствовать великія души—воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и миртами увѣчаннаго. Г. Тоблеръ — говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно затѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir (*ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце пѣснопѣвца!—Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ выйти на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ расгуть благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ я семейный крестьянскій обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола — мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры — и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою: при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ почти никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ, — что почитается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швей-

царіи вообще больше ѣдят, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствию здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отпѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодovitый садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ, между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цюрихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ.

Въ Цюрихѣ есть тагъ называемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читать, писать, ариѳметикѣ, правиламъ нравственности и экономіи: то есть, приготавливаются быть хорошими хозяйками, супругами и матерьями. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ опрятно и чисто одѣтыхъ красавиць, которыя занимаются своимъ дѣломъ въ тишинѣ и съ великою прилежностію подъ надзираіемъ благонравныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кротко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшаго Цюрихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Устери, который, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности—и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ; и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы—разговариваютъ дружески—вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопштока Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бывають онѣ вмѣстѣ съ посторонними мужчинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихскій выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ.—Мунцины отправляютъ по утру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку. Ученый садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а вечерому прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе—купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ этотъ Галлицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою республику. Мужчины не могутъ носить здѣсь ни шелковаго, ни бархатнаго платья; а женщины ни брилліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ и потому здоровыя

ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго соблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аптеки. по предписанію своего Доктора Г*.

Я слышалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и потомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкается и спрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* ¹⁾ для мудрыхъ и слабоумныхъ?» — Отвѣтъ: «Бытіе есть цѣль бытія — Чувство и радость бытія (*Daseynsfrohheit*) есть цѣль всего, чего мы искать можемъ. Мудрый и слабоумный ищутъ только средствъ наслаждаться бытіемъ «своимъ, или чувствовать его — ищутъ того, черезъ что они сами себя сильнѣе ощутить могутъ. — Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигаемый, которымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, «суть прибавленія (*Beiträge*) нашего самочувствованія (*Selbst-*

¹⁾ То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

«geföhles); чѣмъ болѣе самочувствованія, тѣмъ болѣе блаженства.—
 «Какъ различны наши организаци и образованія, такъ же различны и наши потребности въ *средствахъ* и *предметахъ*, которыя новымъ образомъ даютъ намъ чувствовать наше бытіе, наши силы, нашу жизнь.—Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе (existenter) мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender), любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлю бытія нашего сообразнѣе.—
 «Изслѣдуйте точно, чрезъ что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже существуете? Что вамъ доставляетъ болѣе наслажденія—разумѣется такого, которое никогда не можетъ причинить раскаянія—которое всегда съ спокойствіемъ и внутреннею свободою духа можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ достойнѣе и существенно избираемое вами средство, тѣмъ достойнѣе и существенно вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе существованіе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія вашего. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованія сего положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть одно) покажетъ вамъ истину, или (что опять все одно) всеотносимость онаго. (Цюрихъ, въ Четвертокъ ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ Лафатеръ.)
 Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный,—оставляя у себя копію. Я увѣренъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года должно выходить въ Берлинѣ, подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей*¹⁾).

1) Я угадалъ,—и первая піеса, напечатанная въ семь ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскими Рецензентами

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библиотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщены такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію бібліотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожъ они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; если онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жизни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго — и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны — если не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятый-надесятъ вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много рассказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ! «Геснеръ украсилъ весну жизни моей (говоритъ онъ) — и во всѣхъ пріятныхъ сценахъ моей юности, о которыхъ теперь съ удовольствіемъ воспоминаю, вижу его передъ собою. Часто проводили мы вмѣстѣ длинныя зимніе вечера въ чтеніи Поэтовъ; и почти всегда, когда я приходилъ къ нему, встрѣчалъ онъ меня съ какою нибудь пріятною новостію, имъ сочиненною. Домъ его

показалось забавно: die constante solideste, sutenabelste existenz — или: Daseyn ist der Zweck des Daseyns, — — и проч. „Г. К* (говоритъ Рецензентъ во всеобщей Нѣмецкой Библиотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего“. — Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлицевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны: здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

былъ Академіею изящной Литтературы и Искусства — Академіею, какой Государи основать не могутъ. Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ; но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею. — По любви къ человѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ, — братомъ того Мейстера, который написалъ на Французскомъ языкѣ известную книгу о *естественномъ нравоученіи*, и который, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма приятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (*Kleine Reisen* и *Characteristik Deutscher Dichter*), и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Если бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепель сіи гордые вышины: но онѣ стояли, и рука Его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими то преимущество, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ, — изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему

Совѣту принадлежить законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судить такъ называемый *Малый Совѣтъ*, или Сенать (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ), для котораго избирается особенно изъ каждаго цеха по шести чело-вѣкъ; они называются Сенаторами, и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тотъ имѣеть уже голосъ въ Рес-публикѣ, т. е. можетъ избирать въ судьи, въ тридцать лѣтъ можно быть Членомъ Верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ или Членомъ Малаго Совѣта. Цирихскій житель, имѣ-ющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права; однакожь его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ.

Въ Субботу вечеромъ Лафатеръ завтрается въ своемъ каби-нетѣ для сочиненія проповѣди—и чрезъ часъ бываетъ она го-това. Правда, если онъ говорить все такія проповѣди, ка-кую я нынѣ слышалъ, то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его*—сія мысли, выраженные различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламация и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего-нибудь лучшаго. Вы скажете, что съ народомъ такъ говорить надобно; но Лав-рентій Стернь говорилъ съ народомъ, говорилъ просто и трогалъ сердце—мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ полюбілся.

Цирихскіе проповѣдники являются на кафедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушунахъ*, съ большими бѣлыми и жест-ко-накрахмаченными крагенами. Обыкновенно же ходять они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку—но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ.

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотече-ственниками моего пріятели В*: съ графомъ М* и Господиномъ

Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, которыя отменно полюбились Копенгагенской Публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ Писателей; они вздумали увѣрять публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ—однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любятъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ-нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ; любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цюрихъ 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цюриха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (вы удивитесь; но учтивый Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмцу не худо. Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лимматы—и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!)—я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались въ глаза. „Потомство справедливо чтить урну съ пепломъ Пѣнопѣвца, котораго Музы

себѣ посвятили, да учить онъ смертныхъ добродѣтели и невинности. Слава его, вѣчно юная, живетъ и тогда, когда трофеи завоевателя гниютъ во прахѣ, и великолѣпный памятникъ недостойнаго Владѣтеля среди пустыни зарастаетъ дикимъ терновымъ кустарникомъ и сѣдымъ мхомъ, на которомъ иногда отдыхаетъ заблуждшійся странникъ. Хотя, по закону Натуры, немногіе могутъ достигнуть до сего величія, однакожь похвально стремиться къ оному. Уединенная прогулка моя и каждый уединенный часъ мой да будутъ посвящены сему стремленію!“ Вообразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить слезы на урну незабвеннаго Геснера ¹⁾! Не его ли посвятили Музы въ учителя невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда трофеи завоевателей изгнѣются во прахѣ? Предчувствіемъ безсмертія наполнилось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушить нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе столѣтій загладить развалины Цириха, но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благоволеніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, улаждая всякое сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; многихъ хвалятъ потомство — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но если хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности.

Бадень.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мной навсегда, говоря, что я непременно долженъ

---

¹⁾ На монументъ Геснеровомъ изображены Поэзія и Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урною.

въ другой разъ прїѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій.

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые прїѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей рябятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ ногами, другой кривлялся третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ просить ихъ милостыни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги.—Жаль, что отцы и матери не видятъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими—могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные швейцары, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ—увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя—самые ближайшіе къ главному источнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе—бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человекъ двадцать, опустьясь въ воду по горло; блѣд-

ныя и желтыя лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротою) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ пріѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинныя рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ. — Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ), почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отменно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: *Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschir aufs Feuer, und glüht (сей домъ Господь да сохрани! здѣсь глиняная посуда на огонь горит)* — а надъ другимъ: *Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (сохрани насъ Господь отъ пожара ночью порою: ибо сей домъ называется терпливою овцою)*. Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базель и въ Шафгаузенъ? Первая: *ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (о человекки! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою)* — а вторая: *Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus heist zur schwarzen Sau (на Бога уповай ты мыслию своею, ибо сей домъ называется черною свиньею)*. Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ речахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходить. — Поселяне Швейцайскіе любятъ расписывать свои дома разными красками и фигурами; по большей части изображаются тутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: *Als Demuth weint', und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer Bund gemacht* (т. е. когда смиреніе проливало слезы

и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцаровъ).

Арау, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья, что въ семь замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійскій домъ—и потому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ.—Тутъ живетъ нынѣ сторожъ, который въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружающимъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цюрихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣгаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяной, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самую Природою насажденные; здѣсь густыя лѣсочки, прохладу странникамъ общающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломой, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, житницъ и хлѣбовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиннаго; во всемъ соблюдена удобность и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ними есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капитала, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣваютъ суковные кафтаны, по большей части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенные шляпы, красныя стамедныя корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта;

а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.—

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно выстроеннаго городка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ которомъ хочу ѣхать доерна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинъ.

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано по утру приѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вьнца*: такъ много здѣсь приѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожъ красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Дома почти все одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбили мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную бібліотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ*

произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, побѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*.— Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ: но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Лутцерскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человекъ съ удивительною неутомимостью странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—снямалъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностью. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, которыхъ молого составляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ кафедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляюся въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда в. Теобольдъ Веинценфли, Студентъ, 25 мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцеръ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 ноября 1694 года.* Хотя иному чудно покажется, что человекъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не под-

вержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуха, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Шгапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тугъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's der Berge Spitzen rôthet mit Blitzen

(*Богъ краситъ молніями вѣнца горъ*). Между тѣмъ Шгапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отворотить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ—вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменю, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сею! такъ увядаетъ роза юности! такъ уасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно—и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ по утру былъ я у Проповѣдника Витгенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествие по Швейцаріи*, выдалъ криткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ, и сочиняетъ теперь описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную—а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ сграсно! — Витгенбахъ,

путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говорить онъ), когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ».

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой!—Проживъ, здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Счастливыи путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Винца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодня за ужиномъ бѣдный Итальянскій музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.
Но Богъ, искусный въ пѣснопѣвьи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручалъ;
Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.
Я арфу взялъ—ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!..
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ.

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по Французски ¹⁾: я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей,

¹⁾ Пѣсню пѣлъ онъ на Итальянскомъ языкѣ

умѣющихъ цѣнить таланты.» *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой скуртувъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъерна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подь бороною превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофъ*; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на заднюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проникаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно продолжаютъ горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи низпадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и—можетъ быть—спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!—

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ

журчить маленькій ручеекъ, проводялъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, который принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства, всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Утѣхи свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда новобрачныя и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ веселыхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами: мелкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались. Уже наступалъ вечеръ, и плователи безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло—и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилившихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва старались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку—и всѣ потонули, всѣ кромѣ одного гребца, который доплылъ до берега, и принесъ вѣсть о гибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкъся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Ка-

нтонѣ.—Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ, вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена приятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены отлѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особенное.— Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ—и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гринденвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семь отдаленій кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ странствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье.—Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ, мало по малу утишая свою ярость, образетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшея горы и шумъ

ное паденіе *Трмммербаха* составляет дикую красоту, плѣняющую любителей Природы. Около часа пробыль я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ въ великой усталости возвратился въ Лаугербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

Въ восемь часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень сосенъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось, самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечныя и лунныя лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость, вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушья хижина на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которыя за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ про-

падала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемена. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія—Тому, Кто въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему... Языкъ мой не могъ произнести ни слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды¹⁾, забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.—

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди звали меня къ себѣ

¹⁾ Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было прочесть сіи послѣдніе то мы узнали бы тогда древность міра, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ

въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ—потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ.—Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара!—Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату — мимо стада, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени—начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разбѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *летшеръ* или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ вижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ни чего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать; что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ пѣническое воображеніе.—Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился

я взойти выше. Къ несчастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко входу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предастъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолевалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, устѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожъ отъменно сладкой и вкусной, которая прохлдила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудностію, какъ вчера на Венгенаальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 сажень; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились

съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размяченного солнцемъ, Сперва услышалъ я великій трескъ, (который заставилъ меня вздрогнуть) — а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, — при чемъ на нѣсколько сажень вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ напелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сажу теперь на бурѣ горы и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная хранища Натуры, хранища, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И если бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Нельзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни — нѣтъ ни деревъ, ни травъ — гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда, надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійской орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщетно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкостью ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты на другую! Лютый врагъ гонится повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная уже не находитъ для себя никакого пути. Тутъ сильнымъ ударомъ крылашибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искусство въ прыганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее оттуда въ острыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна птица сія умершвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ страшнѣе. Призирая всѣ опасности, съ удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крутизны: однакожь многіе погибаютъ, падая въ пропасти, или утопая въ морѣ снѣговъ. Страшные анекдоты объ нихъ рассказываютъ. Напримѣръ одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрегорнѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой — уже острые граниты готовы были

растерзать несчастнаго—но онъ зацѣпился ногою о камень и повисъ надъ пропастію. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ, удалось ему схватиться руками за камень, стать на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семь пути, былъ такъ называемый *Розенлавишлетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины.—Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ: дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ мшистыхъ скалъ упали кипящіе ручья и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасныя благоухонныя луга, какихъ лучше вообразить не лзя—и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и естъли не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя.—Я пришелъ въ маленькую горную доревеньку, которой жители ведутъ простушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаются однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные амбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодого пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку.

Она чиста, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ—посмотрѣлъ на меня и улыбнулся—зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ—взглянулъ на меня и засмѣялся—почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человекъ. пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ бы добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!—Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! ¹⁾ Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно щастливыми дѣлаютъ—наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ—болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны),—болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей.—Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди и будь щастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему щастія;—но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ прервалъ нить моихъ размышлений. Что это значитъ? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. „Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду“.—Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно оро-

¹⁾ Когда же?

шается ихъ брызгами, и наконецъ смотреть на нихъ равнодушно: однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ общалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ, каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ—рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ—множество ручьевъ, низпадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное—нѣчто такое, что я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее—отъ всего сердца!—Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокой пригорокъ и спуститься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожь я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростію воды ископанной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя деревья, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину всего водоема, и опять вверхъ подымается, будучи отвержена его вѣчнокипящею пучиною, и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!.. Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя, явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякой, имѣющей чувство: но кто можетъ изобразить васъ кистію и словами?—Я почти со-

всѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и притомъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухъ силою падающей воды), что боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верствъ, и дорога была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталось мою до высочайшей степени, потому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные отпрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко вѣтеркомъ охлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинамъ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростью, что заливаютъ дома поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями Природы—скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы—и почти всякая могла бы представлять вѣжную Флору. Удивитесь ли вы, если я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеж-

дою; наприим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты.—Здѣсь нашелъ я очель хорошій трактиръ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинкамъ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная томность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и пастушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку и сказалъ ему: «ты щастливъ, мой другъ!» Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ пастушкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Пастухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились. Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, который бы, въ теченіи благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны Сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердець. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золотую, а мѣдную; но у меня не было ничего боаѣе—медаль, на которой изображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. «Возьми—ее сказалъ я невѣстѣ—въ знакъ моего доброжелательства.» Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала что дѣлать. «Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.»—*А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ.—*Въ Россіи.*—*Въ Россіи!.. Да, я слыхалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она?*—*Далеко, мой другъ—тамъ, за горами, прямо къ Сѣверу.*—*Точно, я это помню.*—Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептывались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, ко-

торый повертѣлъ ее въ рукахъ и опять возвратилъ ей. Я радвался щастливою четою, и въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы стихи (изъ его Поэмы: Die Alpen, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und sehet kein Donner-Wetter
 Man liebet für sich selbst, und nicht für seine Väter.
 So bald ein junger Hirt die sanfre Glut empfunden.
 Die leicht ein schmachkend Aug in muatern Geistern schürt,
 So wird des Schäfers Mund von ketner Furcht gebunden;
 Ein ungeheusnelt Wort bekennet, was ihn rührt:
 Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz zum Lohne,
 So sagt sie, was sie fühlt, und thut, wornach sie strebt,
 Denn zarte Regung dient den Schönen nihct zum Hohne,
 Die aus der Anmuth fließt, und durch die Tugend lebt.

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht belästigt;
 Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heuraths-Schluss,
 Die Eh wird oft durch nichts, als beyder Treu befestigt,
 Für Schwüre dient ein Ja, das Siedel ist ein Kuss.
 Die holde Nachtigall grüsst sie von nahen Zweigen;
 Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft gesshwolnes Mooss,
 Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit zum Zeugen;
 Die Liebe führt die Brasut in ihres Hirten Schooss.
 dreymahl seligs Paar! Euch muss ein Fürst beneiden ¹⁾.

Между тѣмъ солнце сѣло, пастухи и пастушки начали расходиться по домамъ. Я простился съ женихомъ, съ невѣстою—и если бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, можетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль потребовать отъ нее... невиннаго поцѣлуя!

¹⁾ „Здѣсь любовь пылаетъ свободно, никакой грозы не страшася; здѣсь любить для себя, а не для отцовъ своихъ. Когда молодой пастухъ почувствуетъ итѣнную страсть, которую прекрасные глаза легко воспаляютъ въ веселомъ сердцѣ, то уста его не тянутъ ее. Пастушка выпраетъ ему, сказываетъ свои чувства, и слѣдуетъ движенію своей склонности, если онъ достоинъ ея сердца; ибо сіе движеніе, рождаемое пріятностію и питаемое добродѣтелію, не постыдно для красавицы. Суетная пышность не тяготитъ страстныхъ желаній; онъ любить ее, она его любитъ—симъ заключается бракъ, который часто одною взаимною вѣрностію утверждается; согласіе служить вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный содовой поздравляетъ ихъ съ ближнихъ вѣтвей; мягкая трава есть брачное ложе ихъ, дерево занавѣсъ, уединеніе свадѣтель, и любовь приводитъ невѣсту въ объятія молодого пастуха. Блаженная чета! Цари должны завидовать вамъ.“

Деревня Трахтъ, на берегу Бринискаго озера, въ 8 часовъ вечера.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! ноги у меня очень болятъ, и лицо мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ долиною, и хотя очень пріятна, однакожь не могу сказать объ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другаго повалитъ, зрители кричатъ: *браво!* Между тѣмъ я сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ!—Между тѣмъ трактирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ!—Будьте здоровы и благополучны.

Унтерзеенъ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній трактиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильный дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя, будучи покрыты облаками, дымились какъ Этны и Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготавлиюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

Тунъ, въ 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ

нихъ упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежить до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересталъ, и благодѣтельное солнце высушило мое платье. Приѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, сталъ опять совершенно здоровъ.—Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней и притомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно: то прогуливался за городомъ—читалъ—писалъ. Третьяго дня водилъ меня Пасторъ Штапферъ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ птицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасный, за городомъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность приворотника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все отменно чисто. Сей старикъ богатъ—наслаждается Натурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника.—Учась Орнитологіи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей!—Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемый *прекрасной жень*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго

исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знатный Бернскій гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлать мраморный монументъ отцу своему. Налъ, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышный Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Налъ говорилъ, что золото все испортитъ; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родами жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Налъ любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ*. Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: «Слезы наши текутъ, и въ прахъ исчезаютъ; изящныя произведенія художествъ живутъ вѣки — рука моя, повинувась сердцу, изобразить на камень твою любезную; жители отдаленныхъ земель захотятъ видѣть сіе изображеніе и въ сравненіи съ нимъ будутъ презирать Эрлахской памятникъ.» — Сказалъ, и сдѣлалъ.

Онъ представилъ мать (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаетъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетъ містическій духъ Художника; работа отвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный гласъ! онъ проникаетъ въ могилу. Пробудись, сынъ мой, и сложи съ себя тлѣнность! Спѣши во срѣтеніе твоему Искупителю, отъ Котораго бѣжитъ смерть и время! Въ вѣчное благо превращается все страданіе». Надпись хороша; но для перваго мгновенія, въ которомъ представлена воскресающая, слишкомъ плодovита. Лучше, если бы она сказала только: *Трубный гласъ!.. Пробудись сынъ мой! се Спаситель!* — Нѣкоторые думаютъ, что Художникъ не искусственно представилъ распавшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но ревностные защитники искусства смѣются надъ сею мыслию. Повыше Галлѣ-

ровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писанія: *Се азъ и чадъ мое, еже далъ ми еси Ты*. Жаль только, что сей прекрасный монументъ стоитъ очень дурно. Онъ скрытъ подѣ поломѣ, и чтобы видѣть его, то надобно поднять двѣ доски. Обѣ Эрлахскомѣ пышномѣ памятникѣ не скажу ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили. — Нынѣшній Гильденбанской Проповѣдникъ не могъ бы подружиться съ Налемъ; въ физиогноміи его не примѣтилъ я ничего пастырскаго. Какъ онъ учитъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ остѣ бѣдный трактиръ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; отобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ потребностей, но болѣе вниманія заслуживаютъ латы древнихъ Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростію и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ Гигантъ — и если не хотѣлъ взять приступомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предтечею, когда онъ шелъ противъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарскаго времени, когда люди всего болѣе вѣрили рукъ своей и — Провидѣнію; когда число побѣдъ бывало числомъ достоинствъ человѣка, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ добродѣтелей. — Пистолеты Карла Смѣлаго, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ и воображалъ руку, ихъ нѣкогда державшую.

Здѣсь нравы не такъ уже строги, какъ въ Цирихѣ. Женщины и мужчины сходятся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ четыре — и первыя говорятъ свободно, шутятъ и бывають душею общества. Нѣкоторыя дѣвицы играютъ на клавишинѣ, поютъ, и восхищаютъ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но въ карты здѣсь также не играютъ. Съ иностранцами говорятъ всегда по-Французски, и при томъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ весьма испорченъ и непріятенъ слуху.

Бернской Аристократизмъ почитается самымъ строжайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ Республикѣ; изъ нихъ составляется Большой Совѣтъ и Сенатъ (изъ которыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власть); изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ. —

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями каштановыхъ деревьевъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякій день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочеть прощаться со мною. Чувствительный человекъ!

Здѣсь расстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Простите, мои друзья! Пакетъ свой отнесу я на почту. Естъли ли бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какими я пишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и златая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ Воскресный; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился, и ска-

залъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?*— «Гдѣ?»— *Здѣсь на правой сторонѣ дороги.*— Я выскочилъ изъ кареты, и увидалъ за желѣзною решеткою огромную кучу—костей человѣческихъ.

Карлъ *Дерзостный*, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля застонала подъ тяжестью его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карлъ, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ ¹⁾ разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно съкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшимся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли, но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изступленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, сказавъ: *тебѣ ли одному оставаться?*— Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близъ дороги, гдѣ лежатъ онѣ и понынѣ.

Я затрепеталъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей тлѣнности! Швейцары! неужели можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеємъ*? Бургундцы по человѣчеству были вамъ братья. Ахъ! есть ли бы, омочивъ слезами сіи остатки тридцати тысячъ несчастныхъ, вы съ благословіемъ предали ихъ землѣ,

¹⁾ Посредствомъ сигналовъ.

и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черный монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары сражались за свое отечество, побѣдили, но сожалѣли о побѣжденныхъ*—тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени—имени человѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne Heer,
Vor welchem Lüttich fiel, und Frankreichs Thron erbebt.
Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künstlichens Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm belebt.
Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! ⁴⁾.

Сверхъ того написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человѣка къ распространенію бытія своего, или слуха объ немъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали этотъ гробъ, берутъ изъ него кости: я не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

Далѣе за Муртеномъ представились мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города,—развалины, состояція въ остаткѣ колоннадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ, и проч. Гдѣ великолѣпіе сего города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезаютъ царства, города и народы—исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!.. гдѣ будутъ стоять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу тѣхъ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я пріѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ, и все молчало, кромѣ такъ называемаго ночнаго караульщика, который, ходя

⁴⁾ «Остановись, сынъ Гельвеціи! здѣсь лежитъ дерзостное воинство, предъ которымъ палъ Люттихъ и трепеталъ престолъ Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснѣйшее оружіе, но согласіе, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайте, братья, силу свою: она состоитъ въ нашей вѣрности—ахъ! да обновится и нынѣ вѣрность сія въ сердцахъ вашихъ.»

по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остановиться въ трактиръ *Золотого льва*; но на стукъ мой отвѣчали такъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein*, (все занято, государь мой, все занято!) Я постучалъ въ другомъ трактиръ *à la Couronne*; но и тамъ отвѣчали мнѣ: *tout est plein, Monsieur!*—Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ сжался надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ трактира, увѣрялъ сонливаго отвѣчателя, что *Monsieur est un voyageur de qualité* (что приѣхавшій господинъ не изъ простыхъ путешественниковъ); но намъ тѣмъ же голосомъ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!*—*C'est impertinent ça* (это безстыдно!) сказалъ мой заступникъ: «подите за мною въ трактиръ *Олея*, гдѣ васъ вѣрно примутъ».—Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и отвели мнѣ изрядную комнату. Добродушный караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ приятнаго сна, отказался отъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему отъ меня,—пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого то числа, въ Лозаннѣ нашель добраго челоуѣка, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день по утру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень не хорошъ; лежитъ отчасти въ ямѣ, отчасти на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаться съ горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ отырываются живописные виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣль Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разсѣянные по берегу его деревни и городки—Моржъ, Роль, Нюнъ—составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велитъ вамъ быть въ Лозаннѣ, то взойдите на террасу каедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекло тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Есть ли бы теперь спросили меня: чѣмъ нельзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ пьесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбилися; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ Латинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддисоновой Оды, въ которой Поэтъ благодарить Бога за всѣ дары, пріятыя имъ отъ руки Его—за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію—и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ г. Левадъ, есть ли въ Аддисоновыхъ стихахъ находить онъ собственныя свои чувства!—Сія Ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея, и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно читать Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейный домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ несчастію, нельзя прогуливаться; почти съ самаго утра идетъ пресильный дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые пріѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и—дѣлать разные глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь: чему доказательствомъ служитъ и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, то конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности.—Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ,

плата за то шесть или семь ливидоровъ въ мѣсяцъ: что составить на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, Графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій, ученый Натуралистъ. По любви къ наукамъ отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право—удалился въ такую землю, гдѣ Натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находить для себя болѣе пищи—жить въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ.—За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

Сію минуту пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ Бнягинѣ Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна—прекрасна и чувствительна!.. Я благословилъ память ея.—Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Натуру и Поэзію; Натура и Музы Британіи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, обрзовали духъ и сердце ея.

Въ пять часовъ по утру вышелъ я изъ Лозаны съ весельемъ въ сердцѣ—и съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна прерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразныя уступы и возвышенія горы Юры, на которыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодотытыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными ска-

лами Савойскаго берега.—Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевѣ (до котораго отъ Лозаны четыре Франц. мили), и остановился подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ которыхъ отчаянный Сень-Пре хотѣлъ низвергнуться въ озеро и откуда писалъ онъ къ Юліи слѣдующія строки:

«Въ ужасныхъ изступленіяхъ и въ волненіи души «моей не «могу я быть на одномъ мѣстѣ; брожу, съ усиліемъ взбираюсь «на высоты, устремляюсь на вершины скалъ; скорыми шагами «обхожу всѣ окрестности, и вижу во всѣхъ предметахъ тотъ са- «мый ужасъ, который царствуетъ въ моей внутренности. Нигдѣ «уже нѣтъ зелени; трава поблѣкла и пожелтѣла, деревья стоятъ «безъ листьевъ, холодный вѣтеръ надуваетъ сугробы и вся На- «стура мертва въ глазахъ моихъ, какъ мертва надежда въ моемъ «сердцѣ.—Между скалами сего берега нашелъ я, въ уединенномъ «убѣжищѣ, маленькую равнину, откуда виденъ щастливый го- «родъ, въ которомъ ты обитаешь. — Вообрази, съ какою жад- «ностію устремился взоръ мой къ сему любезному мѣсту! Въ пер- «вый день я всячески старался найти глазами домъ твой; но «отъ чрезмѣрной отдаленности всѣ мои усилія оставались тщет- «ными; и я, примѣтивъ, что воображеніе обманываетъ глаза мои, «пошелъ къ Священнику и взялъ у него телескопъ, посред- «ствомъ котораго увидѣлъ жилище твое...

«Съ того времени цѣлые дни провожу въ семъ убѣжищѣ, и «смотрю на блаженные стѣны, заключающія въ себѣ источникъ «жизни моей. Не взирая на дурную погоду, прихожу туда по «утру, и возвращаюсь оттуда ночью. Листья, сухія вѣтви, мною «зажигаемыя, и безпрестанное движеніе охраняютъ меня отъ чрез- «вычайнаго холода. Сіе дикое мѣсто мнѣ такъ полюбилось, что «я приношу туда бумагу съ чернильницею, и теперь пишу тамъ «письмо, на камнѣ, отвалившемся отъ ближней скалы.»

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго—однимъ словомъ, много, *романическаго*—однакожь на Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими

она въ Элоузѣ описана—въ Эилозѣ, безъ которой не существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* ¹⁾.—Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссову душу; всѣ описанія его такъ живы, и притомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (*esplanade*), которая была столь привлекательна для несчастнаго Сень-Пре. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не велитъ искать здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо, и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните это мѣсто въ его *Confessions*: Я скажу всѣмъ имѣющимъ вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: поѣзжайте въ Вева, осмотрите его окрестности, гуляйте по озеру—и вы согласитесь, что «сіи прекрасныя мѣста достойны Юліи, Клеры и Сень-Пре; но не ищите ихъ тамъ.»—Коксъ, извѣстный Англійскій Путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоузу, живучи въ деревнѣ Мельери: но это не справедливо. Господинъ де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ*, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Парижа²⁾.

¹⁾ Основаніе романа то же, и многія положенія (*Situations*) въ *Вертерѣ* взяты изъ Элоузы; но въ немъ болѣе *Натуры*.

²⁾ Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *Признаній* или *Confessions*, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоузы. Руссо, прославивъ въ Парижѣ своею *Оперою Devin du Village* и другими сочиненіями, прѣхалъ въ Женеву, и былъ иривать тамъ отменно ласково; всѣ увѣряли его въ своей любви, въ почтенія къ его дарованіямъ, и чувствительный, растроганный Руссо обѣщалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселиться, и только на короткое время съѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ дѣла свои. Послѣ того (говоритъ онъ) я оставилъ всѣ важныя упражненія, чтобы веселиться съ друзьями до моего отъѣзда. Всего болѣе полюбилась мнѣ тогда прогулка съ семействомъ добраго Делюка. Въ самое прекрасное время наняли мы лодку, и въ семь дней объѣхали кругомъ Женевского озера. Мѣста на другомъ концѣ его впечатлѣлись въ моей памяти, «и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я описалъ ихъ въ Новой Элоузѣ.»—Господинъ де Л* сказалъ мнѣ правду: Руссо сочинялъ свою Элоузу въ то время, когда жилъ въ Эрмитажѣ подлѣ Парижа. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи своего романа: «Я представлялъ себѣ любовь и дружбу (двухъ идиоловъ моего сердца) въ самыхъ восхитительнѣйшихъ образахъ; украсилъ ихъ всѣми прелестями нѣжнаго поза, всегда мною любимого; воображалъ себѣ сихъ дру-

Отдохнувъ въ трактирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанъ*. Высокія густыя деревья скрываютъ его отъ нетерпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ—бѣдную маленькую деревенку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. Въѣсто жилища Юліана, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старыи замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ жителей знаютъ Новую Элоизу, и весьма довольны тѣмъ, что великій Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ его сценою своего романа. Работающій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говорилъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элоизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и тотъ лѣсокъ,

«зѣй не мужчинами, а женщинами (если такой примѣръ и рѣже, то по крайней мѣрѣ онъ еще любезнѣе). Я далъ имъ два характера сходные, но не одинакіе; два образа, но совершенные, но по моему вкусу; доброта и чувствительность одушевляли ихъ. Одна была черноволосая, другая блондура; одна разсудительна, другая слаба, но въ самой слабости своей любезная и добродѣтельная. Одна изъ нихъ имѣла любовника, которому другая была нѣжнымъ другомъ, и еще болѣе, нежели другомъ; но только безъ всякаго совѣстничества, безъ ревности и ссоры: ибо душѣ моей трудно воображать противныя чувства, и притомъ мнѣ не хотѣлось помрачить сей картины ничѣмъ, унижающимъ Натуру. Будучи восхищенъ сими двумя прекрасными образами я всячески сблизжалъ себя съ любовникомъ и другомъ; однакожь представилъ его молодымъ и прекраснымъ, давъ ему мои добродѣтели и пороки. Чтобы поселить моихъ любовниковъ въ пристойной для нихъ странѣ, я проходилъ въ памяти своей всѣ лучшія мѣста, видѣнныя мною въ путешествіяхъ; но не могъ найти на одиого совершенно хорошаго. Долины Фессалійскія могли бы меня удовлетворить, если бы я видѣлъ ихъ; но воображеніе мое утомленное выдумками, хотѣло какаго нибудь существеннаго мѣста, которое могло бы служить ему основаніемъ. Наконецъ я выбралъ берега того озера, вокругъ котораго сердце мое не переставало носаться» — и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи *Confessions*, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце Руссо. Нѣсколько времени послѣ того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. — Одинъ молодой знакомый мнѣ живописецъ, прочитавъ *Confessions*, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хотя (сколько мнѣ извѣстно) не кончалъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его сѣдующаго фланделевую юбку, присланную ему на жалеть отъ Госпожи Дешане. Молодому живописцу казалось это очень трогательнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разные чувства.

въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первый разъ страстнаго Сен-Пре, и симъ магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его.— За деревенькою волны озера омываютъ стѣны укрѣпленнаго замка Шильойна; унылый шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежитъ Вильвёвъ, маленький городокъ; но я посмотрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семь городѣ скажу вамъ, что положеніе его—на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, противъ дикихъ Савойскихъ утесовъ, и подлѣ горъ плодосныхъ—очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозавы; улицы ровны; есть хорошіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Веве не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній трактиръ вмѣстѣ со мною вошли четыре человѣка въ дорожныхъ платьяхъ, и вмѣстѣ со мною потребовали обѣдъ. Въ вѣскольکو минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Вестфальскіе Бароны, а четвертый Польскій Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое отечество, и захалъ въ Швейцарію для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларанъ. Бароны *по доверенности* сказали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнаты), что они весьма недовольны его товариществомъ; что онъ навязался на нихъ въ городѣ Моряѣ и съ того времени не даетъ покою ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ трактирщикомъ; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великій лжець. Скоро я имѣлъ случай увѣритися въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за столъ, Польскій Князь началъ бранить хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего мало. Трактирщикъ напоминалъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Потомъ вздумалъ онъ рассказывать мнѣ о Бастильскомъ штурмѣ, на которомъ будто бы прострѣлили ему шляпу и кафтанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдохновеніи, и ушелъ въ отведенную мнѣ комнату.

Всякій, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Рамона, взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы, сидя

между гробами подъ мрачною тѣнью столѣтнихъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, наслаждаться тишиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картинѣ Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ и погрузясь въ самого себя, не чувствовалъ, какъ черная величественная ночь окунула покровомъ своимъ и небо и землю.—Простите.

Лозана.

Вчера возвратился я изъ Веве, и насилу дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Мнѣ привидѣлось, что въ большой залѣ стою на кафедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь, о темпераментахъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что осталось у меня въ памяти: изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами—вотъ сей отрывокъ:

„*Темпераментъ* есть основаніе нравственнаго существа нашего, а *характеръ* случайная форма его. Мы родимся съ темпераментомъ, но безъ характера, который образуется мало-по-малу отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Характеръ зависитъ конечно отъ темперамента, но только отчасти, завися впрочемъ отъ рода дѣйствующихъ на насъ предметовъ. Особливая способность принимать впечатлѣнія есть темпераментъ; форма, которую даютъ сіи впечатлѣнія нравственному существу, есть характеръ. Одинъ предметъ производитъ разныя дѣйствія въ людяхъ — отъ чего? отъ разности темпераментовъ или отъ разнаго свойства *нравственной массы*, которая есть младенецъ».

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, а написалъ слова точно такъ, какъ сновидѣнье впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отчего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада съ двумя Французскими Маркизами, прѣбывшими изъ Парижа. Они сообщили мнѣ весьма

худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ несчастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшеннымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Марквизы рассказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворотилось.

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ во-первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а во-вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, т. е. удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткость и холодность, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, оригинальность! вы во всемъ драгоценность; вы занимаете, питаете мою душу—всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ каедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а комплиментъ начальникамъ и всему красному городу Лозанѣ былъ заключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слушателей; вообразилъ себѣ нашего П., Знамя. Священника, Лафатера—пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ Риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе—Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Vepop, нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захождения солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савоіи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодородные сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ еѣтеркѣ, несущемся съ противоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ.

Женева, Октября 2, 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ, милые! Естли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Естли щастіе ваше несовершенно; естли——¹⁾ Друзья мои! богае ничего не скажу; но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минуты, чтобы сдѣлать жизнь вашу цѣпю минутъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь—мы будемъ щастливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы вхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которые впрочемъ не такъ хорошо обработаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кантонахъ.—Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбілся мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хорошъ. По рекомендательнымъ письмамъ отворенъ мнѣ входъ въ первые дома. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ—чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилась отъ множества любопытныхъ и безпрестанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохновеніе—нуженъ тонкой, сладостный, питательный сонъ на персяхъ любезной Природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За десять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домъ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, платя за то рубли четыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь новый образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Вставъ рано по утру, и надѣвъ свой походный сюртукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто, отдыхаю и пью чай въ какомъ-нибудь трактирѣ, или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савоіи (вы знаете,

*) Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для публлки.

что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, который варить мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье—читаю книгу или пишу,— въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей, и гдѣ разсказываются вѣсти; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Национальнаго Собранія, о Неккерѣ, о Графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театръ, или въ собраніе—и такимъ образомъ кончится вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большей части въ Вистъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ *вечеринкахъ* собирается человекъ до шестидесяти; тутъ видите вы знатныхъ Французовъ, оставившихъ свое отечество—Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Свидиковъ здѣшней республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, который десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишпанскемъ Посольствѣ, и который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Лионѣ, а лѣто въ Швейцаріи.—Баронъ де Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшей гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго трона. Вы слышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, который можетъ безъ всякаго суда—отъ чего Боже сохрани! — снять съ него шляпу... и голову. — Вчера позвалъ меня ужинать. Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не готовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и начали сби-

ратся гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія Дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки: Баронъ брался всё отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. Напримѣръ: *для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ неудоумѣнія, сказавъ: *pour riquer son cheval* (чтобы шпорить свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: *c'est tout clair! ничто не можетъ быть яснѣе!*—Еще: *что находится au milieu de Paris* (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, который недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что *au milieu de Paris* находится г. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ Баронъ и всё захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, спрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Отвѣтъ: *прекрасны.* Вопросъ: *умны ли онѣ?* Отвѣтъ: *безпримѣрно.* Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Отвѣтъ: *безподобны.* Вопросъ: *какого роду?* Отвѣтъ: *молитвы.* — *Vous badinez Monsieur! Вы шутите!* — «Извините, сударыня; я говорю точную правду». — *Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ?*— «Нѣтъ, сударыня, онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣшить». — *А! это дѣло другое!* — Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ мой; мнѣ не ловко было ни стоять, ни ходить. Я пошелъ въ Бастіонъ, здѣшнее гульбище—легъ на лугу вала, и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ предмета къ предмету. Мало по малу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный. На обѣихъ сторонахъ представились мнѣ горы, окруженныя облаками, которыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественный и грозный! Прямо передо мною простиралась большая равнина, усѣянная рошицами, деревенками и уединенными

домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени—по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины—мчались въ коляскахъ молодые Англичане, которые, боясь слѣдствія скопившихся облаговъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чтобы скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣтерокъ какъ птичка прилетѣлъ отъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо—не знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ Бастіонъ, я вскочилъ и вышелъ оттуда; но не желая разстаться съ вечеромъ, пошелъ на *Тремъ*, другое гульбище подлѣ Ратуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ Бастіонъ. Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался, и шумѣлъ ужасно между деревьями, облака неслись быстро, натекли на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ Фей—и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кихотомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей, укрался я отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разные оружія, покрытыя почтенною ржавчиною—схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за бушакъ тулупа своего, отправился на гумно ¹⁾ искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

Кто будучи въ Женевской Республикѣ, не почесть за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

1) Я жилъ тогда въ деревнѣ.

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояннн отъ деревни Ферней откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домою, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу*.

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говорить Лагарпъ въ похвальномъ Славѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer (*если бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его выдумать*)— сей прекрасный стихъ написанъ имъ въ старости, и показываетъ его Философію.» —

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Госпожа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: *son esprit est partout et son coeur est ici (духъ его вездѣ, сердце его здѣсь)*, а выше: *mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous (тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ)*. На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей Императрицы (шитый на шелковой матеріи, съ надписью: *présenté à Mr. Voltaire par l'Auteur*,—и на сей портретъ смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ и съ большимъ удовольствіемъ, нежели на другіе);—второй покойнаго Прусскаго Короля; третій Локена, славнаго Парижскаго Актера; четвертый самаго Вольтера, и (пятый) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аломберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины не важны.—Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ

Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное жѣвѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ¹⁾. — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любитъ пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красоту *Заиря*? но многіе ли удивляются *Отеллу*?²⁾

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую Савойскую юру*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея: при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистый прудъ служить зеркаломъ для высокихъ деревьевъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерова твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальному Словѣ.

«Подданные, лишенные отца и господина своего, «и дѣти ихъ,

¹⁾ Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

²⁾ Тогда я такъ думалъ!

наслѣдники его благодѣяній, скажутъ страннику, который уклонился отъ пути «своего, чтобы видѣть Ферней: *Вотъ дома, имъ „построенные—убѣжище, которое далъ онъ полезнымъ искусствамъ¹⁾—поля, которыя обогатилъ онъ плодами. Ся многолюдное и цвѣтущее селеніе родилось подъ его смотрѣніемъ, родилось среди пустыни. Вотъ рощи, дороги и тропинки, идъ мы столь часто его видали. Здѣсь горестное Каласово семейство окружило своею покровителя; здѣсь сіи несчастные обнимали колѣна его. Ся дерево посвящено благодарностию, и сѣкира никогда не отдѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ его тѣнью, когда разоренные поселяне пришли требовать его помощи; тутъ проливалъ онъ слезы сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ превратилъ въ радость. Въ семь мѣсть видѣли его послѣдній разъ—*—и внимающій странникъ, который при чтеніи Заиры не могъ удержать слезъ своихъ, прольетъ, можетъ быть, еще пріятнѣйшія въ память благотворителя.

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Ферней не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *Серкми*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи милліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкротами: отъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые дома. Но тебя, бѣдный Сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣградъ взятъ—никто объ этомъ не говорить, никто не ра-

¹⁾ Извѣстно, что Вольтеръ принималъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить Женеву.

дуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучать рюмки и стаканы, когда Слава протрубитъ счастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ кубкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый, всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола они катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли въ шары, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись; наступилъ на змѣю, и видѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытѣя твоего — пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue № 17. На сей разъ простите!

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Строгий, любезный Руссо! соотечественники твои не послушались тебя, построили Театръ и

любить его страстно ¹⁾. Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Труппы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною; первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славный Пичини. Въ композиціи есть вѣчто великое, возвышающее душу. Арія: *Vivre ou mourir*, которую поютъ несчастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна не сравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ *оперетокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ *les petits Savoyards* (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человекъ двѣнадцать. Датскій Баронъ, Французскій Маркизь, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говорятъ хорошо по Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французскій языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранится по Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ.—Маркизь сказываетъ что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе; хвалитъ Ж. Жака, и *утверждаетъ*, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Natureю. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человекъ умный, но рассуждалъ очень худо. Однакомъ Г. Маркизь собирается ѣхать въ Ферней; думая, что въ Вольтеровскомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустится на его голову.—Женевскій Капитанъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно, и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ *ретироваться*, когда загремятъ грома изъ устъ Баронскихъ. Всѣ пѣсы, играемыя на здѣшнемъ театрѣ, хвалитъ онъ одинакимъ образомъ.

¹⁾ Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что Театръ вреденъ для нравовъ.

Эдитъ, по его словамъ, *est rempli de sentiment* (исполненъ чувства) и опера *Кузнецъ est rempli de sentiment* (исполненъ чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютъ насъ смѣяться. — Между прочимъ есть еще одинъ примѣчанія достойный человѣкъ, родомъ Женевецъ, который объѣздилъ всѣ четыре части свѣта, присвоилъ себѣ право гдѣтвовать немилосердо, и хотѣлъ увѣрить меня, что многіе изъ жителей Патагоніи бываютъ ростомъ въ четыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминномъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молтке и Поэтъ Багзень, остались въ Бернѣ. Послѣдній скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ нимъ въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодочникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мужчиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приближалась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): *Bonjour Messieurs!* Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня — а онъ человѣкъ правдивый — Беккеръ увѣряетъ, что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзень и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли, и начинали мало по малу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее?

спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. «Слава Богу! ей стало гораздо легче» — отвѣчала незнакомка. Потомъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ сопутниковъ; узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семь почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактиршика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзень вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова представляться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. «Ахъ! если бы вы знали его лично!» сказала она съ чувствомъ: «въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безопасно и весело игрывалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня въ колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.» — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзень плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвцею Галлеръ и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. «Не ужели мы на всегда простимся?» сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзень также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Беккеръ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угоститъ любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ отведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожъ дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ до-мой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія?*

скоро ли увидимъ пріятную нашу сопутницу? вотъ вопросы, на которые этотъ дядя и эта тетка принуждены были отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показала имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзень, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки— и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріатели и пріятельницы—но Датчане никого не видали, никого не слышали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ, можетъ быть то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею, и чувства его были—пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде—иногда задумывалась, и глаза ее блистали какъ молнія. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ алеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того времени, какъ платоническій любовникъ, въ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софією и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ счастливы!..* „Она твоя“—отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію: „она твоя! и я надѣюсь быть съ

тобою счастлива!“—Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту!— Въ тотъ же самый вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ее жениха и своего друга, и черезъ нѣсколь- ко недѣль положили быть свадьбѣ. —Теперь Поэтъ нашъ насла- дается прекрасною зарею того щастія, которое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію.—Между тѣмъ графъ Мольтке совершенно успо- коился и радуется щастію своего друга; Беккеръ также радуется— и разсказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; деревья желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шу- мить вѣтеръ—и горестъ мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ- то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченіе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченія!.. Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходитъ лѣто—и въ сію минуту сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Тавернье, который объѣздилъ большую часть свѣта,—Тавернье говоритъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, не далеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы; и такъ, взявъ въ руки Діогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путеше- ственникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повы- ше городка Обоня—смотрю, и взоръ мой теряется въ безчислен- ныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется гла- замъ моимъ—по сю сторону множество городовъ, деревень, сель- скихъ домиковъ, луговъ, лѣсокъ и дорогъ, которыя одна дру-

гую пересѣкають, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи—а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *Бѣлая гора* въ снѣжной своей мантии, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами,—какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ... Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить сію землю... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ!.. Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлейся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но еслии огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепель красотъ твоихъ—еслии земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его—ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!—

Солнце закатилось; но горы блистають. Темнѣетъ синяя твердь—еще сияють три холма *Бѣлой* горы. Шумитъ вѣтеръ—облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ гласъ моихъ великолѣпную картину.

Обою, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвратясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его—будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я стараюсь найти гробъ сего достопамятнаго человѣка, который объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туреціи, Персіи,

Индіи, и все еще не насытился путешествіями.—Отець его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вотъ начало его страсти!—

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ рождается и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть—и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовію къ новостямъ*, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ одинообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожъ, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горестъ и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равновѣсны! но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтраннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.—Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шардена и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронуть ли они душу вашу?—Ахъ, друзья мои! человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *чужихъ* земляхъ, между *чужими* людьми, не тоскуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался—сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!—

Простите! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая постеля манитъ меня въ свои объятія.

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдалцемъ, и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно, и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною—я плакалъ, какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца—оно не разучилось наслаждаться,—чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство—я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ противъ матери моей, Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ.

Женева, 1 Декабря 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевского озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда захочетъ!—Довѣренность къ Провидѣнію—довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая бережетъ и червя и человѣка—должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами: но какъ быть!—Стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона Де-Лю, а у ужинать въ трактирѣ *Золотыхъ вѣсовъ*, гдѣ у насъ будетъ веселый концертъ.

Женева.

Вы можете быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, который живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ; почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго дни Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы пріѣхали къ нему поутру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Русскій путешественникъ желаетъ быть у него—и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннета, и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ—обветшалую скинію, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ тѣлесной жизни, ежедневно собирается лѣтъ обратно въ свою отчизну—однимъ словомъ, развалины великаго Боннета. Что же нашелъ? хотя старца, но весьма бодрого—старца, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни—старца, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ—однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй *Паминезии* ¹⁾. Онъ встрѣтилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку. «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ я, который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно». *Я всегда радуюсь, отвѣчалъ онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе, сказалъ*

¹⁾ Титуль одного изъ его сочиненій.

онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *чувства мои тупнѣютъ*. Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ; и всякій комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ, какая разниа между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкой принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, который хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между ними не могъ быть ревень; я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимомъ, а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Русской языкъ. „Съ чего же вы думаете начать?“ спросилъ онъ: Съ *Созерцанія Природы* (Contemplation de la Nature) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній для человѣка. — „Никогда ни приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ Contemplation), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!“ — Ему непріятно, что на Англійской и Нѣмецкой языкъ переведено *Созерцаніе Натуры* безъ его вѣдома. *Когда Авторъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то надлежало бы у него спроситься*. — Боннетъ хвалитъ одинъ Спалаццаніевъ переводъ, а Нѣмецкимъ Переводчикомъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ потому, что сей ученый Германецъ думалъ поправлять его, и собственные свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинителя. Я сказалъ Боннету, что Ти-

ціусь, не смотря на свою ученость, во многих мѣстах не понималъ его. На примѣръ, начало: *je m'élève à la Raison Eternelle*; перевелъ онъ *ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft*: грубая ошибка! вмѣсто *Vernunft* надлежало бы сказать *Ursache*; подъ словомъ *raison* разумѣлъ Авторъ *причину*, а не *разумъ*. Бонветъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалить его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи.—Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! иди ты увидиши такую голову, тамъ учись мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Бонветъ сказалъ: «Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудясь для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству, ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ».

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкою, а Философію—воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патриотомъ, Бонветъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ *Lettres écrites de la Montagne* не пощадилъ Женевскаго правительства.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Бонветъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города какъ Женева, наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои бібліотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но философическія книги». — И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и что Женевскія Дамы, въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодого Графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Бонветъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ тяжелыми; но я избавляю его отъ сего труда.

Почтенный старецъ проводилъ меня до крыльца.—Знаете ли,

какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовуть его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ.

Женева, Января 23, 1790.

Въ здѣшной маленькой Республикѣ начинается несогласіе. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я пышную проповѣдь, на текстъ: *есть ли забуду тебя, о Иерусалимъ! то да задудеть себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ къ гортани моей, есть ли ты не будешь главнымъ предметомъ мой радости¹⁾*! Разумѣется, что Иерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семь общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Риторъ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавиць, матерей и супругъ.

Вотъ письмо къ Боннету, писанное мною вчера по утру.

Monsieur,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importnera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moment de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer, ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver toute la fraîcheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doné de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cuitivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commeneé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers

¹⁾ По Французскому переводу.

cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de seuplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, et Vos expressions sont si précises, que pour présent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de le peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et médité Vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un présent à son ami, à son retour dans sa patrie.

En présentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même*, et le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remercimens de l'accueil favorable que Vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis¹⁾,

M o n s i e u r,

Votre très-humble
et très-obeissant serviteur
N. N.

1) Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое обезпочитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло бы на нѣсколько мнвуть прервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читать я снова ваше Созерцаніе Природы, и смогу сказать безъ тщеславія, что надѣюсь перевести его съ довольною точностію; надѣюсь что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы «сохранить всю свѣжесть красоть, находящихся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало «бы имѣть Божествомъ духъ. Сверхъ того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожъ «не такъ обработанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія фило- «софическія и физическія вниги переведены на Русскоі. Надобно будетъ со- «ставлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю спра- «ведливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, «что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть «полезенъ—и сія мысль послужитъ мнѣ одобреніемъ къ продолженію всѣхъ- «трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ только благодарить васъ «за данное мнѣ позволеніе требовать у васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, «если бы что нибудь показалось для меня непонятнымъ въ *Созерцаніи*. «Можетъ быть, трудно будетъ мнѣ выражать ясно на Русскомъ языкѣ то, что «на французскомъ весьма понятно для всякаго, кто хотя немного знаетъ сей «языкъ.

ВОТЪ ОТВѢТЪ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée, et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*, et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Vouillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction qu'il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

M o n s i e u r,
 Votre très-humble
 et très obéissant serviteur,
Le Contemplateur d. l. Nature¹⁾.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Полигенезію*. Однѣй пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я любить читать ваши сочиненія и будетъ моимъ сотрудникомъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда имѣю честь написать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ *Созерцанія Палигенезіи*.

«Предлагаю публикѣ переводъ мой, скажу: я видѣлъ его самого, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть» — я проч.

¹⁾ Начало письма есть не что иное, какъ одна французская учтивость. — «Я радуюсь, нашедши только переводчика: вы конечно хорошо переведете и *Палигенезію* и *Созерцаніе*. Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ.

«Не можно ли вамъ въ Понедѣльникъ, то есть 25 числа сего мѣсяца, отбѣдать со мною *по-филосовски* въ сельскомъ моемъ уединеніи? Если можно, то около двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ трудѣ, которымъ вы намѣрены обязать меня. Прошу объ отвѣтѣ.

«Мнѣ пріятно слѣшать, что у васъ есть пріятель, который вмѣстѣ съ вами любить просвѣщеніе, и находить удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

«Увѣряя васъ въ моемъ уваженіи, имѣю честь быть,

«Государь мой,
 «Васъ покорный слуга,
 «Созерцатель Природы

Женева, 26 Января, 1790.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправился въ Жанту пѣшкомъ; но скоро небо помрачилось, и сильный дождь принудилъ меня искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянскій домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаяннаго посѣщенія моего, принесъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня отвѣдать картофелей, сваренныхъ его женою. Я отвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку, — «Что же вы не ѣдите?» — Я иду обѣдать въ Жанту, къ г. Боннету. — «Къ Господину Боннету? И такъ вы съ нимъ знакомы?» — Знакомъ, хотя очень недавно. — «Какой добрый человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ отцомъ и благодѣтелемъ». Онъ помогаетъ имъ? — «Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ». И такъ онъ много раздаетъ денегъ? — «Очень много; и сверхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его». — *Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина. *Правда*, повторила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня. — Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Женевскій мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду; но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣтивъ на кафтанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель, — посадилъ въ кабинетъ своею передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ — и есть ли, по словамъ Валандовымъ, сочиненія Боннетовы заставляютъ читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человѣкъ!

„Вы рѣшились переводить *Созерцаніе Природы*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, черниль-

ница, перо.“ — Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приближился къ письменному столу великаго философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ титулъ — первый параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезный Боннетъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣ меня.* — *Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства.*

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести *Contemplation*, въ какой форматъ буду печатать эту книгу, и самъ ли стану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе то, что онъ обѣщалъ мнѣ дать новыя, и Самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Созерцанію*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. „Я человекъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стараясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу въ нихъ.“ — Онъ хотеть, чтобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Жевневской публичной библіотеки.

Почтенный старецъ бережетъ слабые свои глаза, и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю.

На вопросъ, чью Философію преподають у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хороший Философъ*, сказалъ Боннетъ: *но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ готовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Боннетъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обладала меня; и между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ *тихонько* доброту его сердца. „О его разумѣ, о его знаніяхъ

пусть судить публика; но я знаю то, что любовь его, добронравіе и нѣжныя попеченія составляютъ мое щастіе. Мнѣ кажется, что безъ него я давно бы лишилась жизни, будучи такъ слаба и не здорова; видя же его подлѣ себя, терпѣливо переношу всѣ припадки, всякую болѣзнь, и вмѣсто роптанія изъясляю Небу благодарность мою за такого супруга“—О чемъ вы говорите? спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. *О хорошей погодѣ*, отвѣчала Госпожа Боннетъ, и утерла платкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемономъ и Бавкидою. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и такъ изобилень, какъ Природа, описанная хозяиномъ.—Когда мы пили кофе, пришелъ тотъ Датчанинъ, живописецъ, о которомъ говорить Боннетъ въ Contemplation, и который живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ рассказывать о болѣзни Г-жи Соссюръ, племянницы Боннетовой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на третьемъ словѣ остановился, и нѣсколько времени не могъ сыскать выраженія. Почтенный старецъ сидѣлъ, приставя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ кротость Боннетовой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету. Если бы вы видѣли какими глазами смотрѣлъ на него этотъ кучеръ! и какимъ голосомъ отвѣчалъ ему: *слышу, добрый, любезный господинъ мой, слышу!* Всѣ домашніе любятъ его какъ отца.

Жалѣть ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей, которыя могли бы развеселить мрачную осень дней его? Но мудрецъ дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Натуры—мудрецъ, почитающій весь родъ человѣческой однимъ семействомъ, и трудами своими споспѣшествующій его просвѣщенію и благополучію—можетъ быть щастливъ и безъ сего удовольствія.

Г-жа Боннетъ любить и держать у себя птицъ всякаго рода: попугаевъ, чижей, горлицъ, и проч. «Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ я: кто не любитъ того, что описано вашимъ супругомъ?» Боннетъ вслушался, и пожалъ руку мою.—«Однакожь знаете ли, сказалъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги?»

Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Паши¹⁾: слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я—однѣ антитезы.» —Г-жа Боннетъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *Аналитическаго опыта*²⁾, не всегда чувствуетъ красоты пѣгичскія.—Они довели меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ.—

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и черезъ нѣсколько часовъ растаялъ; но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видъ странный! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цюрихскимъ уроженцомъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. Посредствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва—показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы—научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ нельзя изъяснить знаками! Третьяго-дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и неприятное, чего уже никакъ нельзя поправить. Она пишетъ чисто и съ наблюденіемъ ореографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякій день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но

1) Lettres sur l'Italie.

2) Essai analytique sur l'ame.

только слишком отрывисто. Она чрезвычайно любит своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ей между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа Н. Н. звала меня къ себѣ въ юсти*—я не пошла къ ней—она не звала моего учителя.—Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ затѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ г'Епе который завелъ тамъ особое училище для нѣмыхъ. Чему дивиться болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ? Конечно самому послѣднему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ я узналъ и молодого Верна. Вамъ извѣстны его *Франсиада* и *Voyageur sentimental*, въ которомъ много хорошаго и трогательнаго. Онъ обѣдаетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

Ч А С Т Ъ III.

Женева.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минуту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

«Ахъ, мой другъ! жалѣй о несчастномъ! Простуда, кашель, боль въ груди, едвали позволяютъ мнѣ за перо взяться; но я непремѣнно долженъ извѣстить тебя о моемъ меланхолическомъ приключеніи.

«Ты помнишь молодую Ивердонскую красавицу, съ которою мы ужинали въ Базелѣ, въ трактирѣ *Ауста* ¹⁾; помнишь, можетъ быть, и то, что я сидѣлъ рядомъ съ нею; что она говорила со мною ласково, и смотрѣла на меня съ нѣжностію—ахъ! какая гранитная гора могла защитить мое сердце отъ ея пронзительныхъ взоровъ? Какія снѣжныя громады могли погасить огонь, воспаленный сими взорами въ источникъ жизни моей? Такъ, мой другъ! я учился Анатоміи, Медицинѣ, и знаю, что сердце есть точно источникъ жизни, хотя почтенный Докторъ Мегадидактось, вмѣстѣ съ уваженіемъ достойнымъ Микрологосомъ, искалъ души и жизненнаго начала въ чудесномъ, отъ глазъ нашихъ укрывающимся сплетеніи нервъ... Но я боюсь удалиться отъ моего предмета, и потому, оставляя на сей разъ почтеннаго Мегадидактоса и уваженія достойнаго Микрологоса, скажу тебѣ откровенно, что Ивердонская красавица возбудила во мнѣ такіа чувства, которыхъ—теперь описать не умѣю. Не знаю, что бы изъ меня вышло, и что бы я сдѣлалъ, если бы она—о жестокой ударъ!—не уѣхала изъ трактира въ самую ту ночь, въ которую душа моя занималась ею съ величайшимъ жаромъ, и въ

¹⁾ Письма Русскаго Путеш. Т. I, стр. 194.

которую утѣшительный сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Ты вывезъ меня изъ Базеля; путешествіе, пріятныя мѣста, встрѣча съ Француженкою, маленькой Пьеръ, бѣлка, злая бѣлка ¹⁾ новыя знакомства, водопады, горы, дѣвица Г**—все сіе не могло совершенно затереть образа прекрасной Ивердонки въ сердцѣ моемъ. Долго старался я преодолевать себя; но тщетно! Быстрая рѣка рано или поздно разрываетъ всѣ оплоты: такъ и любовь! Нанявъ въ Лозанѣ лошадь, поѣхалъ я верхомъ въ Ивердонъ: скакалъ, летѣлъ, и въ 10 часовъ утра былъ уже на мѣстѣ—остановился въ трактирѣ, напудрился, снялъ съ себя кортикъ, шпоры, и пошелъ, куда стремилось мое сердце. Тамъ съ пасмурнымъ видомъ встрѣтилъ меня шестидесятилѣтній старикъ, отецъ моей красавицы. *Милостивый государь!* сказалъ я: *почтете, которымъ душа моя преисполнена къ вашей любезной дочери, великое, сильное желаніе видѣть ее*—Въ самую сію минуту она вошла. *Юлія! знаешь ли ты этого господина?* спросилъ у нее старикъ. Юлія посмотрѣла на меня и учтивымъ образомъ отвѣчала, что она не имѣетъ сей чести. Вообрази мое удивленіе! Я весь затрепеталъ—*затрепеталъ вслухъ*, какъ говорить Клопштокъ. Мнѣ казалось, что всѣ Швейцарскія и Савойскія горы обрушились на мою голову. Насилу могъ я собраться съ духомъ, и не говоря ни слова, подалъ безпамятной Юліи записную книжку мою, гдѣ увидѣла она имя свое, ея собственною рукою написанное ²⁾. Краска выступила на лицѣ жестокой: она стала передо мною извиняться, и сказала отцу: *я имѣла честь вмѣстѣ съ нимъ ужинать въ Базель*. Онъ просилъ меня сѣсть. Бровь моя все еще не могла успокоиться, и я не имѣлъ духа смотрѣть на Юлію, которая также была въ замѣшательствѣ. Старикъ, услышавъ отъ меня, что я Докторъ Медицины, очень обрадовался, и началъ говорить со мною о своихъ болѣзняхъ. Увы! (думалъ я) за тѣмъ ли Судьба привела меня въ Ивердонъ, чтобы разсуждать о гемороидальныхъ припадкахъ дряхлаго старика? Между тѣмъ дочь его сидѣла, нюхала табакъ, и взглядывала на меня, но совсѣмъ уже не такъ, какъ

¹⁾ Письма Русса. Путеш. Т. I, стр. 200.

²⁾ Письма Русса. Путеш. Т. I, стр. 196.

въ Базелѣ. Взоры ея были такъ холодны, такъ холодны, какъ Сѣверный Полюсъ. Наконецъ самолюбіе мое, жестоко уязвленное, заставило меня—встать со стула и откланяться. *Домо ли вы пробудете въ Ивердонъ?* спросила Юлія пріятнымъ своимъ голосомъ (и съ такою усмѣшкою, которая весьма ясно говорила: *надѣюсь, что ты уже не придешь къ намъ въ другой разъ*).

Нѣсколько часовъ, отвѣчалъ я.—*Въ такомъ случаѣ желаю вамъ щастливаго пути.*—И щастливой практики—примолвилъ старикъ, снявъ свой колпакъ. Мы разстались; и когда я вышелъ на улицу, наемный слуга, провожатый мой, сказалъ мнѣ, что дѣвица Юлія скоро выдетъ замужъ за Господина N. N. *А! теперь знаю причину холоднаго пріема!* думалъ я, и удвоилъ шаги свои, чтобы скорѣе удалиться отъ дому будущей супруги Господина N. N.—Городъ Ивердонъ сталъ мнѣ противенъ. Я съ великимъ нетерпѣніемъ дожидался обѣда, и сѣвъ за столъ, велѣлъ слугѣ осѣдлатъ мою лошадь. Въмѣстѣ со мною обѣдало четверо Англичанъ, которые вздумали пить мое здоровье всѣми винами, какія были у трактирщика. Я самъ велѣлъ подать бутылки двѣ Бургонскаго, чтобы отблагодарить ихъ—и такимъ образомъ прошло непримѣтно около трехъ часовъ. Сердце мое забыло все земное горе, и простило невѣрную Юлію. Англичане, по своему обыкновенію, выдумывали разныя *сентиментальныя* или *чувствительныя* здоровья. Мнѣ также въ свою очередь надлежало предложить три или четыре. При послѣднемъ я налилъ полную рюмку, поднялъ ее высоко и сказалъ громко: *кто любитъ красоту и нѣжность, тотъ пей со мною за здоровье Юліи и желай красавицъ щастливаго супружества!* Рюмки застучали, вино запѣнилось, и всѣ Англичане въ одинъ голосъ воскликнули: *мы пьемъ за здоровье Юліи, и желаемъ красавицъ щастливаго супружества!*—Между тѣмъ я разъ десять спрашивалъ, «готова ли моя лошадь? и десять разъ отвѣчали мнѣ, что она «давно стоитъ у крыльца. Наконецъ слуга пришелъ сказать, что «мнѣ не лѣзя ѣхать.—Не лѣзя? для чего же? — *Становится поздно, и находятъ облака.*—«Вздоръ! я поѣду! лошадь!»—«Черезъ полчаса опять пришелъ слуга. *Вамъ не лѣзя ѣхать.*—«Не лѣзя? для чего же?»—*Стало поздно; облака сдулись; и пошелъ снѣгъ.*—Вздоръ! я поѣду! лошадь!»—Черезъ нѣсколь-

«ко минутъ слуга опять подошолъ ко мнѣ. *Вамъ не лъзя ѣхать!*— Не лъзя? для чего же?» — *Ночь на дворъ; снѣгъ валится хлопками и скоро сильный вѣтеръ надуетъ вездѣ суробы.*— «Вздоръ! поѣду, сию минуту поѣду! лошадь!» — Сказалъ, всталъ со стула, пожалъ у Англичанъ руки, подпоясалъ кортикъ, расплатился съ хозяиномъ, вскочилъ на коня своего, и пустился во всю прыть по Лозанской дорогѣ. Вѣтеръ со снѣгомъ дулъ мнѣ въ лице; но я протиралъ глаза, и безпрестанно шпорилъ свою лошадь. Скоро сдѣлалась страшная вьюга, и бѣлая тьма совсѣмъ лишила меня зрѣнія. Я чувствовалъ, что ѣду не по дорогѣ; но дѣлать было ничего. Впередъ, впередъ, на волю Божію—и такимъ образомъ странствовалъ до половины ночи. Наконецъ добрый конь, вѣрный товарищъ мой, совсѣмъ изъ силъ выбился, и сталъ. Я сошелъ съ него, и повелъ его за узду; но скоро и мои силы истожились. Уже несчастный пріятель твой готовъ былъ упасть на пушистую снѣжную постелью, покрыться снѣжнымъ олъяломъ, и поручить участь свою Богу; хладная смерть со всѣми своими ужасами вилась надо мною! Увы! я прощался уже съ моимъ отечествомъ, съ друзьями, съ *химическими лекціями*¹⁾, и со всѣми моими лестными надеждами! Но судьба изрекла мнѣ помилованіе и вдругъ увидѣлъ я передъ собою крестьянской домигъ. Ты легко можешь представить себѣ радость мою, и для того не буду ее описывать. Довольно, что меня тамъ приняли, отогрѣли, накормили, успокоили. На другой день поутру я принудилъ хозяина взять у меня шесть франковъ, и въ десять часовъ утра возвратился въ Лозану—съ жестокою простудою. Вотъ конецъ моего романа! «Vale! В.—P. S. Какъ скоро уймется мой кашель, возвращусь на старое мое жилище, въ Женевскую Республику, подъ надежный покровъ *великолѣпныхъ*²⁾ Синдиковъ. У васъ, сказываютъ, много шуму!» Такъ, или почти такъ пишетъ мой Б.

Женевская кафедральная церковь напоминаетъ мнѣ давно-про-

1) Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, которыми онъ хотѣлъ удивить всю ученую Данію.

2) Ихъ называли всегда *magnifique*.

шедшія времена. Тутъ былъ нѣкогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылалъ въ стѣнахъ его разрушилъ отчасти величественное зданіе древняго искусства—воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіанской церкви.

Вхожу во внутренность—огромно и пусто! Ищу глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Миѣ представляется громада чернаго мрамора, держимая львами—это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XIII страшился какъ грознаго непріятеля, который жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naitre.

Il agit en heros, en sage il ecrivit ¹⁾;

Il fut meme grand homme en combattant son maitre

Et plus grand lorsqu'il servit.

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предателемъ, и готовы были обогреть руки свои кровью Героя, чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мятущагося народа—обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я моею жизнію; теперь хочу умереть отъ руки вашей* — сказалъ, и народъ, устыдясь своей несправедливости, палъ предъ нимъ на колѣни. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ челоуѣчества проливаетъ радостныя слезы!—подобныя черты великодушія суть блестящія перлы въ мрачной исторіи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ покоится и несчастный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго челоуѣка. Роганъ хотѣлъ до времени тайть рожденіе своего сына, боясь, чтобы Кардиналь Ришелье не отнялъ его и не воспиталъ въ Батолической религіи. Корыстолюбивая Танкредова сестра, желая одна владѣть имѣніемъ отца своего, воспользовалась симъ обстоятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей лю-

¹⁾ Онъ сочинилъ Les Interets des Princes, Le parfait Capitaine, и другія книги

дямъ велѣла похитить младенца, увезти изъ Франціи и отдать на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣлалось какъ она хотѣла, — и Танкредъ отданъ былъ въ Голландію одному небогатому мѣщанину; а Герцога и супруга его, дочь великаго Сюлли, увѣрила, что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ отцомъ, его жену матерью, а дѣтей братьями и сестрами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали. — Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно уже перестала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ нечаянной радости своей, получила достовѣрное извѣстіе ¹⁾, что онъ живъ. Въ ту же минуту она послала за нимъ въ Голландію. Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услышалъ о смерти отца своего, и пролилъ слезы; услышалъ о матери, объ ея нетерпѣннн видѣть милого сына, и схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему: *пойдемъ къ ней: увидѣлъ горестъ воспитателя своего, горестъ его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихъ. Никогда, никогда васъ не забуду!* сказалъ онъ съ нѣжностью: *никогда не перестану называть тебя отцомъ моимъ, тебя матерью, васъ братьями и сестрами! Теперь простите: естьли мнѣ хорошо будетъ въ Парижъ, то я отпущу къ вамъ, чтобы и вы туда прѣехали.* — Танкредъ поѣхалъ, и всякую минуту спрашивалъ: *скоро ли увижу мать мою.* Онъ увидѣлъ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отъ радостнаго восторга... Герцогиня немедленно объявила Танкреда сыномъ и наследникомъ Герцога Рогана; однакожь дочь ея не хотѣла признать его своимъ братомъ. Началось дѣло, и до рѣшенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомъ. — Франція была тогда театромъ междуособной войны. Герцогъ Орлеанскій и Принцъ Конде хотѣли овладѣть Парижемъ, и уничтожить Парламентъ; но многіе дворяне, держа сторону сего послѣдняго, защищали городъ. Осьмнадцатилѣтній Танкредъ присталъ къ нимъ, и въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную смѣлость и мужество. — Самая сія геройская пылкость погубила его. Въ

1) Отъ одного изъ тѣхъ, которые отвезли его въ Голландію

одномъ сраженіи онъ былъ оставленъ своими и со всѣхъ сторонъ окруженъ неприятелями, которые, щадя юного Героя, требовали, чтобы онъ сдался; но храбрый Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ головы своей и кричалъ: *points de quartier! il faut vaincre ou mourir!* (*побѣдить или умереть.*) Свинцовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умеръ Героемъ.—Сія безвременная смерть сократила жизнь несчастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его: *Здѣсь лежитъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный наслѣдникъ добродѣтели и великаго имени отца своего. Онъ умеръ на девятнадцатомъ году отъ рожденія, сражаясь за своихъ согражданъ. Небо показало—и скрыло его, къ хоресту всѣхъ родственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Маргарита Бетюнъ, Герцогиня де Роганъ, печальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея скорби и любви къ милому сыну.* Но злобная Танкредова сестра по смерти матери своей (которая также погребена въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына)—злобная сестра, питая ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать въ начальникамъ Женевской Республики, чтобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и стерли трогательную надпись; но я нашелъ ее въ *Histoire de Tancrede*.—Извѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (поднесенные имъ самой сестрѣ Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
 Sans exciter votre courroux?
 Le grand cocur que la France admire,
 Semble déposer contre vous.
 L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
 Vit finir ses jours à la guerre ¹⁾,
 Et Tancrede a le même sort.
 Cette conformité qui le couvre de gloire,
 Force presque chacun à croire,
 Que la belle Olimpe avoit tort,
 Et que ce jenne Mars, si digne de mémoire,
 Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort.—

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Ментенонъ, Тео-

1) Сей стихъ можно поставитъ въ примѣръ слабымъ и неціятческихъ стиховъ.

дору Агриппа Обинье, который нѣкоторое время пользовался благосклонностію Генриха IV; но послѣ долженъ былъ удалиться отъ Двора и даже выѣхать изъ Франціи.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться, и часто, взявъ въ карманъ луидора три и записную книжку, странствую по Савоии, Швейцаріи, или Pays de Géx, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевского гражданина и Философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ—нѣтъ! Тутъ послышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя—и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ.—Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку, зефиръ вѣялъ вокругъ нее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ,— тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нешателя—какъ будто бы за то, что Небо одаило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описывает Руссо ¹⁾ пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ конечно не можетъ понять блаженства сего роду — блаженства сей *Субботы*, которою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и которая приготовляетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома прервалъ его, и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на семь островѣ, естли вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать несчастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» Нѣтъ, слабый старецъ долженъ проститься съ любезнымъ своимъ островомъ — и послѣ того говорить, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ тотъ, кто никогда не любилъ человѣчества.

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодого чловека, который нахлобучивъ себѣ на глаза круглую шляду, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: *Vous pensez à lui (вы объ немъ думаете)*, пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотреть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большей части Руссовымъ. —

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нешателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ гдѣ за двадцать передъ симъ,

¹⁾ Въ *Promenades solitaires*.

близъ одной мельницы. Лицами они лежали къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени.—Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство; но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ,—вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Нещастная земля! Нещастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, естли хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и тишина царствуетъ въ Женевѣ. Перемяна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами; Франціею, Кантономъ Берномъ, Савоіею; и тѣ изъ гражданъ, которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Не давно выбирали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ церкви Св. Петра; подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библию. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галлереею.—

Не давно случился здѣсь слѣдующій комикопечальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мужчинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ,—но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по алеѣ и едва не передалъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трем* ходятъ,

а не ѣздить. *А я хочу ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ. — «Вамъ не позволять». — *Кто, кто мнѣ не позволитъ?* — «Я, именемъ закона». — Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трем* отрядъ здѣшной Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по аллеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физиогномія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Британца, не смотря на его храброе сопротивленіе, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина, и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезъ ея*. Увѣряютъ, что Синдики за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился и спѣшитъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ и своемъ путешествіи, о Парижѣ, Лионѣ и проч.; но Поэтъ говорилъ мало, потому что онъ весь свой жаръ истощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки, — громкими восклицаніями изъявлялъ восторгъ свой, — увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намостить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ любитъ исполинскія мысли!

Датчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ лоутру въ Фернѣ, — осмотрѣли все, поговорили о Вольтерѣ, и проѣхали обѣдать въ Жанту, къ Созерцателю Натуры, который принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію. «Теперь вы окружены сѣверомъ», — сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его *Мы многимъ обязаны вашему краю*, отвѣчалъ онъ: *тамъ возшла*

новая заря наук; я говорю объ Англии, которая есть также северная земля; а Линней былъ вашъ сосѣдь.—Баждаго изъ насъ по очереди сажалъ Боннетъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую матерію для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ состояніи Даніи, съ Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи, со мною о Русской Литтературѣ и характерѣ Женевцовъ. Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ какимъ жаромъ великой Боннетъ превозносилъ достоинства великаго Галлера! Тридцать лѣтъ любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ показывались въ глазахъ нашего почтеннаго старца. Онъ сыскалъ письма покойнаго друга своего и отдалъ Багзену читать ихъ; послѣднее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней передъ его смертію, всёхъ насъ заставило плакать. Нѣкоторыя строки остались въ моей памяти; вотъ онѣ: «Скоро, любимый и почтенный другъ мой! скоро не будетъ меня въ семъ мірѣ. Обращаю глаза на прошедшую жизнь мою, и полагаюсь на благость Провидѣнія, спокойно ожидаю смерти. Въ сію минуту болѣе, нежели когда-нибудь, благодарю Бога за то, что я воспитанъ былъ въ Христіанской Религіи, и что спасительныя истины ея всегда жили въ моемъ сердцѣ. Благодарю Его и за вашу драгоценную дружбу, которая служила мнѣ утѣшеніемъ въ жизни и питала въ душѣ моей любовь къ мудрости и добродѣтели... Простите, дражайшій другъ мой! Живите еще многія лѣта, и просвѣщайте человѣчество; живите и распространяйте царство добродѣтели!.. Простите! Въ сію минуту душа моя къ вамъ стремится: — я хотѣлъ бы обнять васъ въ послѣдній разъ; хотѣлъ бы въ послѣдній разъ слышать изъ устъ вашихъ сладостное наименованіе друга; хотѣлъ бы словесно изъяснить вамъ всю признательность, всю чувствительность моего сердца... Я оставляю дѣтей: будьте имъ вторымъ отцомъ, наставникомъ, покровителемъ, другомъ!.. Простите! Гдѣ и какъ мы увидимся, не знаю; но знаю то, что Богъ премудръ, благъ и всемогущъ: мы безсмертны! дружба наша безсмертна!.. Скоро зашумитъ и подымется передо мною непроницаемая завѣса—слава Всевышнему!.. Простите въ послѣдній разъ—рука моя слабѣетъ—въ послѣдній разъ называюсь здѣсь вашимъ вѣрнымъ, нѣжнымъ, признатель-

нымъ, благодарнымъ, умирающимъ, но вѣчнымъ другомъ!» — Съ такими чувствами, любезные друзья моя, кончилъ жизнь свою сей великій мужъ — и да будетъ конецъ нашъ подобенъ его концу! Боннетъ взялъ за руку Багзена и сказалъ ему голосомъ растроганнаго сердца: *Вы женитесь на внуку его: обнимите меня!*

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпожа Боннетъ дожидается насъ къ обѣду. Почтенный хозяинъ рекомендовалъ ей моихъ товарищей и, указывая на Багзена, сказалъ: *Онъ любитъ тою, которая намъ столь любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ былъ разсказать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познакомился съ дѣвицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы послушали его. По-французски изъясняется онъ съ трудомъ; но живость его словъ и движеній трогаетъ душу. — Въ жару своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ-было съ Боннетомъ, но любезный старецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма покойно *мой другъ! я Пиндэореецъ и обѣдаю въ молчаніи*. Багзенъ замѣшался и замолчалъ; но Госпожа Боннетъ просила его досказать.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. «Въ этой бесѣдѣ, говоритъ Боннетъ, сочинялъ я предисловіе къ Палингенезіи; здѣсь на берегу озера первая глава ея; тутъ, подъ высокимъ каштановымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія природы*. На чистомъ воздухѣ мысли мои бывають свѣжѣе». — Часы или минуты сочиненія — тѣ минуты, въ которыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣтая, предается быстрому стремленію мыслей и чувствъ своихъ, — называетъ онъ счастливейшими, сладкими, небесными минутами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрялъ что онъ никогда уже не будетъ писать стихами ¹⁾, потому что сей родъ сочиненій есть совсѣмъ неестественный, и мѣшаетъ чувствамъ изливаться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. «Я отчасти согласенъ съ вами, сказалъ Боннетъ, и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше правится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ». — *Тотъ кто въ заключеніи Палингенезіи написалъ: notre Pere!.. notre Pere!.. nous... есть величайшій изъ Поэтовъ,*

1) Однакожь недавно выдалъ онъ многія піесы въ стихахъ.

сказалъ Багзень, и сею искреннею похвалою тронулъ чувствительнаго старца.

Боннетъ называетъ Галлерову Поэму *о происхожденіи зла* самую лучшею изъ философическихъ стихотвореній, хвалитъ также и *Essay on Man*. Онъ любитъ и уважаетъ Клопштока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанту до пяти часовъ.

Февраля 2, 1790.

Аббатъ Н*, разаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всеми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаистами, остроумень, весель, забавень. Отъ шести часовъ до осьми—время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы—бывалъ онъ душою дамскою бесѣды, загадывалъ загадки, шарады: рассказывалъ смѣшные и трогательные Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили Дамы, садясь за карты.

Въ мірѣ все подвержено перемѣнѣ—и вдругъ веселый, забавный Аббатъ сталъ задумчивъ, печалень, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно Дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ знакомые съ удивленіемъ. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь всѣ опыты были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббатъ.» — Я, сударыня? Можетъ быть. — «Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и незнаютъ причины ея.» — Миѣ имъ сказать нечего. — «Позвольте въ этомъ сомнѣваться.» — Какъ вамъ угодно. — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и Дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; одна-

вожъ по свѣжести лица, которая и отъ самой печали не увяла всякой бы почель его тридцатипятилѣтнимъ человѣкомъ. Видъ былъ сумраченъ и важень; глаза томны, — но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны снѣжныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой синяя гора Юра, которая простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самаго себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата, которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Аббатъ... Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Руки его были простерты къ предмету, имъ обожаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы катились изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самаго утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лицо блѣдное; впрочемъ непримѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему идти прогуливаться. Они вышли на *Тремъ*, ходили взадъ и впередъ около часа и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничный, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ; послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. По утру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знако-

мымъ, но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ наканунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ; но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекъ съ луидорами остались въ его комнатѣ. Аббатъ пропалъ! говорили въ городѣ, и наконецъ позабыли Аббата. У не было друзей! Онъ не имѣлъ того, что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца и разговаривали о жизни человеческой. Быстро, быстро течетъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ, взглянулъ на стремительную Рону, и увидѣлъ — несущееся тѣло; большой камень остановилъ его.

Тѣло вытащили, и узнали несчастный жребій Аббата. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ. Глазъ было совсѣмъ не видно; синее размокшее лицо устрало взоры чувствительнаго. Въ одномъ карманѣ нашли у него муфту, въ другомъ черную его мантию.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верстахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его—нѣтъ надписи. Страшное суевѣріе бѣжитъ отъ сего мѣста. Тутъ лежитъ погибшій, говорятъ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

Женева 28 Февраля 1790.

Не знаю, что думать о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ нетерпѣніемъ ожидаю почту—она приходитъ—бѣгу, спрашиваю—и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ—и возможности устрашаютъ меня. Ахъ! естли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ отечествомъ перервется—я пойду искать какой нибудь пустыни въ глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ, среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Натуры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ—вотъ моя надежда, мое утѣ-

шеніе! Сумракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ.— Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо, теперь мнѣ лучше.

•Черезъ три дня, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ; чтобы разсматривать ландкарту и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ въ Парижъ подъ адресомъ: а Messieurs Breguet et Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre a Mr. N. N. Если же по отъздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бьенцъ, любезный знакомецъ мой, перешлетъ ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадовалъ на Женевцевъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худого. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтеть маленькая область ихъ подъ тѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства, и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ *Серкляхъ* своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть всѣ Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ къ нимъ на вечеринки, играть въ Вистъ по гривнѣ партію, и пить чай и кофе! Да будетъ ихъ Республика многія, многія лѣта прекрасной игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревьяхъ порхали птички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Боннета, и говоря съ

нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня—голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было непритворное. — Общанныя примѣчанія къ Contemplation ¹⁾ я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему проститься съ нимъ? *Онъ вашъ прятель*, отвѣчалъ любезный старикъ: *и такъ во всякое время я буду радъ ему*. Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки!—Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ проститься. „Живите (сказалъ я), живите для блага человѣчества!“ Онъ обнялъ меня—желалъ мнѣ счастья; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ!—Я затворилъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ вслѣдъ: *adieu, cher K..., adieu!*—Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Лионъ, къ Гг. Жилиберту и де-ла-Ту-рету, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высококомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки—вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ—и едва не забылъ того времени, въ которое запираются городскія ворота.—Простите, друзья мои! Если вы здоровы, то я доволенъ Судьбою, и получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите!—Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы!— *Марта 1.*

*Горная деревенька въ Pays de Gez,
Марта 4, 1790, въ полночь.*

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изъ Женевы, въ двухмѣстной Англійской каретѣ, которую нанялъ я до самаго Лиона за четыре

¹⁾ Quelques Notes additionnelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature*, par M.

лудора съ талеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближились къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердцѣ. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Добрый товарищъ, покойная карета, услужливый извозчикъ, перемѣна, мѣста — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое щастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же веселъ, какъ и мы. Прекрасный выѣздъ!

Тамъ, гдѣ Юра за нѣсколько тысящелѣтій передъ симъ разступилась на своемъ основаніи, съ такимъ трескомъ, отъ котораго можетъ быть Альпы, Аппенинъ и Пиренеи задрожали, въѣхали мы во Францію при страшномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ отъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньеры*, или *горные жители*. Они взглянули на меня гордо, и оборотились опять къ огню; но услышавъ привѣтствіе мое: *bonjour mes amis!* (*здравствуйте, друзья!*) приподняли свои шапы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скаль, на пустыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Въмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ обрубокѣвъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Старикъ, который сидѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбнулся и сказалъ: *даичъ! даичъ!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говорили между собою. *Не удивляйтесь,*

продолжалъ старикъ: *я служилъ нѣсколько компаний въ Нидерландской землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храброго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слыхали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку. Смотрите—я не могу поднять ее выше этого.*— „Почтенный воинъ! сказалъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: *дозволь мнѣ посмотреть на тебя.*— „Инакѣ усмѣхнулся. *„Дивно ли ты въ отставкѣ, добрый старикъ?“* спросилъ Беккеръ. *„Тридцать лѣтъ, отвѣчалъ онъ—много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ.“*— Мы видѣли гробъ его. — *„Вы видѣли гробъ его? гдѣ?“*— Въ Стразбургѣ, мой другъ. — Въ Стразбургѣ? Это далеко отсюда; я не пойду туда—а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои—Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на телѣжкѣ—жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь—однакожъ онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ отчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріатели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!“—Старикъ поднялъ вверхъ голову и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на ветхомъ лицѣ уменьшилось; тусклые глаза стали свѣтлѣе, и осьмидесятилѣтній воинъ съ толстою своєю клюкою готовъ былъ маршировать противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: *«здоровье храбрыхъ, заслуженныхъ Ветерановъ!—И молодыхъ путешественниковъ!* примолвилъ старикъ съ улыбкою, и выпилъ до дна.—Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у своего внука въ одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму отдохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему *эню*, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и кричалъ осмотрицакамъ: *«я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иностранныхъ господъ!»* Конечно! отвѣчали они со смѣхомъ, и пожелаали намъ счастливаго пути, не требуя съ насъ ни копѣйки!

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сикъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшисьъ подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Нельзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду готовы упасть. — Насъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Еклозъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ ограждаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человекъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячъ непріятелей. Тамашній гарнизонъ состоитъ изъ 150 инвалидовъ, подъ командою стараго Майора, который долженъ былъ подписать имя свое на пропускъ нашемъ. Я позабылъ сказать вамъ, что мнѣ дали въ Женевѣ паспортъ—слѣдующаго содержанія:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et Republique de Geneve, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. âgé de 24 ans, Gentilhomme Russe, lequel allant voyager en France, afin qu'en son Voyage il ne lui soit fait aucun déplaisir, ni moleste. Nous prions, et affectueusement requerons tous ceux qu'il appartiendra, et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assure passage dans les Lieux de leur Obeissance, saus lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de nous, envers ceux qui de leur part nous seroient recomandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous en serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Presentes sous notre Sceau et Seing de notre Secretaire ce premier Mars Mil sept cent quatrevingt dix.

Par mesdits Seigneurs Syndics et Conseil.
Puerari.

И такъ естъли кто нибудь оскорбить меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ, и она должна за меня вступиться! Но не думайте, чтобы *великопные* Синдики изъ отъвѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту: всякой можетъ получить такой паспортъ.

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется *La perte du Rhone*, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извозчикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ несчастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось

шесть или семь человекъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла—и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимають Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ оттула она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ. — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ каретѣ, заплативъ гривенъ шесть нашимъ провожатымъ ¹⁾).

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи улаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человекъ ни за какою горою, ни за какою пропастію укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу. — Трактирщица рассказала намъ слѣдующій анекдотъ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засматривались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и счастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться

¹⁾ Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

навѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной стремнины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: *удалимся! страшно!* — *Робкой!* отвѣчала она съ усмѣшкою: *не стыдно ли тебѣ боятся? земля тверда подъ ногами. Я хочу заглянуть туда* — сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приближались къ пропасти, и въ самую ту минуту камни подъ ея ногами покатались. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора трещала — все валялось — несчастная низверглась въ бездну, и погибла! — Жанъ хотѣлъ броситься за нею — ноги его подкосились — онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отъ ужаса — кричали: *Жанъ! Жанъ!* но Жанъ не откликнулся; толкали его, но онъ молчалъ; приложили руку къ сердцу — оно не билось — Жанъ умеръ! Лизету вытащили изъ пропасти; черепа не было на головѣ ея; лице... Но сердце мое содрогается. — Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горести.

6 марта, 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Съ всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ которыя нельзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны *обсажено* острыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростають травою печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантии сидитъ безмолвно на развалинахъ, и не подвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькаютъ въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такіе образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно развѣхаться. Надлежало развѣхать цѣлыя каменные горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и миллионѣхъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ Естественномъ, и гранитныя преграды какъ прахъ рассыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтъ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ мѣсту встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокуроыя, и прекрасныя лицомъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешествующія Англичанки: четверомѣстная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ. —

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество, и мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши, — думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умоляли горныя вѣтры, пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтъ — прощайте, всѣ пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра. —

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую

комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночь легъ 80 и 85 су: что составляетъ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилъ я во Французскихъ *обержсахъ*: первое, что въ ужинѣ не подаютъ супа слѣдственно *ou soupe sans soupe*, второе, что на столѣ кладутъ только ложки съ вилами, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ. — Нигдѣ не видалъ я такихъ мерзостныхъ надписей, какъ въ сихъ трактирахъ. Для чего вы ихъ не стираете? спросилъ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ*, отвѣчала она: *кто станетъ читать такой вздоръ?*

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васъ дѣлается? спросилъ я. — Сосѣдъ нашъ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель трактира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ плюетъ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецъ умилоствовались, дали ему проспать, и принудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ просить прощенія у милосердаго Господа. *Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!* —

Ліонъ 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Ліонъ*. *Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первоклассному Французскому городу, отдѣляя *Бресъ* отъ *Дофине*, одной изъ пространѣйшихъ Французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Са-войскихъ Гигантовъ. — Издали казался Ліонъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій. — Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышной! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы вѣхали въ набережную улицу

— и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой сторонѣ рѣки разбѣяны прекрасныя лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Четыре человѣка бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ несчастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣряла насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы итти въ Комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней недавно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ—все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижскій танцовщикъ, въ послѣдній разъ общалъ веселить Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улей пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Естли въ ложѣ или въ паркетѣ какая-нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь! à bas! à bas!* Вокругъ насъ было немного порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера итти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человѣкъ провелъ насъ въ ложу третьяго этажа, гдѣ нашли мы даму и знакома нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Принцевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся потѣснить ее и вошелъ въ другую маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли комедію *les Plaideurs*. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался піецою, сколько тѣми людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ немилость*, тан-

цовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вестрисъ въ пастушьемъ платьѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла—всѣ театральные герои рассыпались—занавѣсъ поднялся—начался балетъ — Вестрисъ показался—рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человѣческаго, которые ищутъ его въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстнаго любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душою любовницы, сокрылся Вестрисъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедію въ одинъ актъ, самую пустую. Начался новый балетъ—Вестрисъ снова появился—и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между тѣмъ сѣли подлѣ меня два человѣка, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (оборотясь ко мнѣ). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Русской?

Я (взглянувъ въ другую ложу). Одинъ Нѣмецъ, другой Датчанинъ, третьяго не знаю.

Одинъ. Покрайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Русскимъ?
Я. Я Русской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Русской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?
Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы пріѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорить тамъ о Неккерѣ?

Я. По большей части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Bravo! bravo! Мы сей часъ отсюда. Что за городъ! А! государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Лионѣ не имѣютъ понятія. Вы, конечно, остановились въ Hôtel de Milan? и мы тамъ же (*Своему товарищу*). Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги —

Одинъ. Что ты говоришь! Русскіе всё богаты какъ Брезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздитъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этого! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театръ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячъ ливровъ въ мѣсяць—по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

Другой. Bravo, Вестрисъ! bravo!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage qu'il soit bête. Je le soppnois très bien (Жаль, что онъ превеликая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказываютъ—

Другой. Съ Маркизомъ—

Одинъ. За что?

Другой. Маркизь зацѣпилъ его за живое въ Національномъ Собраніи.— (*Обротясь ко мнѣ*) Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбится. Вы можете проживать, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего товарища, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Лизета тебѣ дорого стоила.

Одинъ. А! (*зажмуривается и храпитъ*).

Я. Откуда вы, естли смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Парижѣ, и теперь возвращатся въ Монпелье.

Одинъ (*просыпаясь*). Bravo; bravo, Вестрисъ! (*Стучитъ палкою въ декорацию*). Онъ первый танцовщикъ во вселенной! — (*Задумывается и вздыхаетъ*). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнію; все видѣлъ.

Другой. Все видѣлъ и все испыталъ! Примолви это, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда!—Вы вѣрно знаете того Русскаго Графа, который вынѣшнюю зиму провелъ въ Монпельѣ?

Я. Графа Б...? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! (*Задумывается и хранитъ*).

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините—я говорю очень худо!

Одинъ (*просыпаясь*). Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанъ приличнѣе всего для чужестранца въ Парижѣ.

Другой. Черный шелковый.—Женщины у васъ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетъ женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Нѣмокъ, Италяннокъ, — (*помолчавъ*) Гишпанокъ—(*помолчавъ*) Турчанокъ—(*помолчавъ*) и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! ты съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы прѣехали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называется тотъ Русскій городъ, откуда можно ѣхать водою въ Англiю?

Я. Вы говорите конечно о Петербургѣ?

Одинъ. Да, да! Жаль только, что у васъ холодно. (*Обротясь къ своему приятелю*). Кучера отмораживаютъ тамъ бороды съ усами.—Браво, браво, Вестрисъ!—

Между тѣмъ вошелъ къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки.

Одинъ. (*Оборотясь къ Беккеру*). Вы Нѣмецъ?

Беккеръ. Извините—я изъ Копенгагена.

Одинъ. А! — Вашъ языкъ сходенъ съ Нѣмецкимъ. Вѣтъ вы говорите: *я менъ гергъ*? А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ—съ нимъ (*указывая на меня*).

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился—занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложи, партеръ—все въ одинъ голосъ закричали: *останься здѣсь, Вестрисъ, останься здѣсь!* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ—какой скромный

видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяць позволено мнѣ отлучиться изъ Парижа; мѣсяць проходитъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но...

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Страшное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ. «Въ знакъ благодарности за то благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете, я буду танцовать еще завтра». Шумящее *bravo* соединилось со всеобщимъ плескомъ—и занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что въ сію минуту легкіе Французы могли бы, думаю провозгласить Вестриса Диктаторомъ?

Учтивые господа, съ которыми имѣлъ я вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щастливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Парижѣ черезъ мѣсяць. Пришедши въ свою комнату, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ (въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія разговаривали о Французской учтивости.

На другой день отвели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Terreaux передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бываетъ множество людей, кромѣ множества торговекъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность перевозчиковъ: *не хотите ли перѣхать черезъ рѣку?* хотя мостовъ много, и одинъ отъ другаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣскольکو домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами—не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за

которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ трехглавый *Монъ-Бланъ*, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпью Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограничивая область, зрѣнія. Обширныя зеленныя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофинъ—равнины, гдѣ уже оперяется весна, отъѣнно миловидны. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливыя цвѣтущія страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши!—Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ—первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтъ челоуѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя—въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить отечество: второй привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ—перваго уважаю какъ сильнаго Царя: втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ героя какъ благодѣтеля челоуѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля ¹⁾.—При семъ случаѣ скажу, что мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная, несравненная мысль—ибо сей камень служить разительнымъ

¹⁾ Можетъ быть не всѣ Читатели знаютъ тѣ стихи, въ которыхъ Англійскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
People savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd, from Gothic darkness call'd.
Immortal Peter! first of monarchs! He
His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd

образомъ того состоянія Россіи, въ которомъ была она до времени своего преобразователя. Не менѣе правится мнѣ и краткая, сильная, многозначущая надпись: Петру Первому Екате-

Thro'long successive ages to build up
 A labouring plan of state! behold at once
 The wonder done! behold the matchless prince,
 Who left his native throne, where reign'd till then
 A mighty shadow of unreal power;
 Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
 And roaming every land, in every port
 His sceptre laid aside, with glorious hand
 Unwearied plying the mechanic tool,
 Galther'd the seeds of trade, of useful arts,
 Of civil wisdom and of martial skills.
 Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!
 Then cities rise amid th'llumin'd waste;
 O'er joyless deserts smiles the rural ring;
 Far-distant flood to flood is social join'd;
 Th'as tomsh'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
 Proud navies ride on seas that never foam'd
 With daning keel before; and armies stretch
 Each way their dazzling floss, redressing here
 The frantic *Alexander* of the north,
 And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, a *Vice*,
 Of old dishonour proud; it glows around,
 Taught by the Royal Hand that rous'd the whole,
 One scene of arts, of arms, of rising trade:
 For what his wisdom plann'd and power enforc'd,
 More potent stili, his great *example* shew'd.

То есть: Что не можетъ произвести дѣятельное Правительство, преобразуя человѣка? Одна великая Душа, вдохновенная Небомъ, извлекла изъ готическаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безсмертный Петръ! первый изъ Монарховъ, устроившій суровую Россію съ ея грозными скалами, блатами, шумными рѣками, озерами и непокорными жителями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ онъ нравственность человѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ устроившихъ въ нами порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго наследственный престолъ. на коемъ дотолѣ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти—презрѣваго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой санпетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго съмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и военной науки! Обремененный солгровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ

рина Вторая. Что написано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе тридцати человекъ сидѣло за столомъ. Всякій бралъ, что хотѣлъ. Щастливъ, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобилень.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Маттисону, Нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую литературу, Нѣмецкое прямотушіе!* съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему: въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатичнаго сердца—не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, вмѣ недавно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его пісней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу? Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Лионъ!*—Я также засмѣялся и пожалъ его руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно.—Отъ него пошелъ въ Комедію. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушала я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Автору ея надлежало быть весьма чувствительну!—Я воображалъ его, какъ онъ въ бородѣ и непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтенеблосскаго театра во время перваго представленія

среди степей позносятся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбаются красоты сельскія, отдаенныя рѣки соединяютъ свое теченіе, взумленный Евреинъ слышитъ шумъ Балтійскихъ волнъ, гордые флоты преплываютъ моря, которыя дотолѣ не пѣвились еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляются, поражаютъ неистоваго свѣрнаго Александра, и ужасаютъ свирѣпныхъ сыновъ Отомана. Удаляется глѣзность, невѣжество и пороки, коими прежде варварство гордилось. Вездѣ является картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, власть повелѣваетъ, примѣръ показываетъ— — и государство благополучно!

оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики.— Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, всѣ закричали *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли—утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ—Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ—голосъ нетерпѣнія раздался—публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: *Messieurs! je suis penetré de vos bontés—mon devoir m'appelle à Paris. Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ.* Довольно для публики! Рукоплесканіе и *браво!*—Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцемъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Что принадлежитъ до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ *Hotel de Milan*) и такъ шумятъ, что я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ по утру Маттисонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовить въ подарокъ супругѣ своей, щастливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту отрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго кроткимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ отмѣннымъ искусствомъ; внизу видѣнъ образъ Улиссовъ. — *Нынѣ мало рабо-*

таю, сказалъ онъ, будучи принужденъ (здѣсь онъ вздохнулъ) часто вооружаться и ходить на караулъ, такъ какъ и всѣ прочіе граждае. Видѣ недодѣланныхъ статуй приводить меня въ ужасъ. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы!— Ты истинный художникъ! думалъ я.—Мы пошли въ госпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, стояло около двухъ сотъ постель въ нѣсколько рядовъ — о! какое зрѣлище! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ, томную слабость, на другомъ яростный приступъ смерти, напряженный отпоръ жизни; на иномъ побѣду первой—жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь то надобно собирать черты для картинъ страждущаго человѣчества, прибирая тѣни къ тѣнямъ. Но какое упражненіе! кто вынесетъ весь ужасъ его!—Между смертію и болѣзнію подалось въ глаза и томно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красотамъ Натуры возобновилось въ сердцахъ ихъ! Старецъ, подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостные глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнию!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ! — Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключается особый родъ болѣзни: въ одной лежать чахотные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества—и гдѣ можно расточать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святые добродѣтели! Такъ называемыя *жалостныя сестры*¹⁾ служатъ въ семь *домъ плача*, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; кротость сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ алтарь; тутъ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ*

¹⁾ Женской монашеской Орденъ.

комната (сказалъ намъ провожатый, указывая на дверь), за которую надобно платить въ день 12 мировъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.— „А что платить бѣдны?—10 су въ день за все, и 20, кто хочешь имѣть постелю съ занавѣсомъ.—Что здѣсь, спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите*, отвѣчалъ вожатой—и четыре гроба, покрытые чернымъ полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день*, говорилъ онъ, *умираетъ здѣсь нѣсколько человекъ. Нынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти.— *Теперь поведу васъ въ кухню.*—Кстати думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ великой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. .И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?“ спросилъ я. *Тысяча больныхъ*, отвѣчалъ онъ, *нѣтъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.*—Мы вошли въ большую комнату, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали.—Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы.— *Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные.*—Одинъ изъ сихъ несчастныхъ сидѣлъ на галереѣ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ.— *Это Философъ*, сказалъ съ усмѣшкою провожатый! *бумага и чернилица ему дороже злѣба.*— „А что онъ пишетъ?“ — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но начто лишать его такого безвреднаго удовольствія?*— Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: *начто лишать его безвреднаго удовольствія!*—Мы возвратились къ обѣду въ *Hôtel de Milan*.

Лионъ, Марта . . . 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезианской церкви, и провожатый мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ

чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего стражайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году—неизвѣстно въ какомъ городѣ — погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ затрепеталъ: но черезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и трескъ—гробъ затрясся; свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно, Кельнской уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшился оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ — (Лѣтописи говорятъ, съ шестью)—пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на томъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруно и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь—и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удалаться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, образованную такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда,

когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка*—(ибо чело-вѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое)—чувство недостатка мучить ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и чело-вѣкъ съ первой стени земного творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди цѣркви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо—вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилось душѣ моей. Я вышелъ изъ храма—увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить нельзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушить цѣлые вѣка. Въ нынѣшнія Философскія времена не такъ думаютъ: мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; дажѣ не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдохнуть въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, естли бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолубіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежація нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и

келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мепитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Въмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми воликолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы!—Зданіе не велико, и состоитъ изъ корридоровъ, въ которые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились роскошныя Римляне! (думалъ я)—здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, плѣненный ею красотою, издалека переселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны, и желалъ быть щастливымъ божествомъ источника, водою котораго освѣжалась прелестная!—Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аретузы, а почему, незнаю. Я началъ было хвалить нѣжность мифологическихъ вымысловъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня.— При семъ случаѣ вспомнилъ я также читанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ камешкѣ, лежавшемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бечки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ,* отвѣчалъ онъ—*и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть.*— Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, наставлялъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старыя, говорить онъ, бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ— о политикѣ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ аллеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и—вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ—

кровь несчастныхъ жертвъ обагрила помость храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости.—Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; инныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасалась блѣдными устами къ холодному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась.

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось—танцовщики прыгали, музыканты играли, толпы народа изъявляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля, какая нація!—

Ударило шесть часовъ—театръ былъ наполненъ зрителями; я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочененную Гм. Шенье. Слабый король, правимый своею суевѣрною матерью и чернотушимъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они—не Католики. Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душою драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ чловѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Пэсовъ—и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей, но отовыми сіи *отношенія*, и піеса показалаь бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ трагиковъ: рѣчи предлинныя, и наполнены обветшалыми сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня—та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаеть зрителя. Добродѣтельный Колинъ умираеть за сценою. На театрѣ остается одинъ несчастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то—встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колинъ, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ

двѣсти. *C'est terrible!* (*это ужасно!*) говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной Госпожѣ Ла-Рошъ, сочинительницѣ *Истории двѣицы Штергеймъ* и другихъ романовъ—письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Маттисона и присылаетъ ему копію своей переписки.— Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б* рассказывалъ намъ любопытные анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и потребовалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животному, что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эроты, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Миеологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ—сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Геркулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что-нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ.*— «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ.* — «Есть молоко?» — *Нѣтъ.* — «Есть сыръ?» — *Нѣтъ.* — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ.* Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась — дѣлать было

нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстватаго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой чело-
вѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновой лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *Я не пойду первый*, говорилъ одинъ голосъ — *ни я*, говорилъ другой — *ступай ты*, говорилъ третій — *у тебя ружье; мы можемъ достать его издали*, говорилъ четвертый. Мой Б* не трусь, однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго собираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревянный стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался шопотъ и Датской Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приблизился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей несчастный сѣвъ на нее верхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рьжутъ! друзья! спасите моего старосту!* Но товарищи его стояли на одномъ мѣстѣ, дрожали отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рьжутъ! разбой! разбой!* Б*, видя, что непріатели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелъ

къ нимъ, и спрашивалъ, что они: разбойники, воры или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а всякій кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, наскучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, бросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенской начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что почиталъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги, и трясая за воротъ говорилъ ему: «если ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» Наконецъ староста дрожащимъ и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, который ходитъ всегда съ кортикомъ и собакою, и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разувѣрить его; показалъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ воздухомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ прыгая отъ радости: «слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше иного дня. Пойдемъ, пойдемъ. Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!»—Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ позволенія моего пріятеля надѣлъ на себя кортикъ ¹⁾ и шляпу его, и съ гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался обѣщанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его.—Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне вида начальника своего, идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились выйти на улицу, и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный Господинъ Докторъ, который *инкогнито* странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена

1) Въ нѣмецкой землѣ носить кортики на ремнѣ черезъ плечо.

и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно опасный подвигъ свой.—Б* не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человекъ, сидя съ нимъ за столомъ, спрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ рассказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ кортикомъ и съ собакою, грабитъ проѣзжихъ и прохожихъ, и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ не испугаетъ» — продолжалъ староста, выпивъ рюмки три вина: — «лишь бы попался мнѣ въ руки! — Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня». — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забывъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружески.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ, помните Амандуса, который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту, попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Маровской Принцесы; помните Аманду,

которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, твердить имя его—*Амандусъ! Амандусъ!*—помните, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, отечественномъ ихъ говорѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и—упали мертвые... души ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо!—помните, что нѣжный Стернь, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало быть ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огонь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; примите ихъ отъ чувствительнаго сердца!*—но вы помните и то, что Стерню не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найти его!.. спрашивалъ—но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!—

Кто, будучи здѣсь, не вспомнить еще о другихъ, несчастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ.

Итальянецъ именемъ Фальдони, прекрасный, добрый юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближался тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Итальянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать несчастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рошѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали передъ алтаремъ на

колѣни, и—придѣлили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга,—поцѣловались—и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти—выстрѣлъ раздался—они упали, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась а мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства несчастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоли. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливцами. Они жили въ одномъ мірѣ, подѣ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны—чего болѣе?¹⁾ Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника—и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохладяетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подѣ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подѣ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца—и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ!—Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился

¹⁾ Кто хочетъ, разсѣется.

къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: *qu'en sais-jе? (почему мнѣ знать?)* Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралася на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его... а *la lanterne* (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу—вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: *à la lanterne!* Пономарь кричалъ: *à la lanterne!* *à la lanterne!* Бабы торговли кричали: *à la lanterne!* *à la lanterne!*—Тѣ, которые наиболѣе шумѣли и возбуждали другихъ къ мятежу, были нищіе и празднoлюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы.—Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественнымъ видомъ сказалъ намъ: Около получаса ходить за вами подозрительный человѣкъ: будьте осторожны—вы конечно иностранцы—*savez vous, messieurs!* спасайтесь! Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ *Hôtel de Milan*. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ

своемъ платьѣ. Иныя сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіалку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіалки—можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Лионъ. . . . . 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!.. Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью лундрами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторые изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги*, говорилъ онъ — *твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся.* — *Нѣтъ*, сказалъ я, вставъ со стула и обнявъ съ чувствительностію Беккера — *мы ѣдемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ¹⁾! шумный пѣнистый ключъ, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!.. Луга Прованскіе, гдѣ тимонъ съ размариномъ благоухаютъ! не ступитъ нога моя на вашу цвѣтущую зелень!.. Нимскій храмъ Діаны, огромный амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности! я васъ не увижу²⁾!—Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтійскаго³⁾!

1) Въ 12 верстахъ отъ Авиньона.

2) Въ Нимѣ много новыхъ Римскихъ древностей.

3) Городъ Вьень.

не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей несчастный сидѣлъ въ заключеніи, не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія ¹⁾!—Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю, но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца—я всегда съ удовольствіемъ стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ—не забудьте Маттисона!* Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонь. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около лудора.

Теперь ночь—Беккеръ спитъ—я не могу—сѣжу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество,—къ вамъ, моимъ любезнымъ!

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ—туманъ раздѣлился—лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами—подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась—молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою—другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гете ²⁾, которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло—высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, курить трубку—Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ—я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики: вездѣ прекрасныя деревеньки,

¹⁾ Такъ говорятъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьены.

²⁾ Индѣйская кнѣга.

какихъ не находилъ я въ Германіи, и въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!.. Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ природы всѣ знаки первобытной дикости.

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козь своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.. Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египеть, въ Грецію—и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его!—Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясашь мое сердце унылыми своими пѣнями!

Кто поручится, чтобы сія Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жигелямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ—рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту.

Одно утѣшаетъ меня—то, что съ паденіемъ народовъ не упадетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мес-

сиады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Богѣ писать негдѣ.

Маковъ въ Бурлоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День былъ прекрасный, вечеръ теплой, солнце тихо и великолѣпно скатилось съ голубаго неба, и давно не видалъ я такой розовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Въ полдень пристали мы къ берегу противъ одного небольшого мѣстечка. Тутъ встрѣтили насъ пятнадцать или двадцать трактирщицъ, изъ которыхъ каждая звала къ себѣ въ гости *любезныхъ путешественниковъ*, увѣряя, что у нее прекрасный супъ, прекрасные соусы, прекрасный десертъ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французкой Офицеръ и двое Англичанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ великою благодарностью заплатили хозяйкѣ по 30 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила. Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще краснѣться. Одно семейство застали мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно чистою скатертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо шпинату и кринка молока.— Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки Французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ.—

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны, болѣе всего извѣстевъ онъ по *Mémoires de Trevoux*, анти-философическому, Іезуитскому журналу, который, подобно черной молніеносной тучѣ, металъ страшные перуны на Вольтеровъ и д'Аланбертовъ, и грозилъ попасть священнымъ огнемъ всѣ произведенія ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городъ Маковъ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ трактирѣ и пили самое лучшее

Бургонское вино. Оно густого, и темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россіи называется Бургонскимъ.

Здѣсь ночуемъ, а въ четыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣмся быть завтра послѣ обѣда.

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дня ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экю, но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и притомъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы: дороги прекрасныя; постильоны не лѣнны—города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи—были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому недостойны сожалѣнія; но я не могу спокойно ни обѣдать; ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькій городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святый Лудовикъ подписывалъ на указахъ: *donné en nos desertes de Fontainebleau (дано въ нашей пустынь Фонтенебло)* Тогда не было почти здѣсь ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I одинъ построилъ въ пустынь огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведениями Италіанскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два экю видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею, Франциска I съ ея славными картинами. Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ

жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Шталмейстера и любовника, Маркиза Мональдески.—Въ маскарадной заѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того, онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адвокатъ Парижскаго Парламента, описывая *любовное похождение Королей Французскихъ*, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ „Ступай въ Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ 1670 г.) и вездѣ на стѣнахъ увидишь ты боговъ и богинь, мучицъ и женщинъ, которые посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства. Добродѣтельная супруга Генриха IV истребила многія изъ сихъ картинъ; но чтобы истребить все погубельное, все развратное, надлежитъ предать пламени весь Фонтенебло“.—Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда,—и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна.—Сіи анекдоты, взявъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали—постильйонъ хлопаетъ бичемъ — простите—простите до Парижа.

Парижъ, 27 Марта, 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ—котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о кото-

ромъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ!.. я его вижу, и буду въ немъ!» — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такимъ любопытствомъ, — съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Таниль, противъ насъ Св. Антонія, а на лѣвой сторонѣ за Сеною предмѣстіе Ст. Марсаль, Мишель и Жержень. Эта высокая готическая башня есть древняя церковь Богоматери; сей новый великолѣпный храмъ, котораго архитектуръ вы конечно удивляетесь, есть храмъ Святой Жюневьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hotel Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ Парижскихъ зданій, гдѣ Короли и отечество покоять заслуженныхъ и престарѣлыхъ воиновъ».

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ? — (думалъ я) — «городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно переѣвилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатая лавка. Какое многолюдство! какая нестрота, какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; — безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ водяномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генею*, остановились мы подлѣ Hotel Britannique. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашли двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два лудора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила, *aimables étrangers* — *любезные иностранцы, почтенные ино-*

странцы! Купецъ, спутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой, а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться—заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались со толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились: взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ недалеко отъ Новаго моста на quai des morfondus. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо—письмо отъ моихъ любезныхъ!.. Вообразите радость вашего друга!.. вы здоровы и благополучны!.. Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ—читалъ десять разъ письмо—забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова—душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. *Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть*.—Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень нескладно; хотѣлъ рассказать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась—но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лицо—и обрадовался сердечно—потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ мосту подлѣ монумента—и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрикъ, смотря на насъ, улыбался. Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело—я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли—и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло; наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-Рояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицей Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу

его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сияютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда-нибудь царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!.. И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галереи, и сѣли отдыхать въ каштановой алеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленныя вѣтви, но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой алеи неслись тихіе сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали тѣмъ удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсонымъ островомъ, Арминнымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость...

Парижъ, 2 апрѣля, 1790.

Я въ Парижъ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отнѣннымъ любопытствомъ: на дома, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описанію, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій. —

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. — Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отъѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — на примѣрѣ съ важными Швейцарцами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Парижъ апрѣля... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *лицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютеціею; что имя Парижскихъ жителей, *Parisii*, значить *народъ покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя NB. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и недумали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (Перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста изъ которыхъ вы узнаете, что Па-

рижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ-было въ немъ отъ угара¹⁾? Окружить ли мнѣ себя твореніями Іоанна Готвилья, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бунфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьена, Коллеттета де-ла-Мара, Брисса, Буасса, Праделя, ле-Мера, Монфокона — ослѣпить-ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показать ли вамъ ясно что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмъ созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобныя Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лаисъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями, когда не Мирабо, не Мери удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Ити ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колонады?—Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы читаемъ «Сентъ-Фуа, его *Essaie sur Paris*, и узнаемъ все то, «что ты можешь сказать о древности Парижа; скажи намъ только, каковъ онъ показался тебѣ «въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не «требуемъ.»—И такъ оставляя почтенную старину, оставляя все прошелшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы вѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтранными мельницами, которыя, размахивая сво-

1) «Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, говоритъ онъ, она построена на острову и окружена стѣнами, которыя омываются водами рѣки, приятными для глазъ и вкуса. Зима бываетъ тамъ обыкновенно не очень холодна: но въ мое время морозы были такъ жестоки, что рѣка покрылась льдомъ; жители нагрѣваютъ свои жилища посредствомъ печей; но я не позволилъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ только принести къ себѣ нѣсколько горячихъ угольевъ. Паръ, который отъ нихъ распространился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня, и я упалъ безъ чувства.»

ими крыльями, представляют глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ-нибудь пернатыхъ великановъ, страусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ насъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный бархатный лугъ выѣзжаете въ поля *Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насаженный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевилли*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней и увидите передъ собою густыя алеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою-ли древнихъ алей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ ле-Нотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ поляхъ *Елисейскихъ*; а такъ называемые *мучиіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяны сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки; храмы—красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучитъ множество каретъ—взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало, если назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь естли не хотите переимѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе увидите... тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе,

богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблокъ и салдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ—замете носъ и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣтъ на васъ благоуханіе щастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Прованскихъ: значить, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты—такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ ¹⁾ и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ громадности домовъ; славная *Сент-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы ²⁾, или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставить на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима ³⁾, по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень, прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Трунфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ научился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

1) Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

2) Мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

3) За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакахъ, т. е. извозничьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на козлахъ въ худомъ камзолѣ или въ ветхой панчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ—не лошадей, а лошадиныхъ смелетовъ, которые то дернуть, то стануть—побѣгутъ и опять на съ мѣста. Въ семь экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ алей, называемыхъ *Булеварами*; ихъ три: одна для каретъ, а двѣ для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую олушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (*à la boule*) на зеленой травѣ: отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *буле-варъ*. Сначала, на мѣстѣ алей, былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; деревья посажены гораздо послѣ. Одна часть бульваровъ называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздноствіемъ для занятія праздности—здѣсь Комедія, тутъ Опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшанный зелеными гирляндами; тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочикъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какойнибудь *филляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются намъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибри и страусы, тигры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говорить со вздохомъ: *нечувствительный! жестокий!* Тутъ молодой разтрепанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою, и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ... маршируетъ отрядъ національной гваріи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ ¹⁾.

1) Между великолѣпными домами, къ нимъ примыкающими, замѣтилъ я домъ известнаго Бомарше. Сей человекъ умѣлъ не только странную Комедію вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣчес-

Такъ называемая *новая* часть представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ деревья сѣнисте ален красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ; не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своей женою и дочерью: тутъ по алеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею невѣстою, тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, трудящіеся земледѣльцы; словомъ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція, т. е. Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ); что жъ бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ, и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые сверху до низу наполнены людьми! Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многоядѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію, 1.130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ,—на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ—однакожъ сіи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работники, Савояры, поденщики—и мало-по-малу весь городъ снова оживаетъ.

Теперь хотите ли смотрѣть со мной славнѣйшія зданія въ Парижѣ?—Нѣтъ; оставимъ это до другого времени, вы устали, я также: надобно перемѣнить матерію или—кончить.

каго сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкій свѣтлей человѣкъ, и хитрой придворный и расчетливый купецъ. Теперь вмѣстѣ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаться жизнью. Домъ его смотрять любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячъ ливровъ.

Нынѣшній день я обѣдалъ у Господина Гло**, къ которому было у меня письмо изъ Женевы. Худо не знать обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей. Хозяинъ, послѣ *утренней проулки*, одѣвался въ своею кабинетѣ, а хозяйка занималась *утреннимъ чаепитіемъ*. Минуть черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонтелевой Поэтикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по Англійски, Итальянски, и (подобно Госпожѣ Неккеръ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Дидроты и Мармонтели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Литературѣ, и съ жаромъ, потому что Госпожа Гло** противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. Напримѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье—есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ; но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые всѣ несравненны. Я хвалилъ дю-Пати: она увѣряла, что его въ Парижѣ не читаютъ; что онъ былъ хорошій адвокатъ, но худой Авторъ и наблюдатель. Я хвалилъ Драму Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, естли бы слуга не растворилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о прїездѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ но Риторы не умолкали. Между прочими отличалъ себя одинъ Адвокатъ, который хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чтобы въ 6 мѣсяцевъ заплатить всѣ долги Франціи, умножить втрое доходы ея, обогатить Короля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ... Тутъ Господинъ

Гло** схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ сказалъ: «довольно, довольно, о великодушный человѣкъ!» Я засмѣялся—къ счастью, не одинъ. Впрочемъ Адвокатъ ни мало тѣмъ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, относясь наиболѣе къ Неккерову брату, который обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, и который съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ тѣмъ въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отъ ихъ краснорѣчія не чувствовать въ ней боли.—Подлѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинъ, человѣкъ умный и важный, который, узнавъ, что я Русской, спрашивалъ меня о нашемъ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникъ Боксъ ему пріятель, онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Швейцаріи и Германіи.—Мы встали изъ за-стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Воскресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, отъ брата его *Эмиранта* (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онъ почти слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ, и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чета! Можетъ ли такое супружество быть счастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н*, на Вулкана и Венеру, на мертвый Октябрь и цвѣтушій Май. О природа! въ царствѣ твоёмъ растутъ ли подлѣ снѣговъ розы?—Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ, звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа Н* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на той прекрасной горѣ близъ Нешаателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д'Аланберту, и будетъ жить тамъ счастливо въ объятіяхъ Натуры. Я похвалилъ ея піитическое намѣреніе.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ

черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздух и скрылась за облаками: остался одинъ блѣдный лучъ ея сіянія, который едва сверкаетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большей части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

«Здѣсь» — сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Нопогѣ, и указывая тростью на большіе дома, которые стоятъ нынѣ пустыя — «здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркизы Д* съѣзжались самыя модныя Парижскія Дамы, знатные люди, славнѣйшіе *остроумы* (beaux esprits); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ — тутъ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обоего пола, сравнивали Мабли съ Ж. Жакомъ и сочиняли для новой Утопіи — тамъ, по по Субботамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ; щастливыва времена исчезли; пріятныя ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсыялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человекъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ».

Однакожъ Аббатъ Н* (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*), признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣръ въ домѣ извѣстной Маріоны де Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Ниноны Лангю, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сентъ-Эвремонъ, Саразень, Граммонъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали Аттическую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса. — «Жанъ Ла (или Ласъ), продолжалъ мой Аббатъ, Жанъ Ла несчастною выдумкою Банка погубилъ

и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ торгашей и ростовщиковъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ оттѣнки Французскаго языка истощались въ приятныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили... о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и дома, въ которыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились — Жанъ Ла бѣжалъ въ Италию — но истинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались страшныя игры; молодыя дамы сѣзжались по вечерамъ для того, чтобы разорять другъ друга, метали карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. Потомъ вошли въ моду попугаи и Экономисты, *Академическія интриги* и Энциклопедисты, *каламбурь* и Магнетизмъ, Химія и Драматургія, Метафизика и Политика. Красавицы сдѣлались Авторами, и нашли способъ... усыплять самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Оперѣ, балетахъ говорили мы наконецъ математическими посылками, и числами изъясняли красоты Новой Элоизы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили, и вводили въ языкъ новыя странныя выраженія, которыхъ бы Расинъ и Дебрео понять не могли или не захотѣли — и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнуть отъ скуки, есть ли бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи».

Тутъ мы разстались съ Аббатомъ.

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не рождалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злоуполученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ — но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человечества прольетъ въ память его слезу сердечную. — Королева не смотря на всѣ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодныя вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красу свою.

Марія рождена быть Королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка—все показываетъ необыкновенную душу. Нельзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ сокрывать горестъ свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы.—Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, если бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню.—На Королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на Королевѣ Елисаветѣ и Принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ.—Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой Флоріанъ посвятилъ сказки свои, вела его за руку. Милой младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзолчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣть его, всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любить еще кровь Царскую!

Парижъ, Апрель. . . . 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi. . .
Для любезнаго народа
Щастье добрый Государь?

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ тра-

гедіи, которая играетъ нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрять, судять, спорять плачуть или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріателемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трова.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ, хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними; *vive la nation! да здравствуетъ нація!* Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю, махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation! Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?*—

Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкой, щелкаетъ ее по носу и говорить: *ты Аристократъ великой Аристократъ бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизь, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: *que faire? j'aime les te-te-troubles! что дѣлать? я люблю мятете-тежи!* Маркизь заика.

Но читалъ ли Маркизь исторію Греціи и Рима? помнить ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстыи гробъ для добродѣтели и—самого злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку

Утопія ¹⁾ будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ золотой, и во всякомъ правленіи человекъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственные потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ: въ Его рукѣ сердца Государей—и довольно.

Легкія умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменны, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнью возражали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*

Новые Республиканцы съ порочными сердцами: разверните Плу-тарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *безначалье хуже всякой власти!*

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббатъ Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи:

Gargantua, ch. LVIII.

Enigme et Propnetie.

Je fais sçavoir à qui veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes,
Il sortira une maniere d'hommes,
Las du repos et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Suborner gents de toutes qualitez,
A differends et partialitez,

¹⁾ Или царство щастія сочанемія Моруса.

Et qui voudra les croire et escouter,
 Quoy qu'il en doive advenir et couter.
 Ils feront mettre en debats apparents
 Amys entre eux et les proches parents.
 Le fils hardi ne craindra l'impropere
 De se bander contre son propre pere.
 Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
 De leurs subjects se verront assaillis,
 Et sur ce point naistra tante de meslées,
 Tant de discords, venues et allées,
 Que nulle historie, où sont les grands merveilles,
 N'a fait récit d'émotions pareilles.
 Alors auront non moindre autorité,
 Hommes sans foy, que gents de vedite;
 Car tonts suivront la creance et estude
 De l'ignorante et sottte multitude,
 Dont le plus lourd sera recu dour juge.
 O dommageable et penible deluge!
 Deluge, dis je, et à bonne raison;
 Car ce travail ne perdra sa saison,
 Et n'en sera la terre delivrée,
 Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
 De fiots de sang...

Французской старинный языкъ, можетъ быть, для васъ темень. Я переведу:

«Объявляю всѣмъ, кто хочетъ знать, что не далѣе, какъ въ слѣдующую зиму, увидимъ во Франціи злодѣевъ, которые явно будутъ развращать людей всякаго состоянія, и поссорять друзей съ друзьями, родныхъ съ родными. Дерзкой сынъ не побоятся возстать противъ отца своего, и рабъ противъ господина, такъ, что въ самой чудесной Исторіи не найдемъ примѣровъ подобнаго раздора, волненія и мятежа. Тогда нечестивые, вѣроломные сравняются властію съ добрыми; тогда глупая чернь будетъ давать законы, и безсмысленные сядутъ на мѣсто судей. О страшный, гибельный потопъ! *потопъ*, говорю: ибо земля освободится отъ сего бѣдствія не иначе, какъ *упившись кровію*.

Парижъ, Апрѣля...

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и въ Субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ аллеяхъ Булонскаго лѣсу,

бывало: потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячъ каретъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ, и видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское 1 Мая. Также карета за каретою, отъ Елисейскихъ полей до монастыря Longchamp. Народъ стоялъ въ два ряда подлѣ дороги, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся непристойнымъ образомъ надъ гуляющими. Напримѣръ: «Смотрите! вотъ ѣдетъ <торговка изъ рыбного ряда съ своею сосѣдкою, <башмачницею! Вотъ красный носъ, самый длинный во всемъ <Парижѣ! Вотъ молодая кокетка въ 70 лѣтъ: влюбляется! Вотъ <Кавалеръ Св. Людовика съ молодою женою и съ рогами! Вотъ <Философъ, который продаетъ свой умъ за двѣ копѣйки!»— Молодые франты прыгали на Англійскихъ коняхъ, заглядывали въ каждую карету и дразнили черны: *allons, allons mes amis de l'esprit, d'esprit Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne!* Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными, деревянными саблями вмѣсто тростей, *pour se confondre avec le peuple.* — Прежде болѣе всего отличались тутъ славныя жрицы Венерыны; онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ. Одна молодая Актриса разорвала связь свою съ графомъ Д*, прекраснымъ мужчиною. Ея знакомыя удивлялись. „Чему дивиться?“ сказала имъ Актриса: „онъ чудовище, извергъ: онъ не хотѣлъ подарить мнѣ новой кареты для Булонскаго гулянья. Я должна была предпочесть ему стараго Маркиза, который заложилъ все брилліанты жены своей, чтобы купить мнѣ самую дорогую карету въ Парижѣ!“

Я прошелъ въ монастырь Longchamp, видѣлъ гробницы Изабеллы, сестры Людовика Святого, и двѣ остроумныя надписи подъ монументомъ отца Фремениа и брата Франциска Серафима.

Первая:

Fremin, tu fais fremir le sort,
Et ton nom vit malgre la mort.

Другая: Qui la vie a vecu de François Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique

Парижъ, Апрель 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ съ головою болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf¹⁾, и облокотясь на подножіе Генриковой статуи, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ всё вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ немиловидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяць быть всякой день въ спектакляхъ! быть и не насытитесь ни смѣхомъ Талія, ни слезами Мельмолены!.. и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!.. Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждой въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всё части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ Театровъ: большая опера, такъ называемый Французской Театръ (les François), Итальянской (les Italiens), Графа Прованскаго (theâtre de Monsieur) и Variétés—всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы—то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ; гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно восхитительно—то мрачный Тартаръ, гдѣ вздохи

1) Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стenanіемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылають; гдѣ Танталъ, Иксионъ и Данаиды вѣчно страдаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзають Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молнію на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакивають смерть добродѣтельнаго Царя своего, и какъ горестная Нефта надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно боготворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таетъ въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсыянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміана, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможные очарованія, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы—одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе—оказываютъ ему съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладострастнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты мудрости, и... сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: летитъ вмѣстѣ съ душою зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ бывался, и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорации. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты разцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкають, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сияетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь—все соединяется вмѣстѣ, и еслии можно быть Риторомъ безъ словъ, то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говорить ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положить кисть, и скажетъ только: «Вестрисъ!» — Гардель неподобенъ въ трагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Вестрисъ питомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ—Нивлонъ есть второй Вестрисъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную группу живописныхъ фигуръ пѣвнтельную для зрѣнія. — Когда же являются на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ теряется между разнообразными красотоми—но любезная Переньйонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лиліѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лансъ, Шенаръ, Лене, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и еслии вѣрить Французамъ, то никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они нравятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самую игрою: два таланта, котрые не всегда бываютъ вмѣстѣ! Маркези никогда не могъ тронуть меня такъ, какъ Лансъ и Шенаръ трогаютъ. Пусть смѣются надъ моею простотою и невѣжествомъ; но въ голосѣ сего славнаго Италіанскаго пѣвца нѣтъ того, что для меня всего любезнѣе—нѣтъ души! Вы спросите, что я разумѣю подъ сею душою? Не умѣю изъяснить; однакожъ чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть такъ хорошо:

J'ai perdu mon Eurydice:
Rien n'égale mon malheur!

какой Итальянской получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глюкову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слышали о Сент-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители оперы вспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ.— Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бываютъ наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи.—Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры*—простите мнѣ священные тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*: вездѣ Греки и Римляне à la Française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтъ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣсь публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers a retenir*; они прославляютъ

песю, и для того стихотворцы стараются всячески умножать их число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою*).

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но естия Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій—и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ пьесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непременно должны быть играны, то по край-

*) Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнель или въ Расинѣ что набудъ подобное—на примѣръ сиихъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе—скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

Blow winds ., rage, blow!
 You sulph'rous and thought executing fires,
 Vaunt couriets of oak-cleaving thnuder-bolts,
 Singe my whlse hed! And thou allshaking thunder,
 Strike fiat the thuk rotunbity o'th' world;
 Crack nature 's mould, all gertmins spill at once,
 That make ingrateful man!

I tax not you elements, with unkindness!
 I never gave you kingbom, call'b you echildren,
 . . . Then let fall
 Your horrible pleasure!.. Here I stand, your slave,
 A pour, infirm, weak and despis'd old man!

(«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ! лейте пламя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе мира сокрушите образъ природы и человѣка, неблагодарнаго чловѣка!.. Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разъяренныя стихів! Я не отдалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разите—се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, отверженный, отъ чловѣчества!»)

Они раздираютъ душу, они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: *какой характеръ, какою душу имѣлъ Леаръ?*

ней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ Ла-Ривъ, Сень-При, Сень-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сенваль, Рукоръ, и проч., которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Беня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламация! Вотъ *дѣйствіе!* Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, всякая Поэтова мысль отгѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины—и если зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ла-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ!—Сей актеръ совсѣмъ-было простился съ театромъ. Рассказываютъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсень (которую можно назвать живымъ образомъ слабой томности), старался всячески замѣшивать ее въ игрѣ. Публика съ неудовольствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный Ла-Ривъ былъ освистанъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся, и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но—гдѣ клятва, тутъ и преступленіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ быть щастливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, остави всѣ сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ роли Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное стеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ—самый оркестръ наполненъ былъ зрителями, которымъ музыканты уступили свои мѣста. Въ пять часовъ начался стукъ и топотъ ветерпѣнія; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ—и все утихло. Первое явленіе—Эдипа нѣтъ—молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: *Oedipe en ces lieux va paraître*, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ Ла Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смирненнымъ наклоненіемъ головы изъясилъ публикѣ благодарную свою чувствительность.—Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди.

Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не устали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ и страшнымъ образомъ пределинаетъ судьбу ¹⁾, я почти оцѣпенѣлъ. Никакая кисть не изобразить того, что свирѣпствовало на лицѣ Ла-Рива въ сію минуту: ужасъ, грызеніе сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразить словами. Зрители ахнули, когда онъ, терзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о перистиль, такъ что всѣ колонны задрожали. — Вдали слышны были его стenanія. — Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи пьесы вызвала бѣдваго Ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и готовъ былъ упасть на землю—занавѣсъ опустился.

Сен-При играетъ однѣ роли съ Ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но не Ла-Ривъ. — Сен-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный чловѣкъ пріятнаго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ* онъ восхищаетъ публику. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совершенно доволенъ былъ игрою сего актера. На примѣръ, описывая Королю сраженіе съ Маврами, излишно старался онъ выразить въ голосѣ своемъ—сперва тишину ночи, а потомъ шумъ битвы, стукъ мечей и проч. Французы хлопали, но тѣ, которые размышляли о правилахъ истиной мимики, не

1) Въ слѣдующихъ стихахъ.

Un Dieu plus fort que moi m'entraînait vers le crime,
 Sous mes pas fugitifs il creusait un abîme,
 Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
 D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument.
 Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
 Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
 Et vous m'en punissez?.. Où suis je? quelle nuit
 Couvrir d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
 Ces murs sont teints de sang; je vois les Euménides
 Secouer leur flambeaux vengeurs des patricides.
 Le tonnerre en éclats semble fondre sur moi;
 L'enfer s'ouvre...

могутъ любить такого неестественнаго подражанія. — Сен-Валь, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и немиловидна для роли любовницъ, однакожь нравится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры. — Рокуръ есть совершенная Медея, и потому въ сей ролю она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло, всѣ черты лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердый и пронизательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантия, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разительно сіи слова:

Le destin de Médée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Кюнта — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театралною игрою — представляетъ роли любовницъ въ комедіяхъ и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и партеръ наполненъ ея обожателями, щастливыми и несчастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Картезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой піесѣ *Le Souvent*. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія... ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю твоему сумасшествію! — Зрители всегда заставляютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

L'attrait qui fait cherir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.

Несказанно-пріятный голосъ! — Но никто изъ актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, неравненный Моле, играющій по большей части ролю отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескье*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородный видъ, такую улыбку доброду-

шія, человѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Автору безсмертной книги о *законахъ* ¹⁾!

Я не буду говорить о другихъ комическихъ актерахъ сего Театра: ихъ много.—Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большей части или скучны или грубы, неблагопрістойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ недостойны вниманія.

Такъ называемый Италіанской театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ съ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ полюбилися двѣ новыя мелодрамы, играемыя на сѣмъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и Петръ Великій. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрално. Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее страстно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца—а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавиць, дары щастія. Богатство Раулево ослѣпляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки... какое великолѣпіе! какой вкусъ! Болѣе всего нравится ей прекрасный головной уборъ, осыпанный бриліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу... и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суетности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ не вѣрной груди; иногда, но очень рѣдко, кажется ей, что съ добрымъ, пламен-

¹⁾ То есть, въ сей драмѣ Моле представляеть благодѣтельнаго Монтескье.

нымъ Вержи была бы она счастливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ.—Скоро Рауль ѣдетъ—не извѣстно куда—и прощаясь съ красавицею, отдастъ ей ключъ отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моею погибели, говоритъ онъ: встьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется—въ чемъ иногда не клянутся милыя женщины?—клянется, и черезъ двѣ минуты... отпираетъ дверь... Вообразите ужась ея!.. Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *вотъ доля твоя!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубить его; для того онъ испытывалъ супругъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость надѣясь спасти тѣмъ собственную жизнь)—Дюгазонъ представляетъ Розалію. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на креслы, и поетъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare
Me prepare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розалииной сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множества непріятелей. Одно средство остается: увѣдомить обо всемъ Розалина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ.—Между тѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розаліи готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его—нѣтъ избавленія! Тщетно любовникъ смотритъ въ поле, нетерпѣливо ожидая помощи—

Рѣки тамъ вѣсь сверкаютъ;
Солнца ясные лучи
Всю природу озлащаютъ;
Но булатные мечи
Не сияютъ, не сверкаютъ.

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалію! Наконецъ отчаянный Вержи сказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина; что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ темницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго

удара; острый меч блистаетъ надъ ея головою... но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воинновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни... занавѣсъ опускается.—Гретри сочиняла музыку: она прекрасна.

Въ мелодрамѣ Петръ Великій есть очень трогательныя сцены; по крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ не далеко отъ границъ Россіи.—Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится карабельному искусству, и всякой день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его обыкновеннымъ работникомъ, и называютъ добрымъ, смышленнымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишу играетъ эту роль: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствовать обмана—хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Екатерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей страсть свою. Катерина обожаетъ Петра; никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ*: слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято. Ле-Фортъ оставшись на единѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ супругою моего Императора! Но ты во всѣхъ своихъ дѣлахъ безпримѣренъ; ты великъ духомъ своимъ; хочешь возвысить въ отечествѣ нашемъ санъ человѣка, и презираешь суетную надменность людей; одно душевное благородство достойно уваженія въ глазахъ твоихъ; Катерина благородна душею—и такъ да будетъ она супругою моего Государя, моего отца и друга!» Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ новѣстѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей

благополучія. Молодые дѣвушки приносятъ розовые вѣнки, украшаютъ ими любезную чету, и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ! говорятъ старцы: люби всегда милую Катерину, и будь другомъ нашей деревни!» Государь тронуть до глубины сердца. «Вотъ другая блаженная минута въ жизни моей!» тихо говоритъ онъ ле-Форту; «первою наслаждался я тогда, когда рѣшился въ душѣ своей быть отцомъ и просвѣтителемъ миліоновъ людей, и далъ въ томъ клятву Всевышнему»—Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и щастливы! Старики знаютъ, что ле-Фортъ имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какую нибудь старинную пѣсню; онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любить Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ;
Санъ и пышность забываетъ—
Тронъ, порфиру остовляетъ.—

Царь какъ странникъ въ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему—держава,
Всѣ опасности—забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему сяняться,—
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,

Чады в подданных прославить
И въ *искусствъ* жить наставить.

О Великій Государь!
Первый, первый въ свѣтъ Царь!—
Всю вселенную пройдете,
Но другого не найдете.

Ле-Форть забылъ конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее; только не хотять вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтъ такой Государь. Катерина болѣе всѣхъ тронута; въ черныхъ глазахъ ея блистають слезы. «Нѣтъ, говорить она ле-Форту: нѣтъ, ты насъ не обманываешь; пѣсня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразите чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе перемѣняется. Приѣзжаетъ Меншиковъ, вызываетъ Императора и сказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что злоумышленники развѣвають вездѣ пламя бунта; что ему непременно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не страшится мятежниковъ — одинъ величественный, свѣтлый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшитъ явиться глазамъ любезной своей Гвардіи. Нѣжная Катерина ждетъ друга, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!*... сіи слова умирають на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ передъ нею, уже не въ платьѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Катерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ, говорить онъ, которое любило бы во мнѣ не Императора, но человека: вотъ оно!» — (обнимая Катерину) — «сердце и рука моя твои; прими же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее». — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ своимъ въ бѣдной хижинѣ; но Петръ и на тронѣ милъ душѣ ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на

сцену—радостныя восклицанія гремятъ въ воздухѣ—восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу—занавѣсъ опускается. Я отираю слезы свои—и радуюсь, что я Русской. Авторъ пьесы есть Г. Бульи.—Жаль только, что Французы нарядили Государя, Меншикова и ле Форта въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и Офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

На Театрѣ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большей части Итальянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія пьесы. Говорятъ, что въ Итали нѣтъ и не бывало подобной труппы: рѣдкіе таланты! Гж. Балетти есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красотою, но и безпорочнымъ поведеніемъ. Парижская актриса и добродѣтель: чудная связь! и потому Английскіе Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ.—Изъ пѣвцевъ славнѣйшіе Раффанелли, Мандини и Виганони.

Новый театръ des Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ Театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая авансцена!—Тамъ представляются комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Монвель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, второй ле-Кенъ, играетъ нынѣ въ Varietés. Онъ старъ, не имѣетъ ни голоса, ни фигуры; но всѣ сіи недостатки замѣняетъ искусствомъ и живостію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнуть и воспаляются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле — вотъ три актера, которые, можетъ быть, во всей Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти Театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на *бульварахъ*, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствій и разсѣянія, самые бѣдные ремесленники, Савояры, разношники, почи-

таютъ за необходимость быть въ Театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшаютъ судьбу пьесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженіе актера. *A force de forger on devient forgeron*—и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большей части бывають наполнены людьми низкаго состоянія. Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на Бирже, Нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, Французъ въ Театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но какъ Французамъ жить и 14 дней безъ публичныхъ веселій? Тогда всякой вечеръ въ оперномъ домѣ бываетъ духовный концертъ, *concert spirituel*, гдѣ лучшіе Virtuozы на разныхъ инструментахъ показываютъ свое искусство, и гдѣ провелъ я нѣсколько весьма приятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову *Stabat Mater*, Иомелліево *Miserere*,—и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами—я не отиралъ ихъ—я ихъ не чувствовалъ.—Небесная музыка! наслаждаясь тобою возвышаюсь духомъ, и не завидую Ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сіи вѣжные звуки, вѣющіе какъ Зефиръ, на сердце мое, могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа?—Но ничто въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный *дуэтъ* Дайса и Руссо. Они пѣли— оркестръ молчалъ—слушатели едва дышали... несравненно!

Парижъ, Апрѣля...

Отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснить сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, въ которыхъ вся душа моя сжимается и хладѣетъ?.. Не уже ли сія тоска есть предчувствіе отдаленныхъ бѣдствій? Не уже ли она есть не что иное, какъ за-

датокъ тѣхъ горестей, которыми Судьба намѣрена посѣтить меня въ будущемъ?..

Часовъ шесть бродилъ я по окрестностямъ Парижа, въ самомъ грустномъ расположеніи духа; пришелъ въ Булонскій лѣсъ и увидѣлъ передъ собою готическій замокъ Мадритъ, построенный въ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы аго заросли высокою травою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всѣми пріятностями любви и роскоши ¹⁾; гдѣ нѣжные звуки арфы и гитаръ усыпляли его въ объятіяхъ богини сладострастія; тамъ нынѣ пустота и молчаніе царствуютъ... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце катилось къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, развѣвается хладная польнь; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепель злощастную Семелею... Въ первой, второй, третьей залѣ всю пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзбою и живописью, услышалъ я тяжелый вздохъ... осмотрѣлся кругомъ и... представьте себѣ мое удивленіе!.. въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго каминна, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ!*.. Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, собираетъ милостыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадритѣ.— Никто не тревожитъ тебя здѣсь? спросилъ я.— «Кому тревожить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзиратель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я рассказала ему свою исторію, исторію моей дочери — онъ заплакалъ—далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ. Добрый человекъ!» — У тебя есть дочь?— «Была, была; теперь она тамъ,

1) Сей замокъ построенъ Францискомъ I по возвращеніи его изъ Гипшаніи.

выше замка Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрѣе. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мушцины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попросить, и всякой готовъ ждать. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!» — У тебя нѣтъ родни? — «Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скучать собою. Слава Богу! нашла пристанище. Знаешь ли, что здѣсь живаль Король Франсуа? я заступила его мѣсто. Иногда по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о старинѣ». — И тебѣ здѣсь не страшно? — «Страшно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться». — Что же будетъ съ тобою, добрая старушка, когда ты занеможешь, когда ноги твои отъ старости... «Что будетъ? Я умру—меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ». — Мы замолчали... Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое тихими своими лучами освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли несчастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ,—можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашу красоту, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится; всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!..

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки—и возвратился въ Парижъ.

Парижъ, Маія...

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заставили бы его мучиться. Извините, есть ли это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а есть ли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, нельзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости... Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сирень множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно—и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *Отелл*¹⁾; поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, говоруна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, о Гальи и Лафаетъ, намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самую бѣлою, легкою пудрою, а тамъ, надѣвъ чистой, простой фракъ, *бродить* по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и картины, — къ Дидоту, любоваться его прекрасными издавіями классическихъ Авторъ, обѣдать у Ресторатера²⁾, гдѣ подадутъ вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на чаesy, и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ кабую нибудь церковь, украшенную монументами, или галерею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи, плѣняться гармонією, балетомъ, смѣяться, плакать и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душою отдыхать въ Пале-Рояль, въ *Café de Valois, de Caveau*, за чашкою *беварауза*³⁾; взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, алей въ саду; вслушиваться иногда въ то, что говорятъ тамошніе глубокіе Политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постелю, и (чѣмъ обыкновенно кончится и день и жизнь) заснуть глубокимъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

1) *Hôtel* есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

2) Ресторатѣрами называются въ Парижѣ лучшіе трактирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ роспись всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столѣикѣ.

3) Ароматическій сиропъ съ часмъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Лувръ. Прежде былъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили потомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной темницѣ, заключались возмутители, ослушные Бароны, которые часто возставали противъ своихъ Королей. Францискъ I, страстный охотникъ воевать, плѣнять красавицъ и строить великолѣпныя замки, разрушивъ до основанія готическія башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но не обитаемый до временъ Карла IX. Лудовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарились Искусства, Науки—и Лувръ, по его мановенію, увѣнчался великолѣпною своею колонадою, лучшимъ произведеніемъ Французской Архитектуры и тѣмъ болѣе удивительною, что строилъ ее не славный зодчій, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сатирахъ. Не лзя взглянуть безъ какого-то глубокаго почтенія на ея перистили, портики, фронтоны, пиластры, столпы, которыми вмѣсто крова служить терраса съ прекраснымъ балюстрадомъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ воротъ, смотрю и думаю: „Сколько тысячелѣтій мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетеніемъ гибкихъ вѣтвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человекъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но какъ они многообразны и безконечны!“—Лудовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалю, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи ¹⁾; тутъ жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Лудовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, нельзя не вспомнить о снѣжномъ обелискѣ, которой въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Сти-

¹⁾ Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюнневы картины: сраженія Александра Великаго.

хотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

Мы дѣлаемъ царю и другу своему,
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему
Чѣмъ мраморъ драгоценный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморный обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: „Вотъ памятникъ благодарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!“

Тюльери. Имя произошло отъ *tuile*, т. е. черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериною Медицею; состоитъ изъ пяти павильоновъ съ четырьмя *корде-де-ложи*; украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Людовика XIV. Видъ зданія не величественъ, но пріятенъ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадю Тюльерійскій садъ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми аллеями, сквозь которыя вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантияхъ, съ распущенными волосами; вторыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутреннія комнаты — я за ними — изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы господа? за чѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть*, отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшенія комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи гротески бронзовые камины. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министрами, придворными и ста-

рыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ и тихонько говорящихъ между собою, «думалъ я: «Они вѣрно говорятъ о несчастномъ состояніи Франціи и будущихъ ея возможныхъ бѣдствіяхъ!» — Второй Сынъ Герцога Орлеанскаго игралъ въ бильярдъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдственно не похожа на душу отца его. — Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галлерей, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ быть Королевскій Музеумъ, или собраніе картинъ, статуй древностей, развѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

Люксанбургъ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Марією Медицисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властолюбивою, но рожденною безъ всякаго таланта властвовать; которая, бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, заступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы расточить плоды Сюллиевой бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришелье и быть жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ милліонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленія голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанія; но тутъ славная галлерейя Рубенса, въ которой сей Нидерландскій Рафаэль истощилъ всю силу искусства и генія своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марію со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ.

Марія, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокіе слѣды страданія, томность, изнеможеніе, блѣдная роза красоты; радость быть матерію Дофина; чувство, что вся Франція ожидала сей минуты съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея щастливое разрѣшеніе отъ бремени; нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Генрихъ вездѣ *для нея*. Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи: онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставляетъ меня любить Марію.— Между аллегорическими фигурами примѣтилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галерею, сказалъ: «Не дивитесь повторенію: это лице Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея *любовникомъ-супругомъ*, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену.» Я люблю тѣхъ, которые любятъ умѣли; и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксамбургской былъ нѣкогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторовъ, которые въ густыхъ и темныхъ его аллеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ; туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ рѣмъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребальйонъ воображалъ себя злобнымъ Атреемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ; многія алеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревьевъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канавѣ, читаю книгу. Люксамбургъ недалеко отъ улицы Генега, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною третьяго дни въ Люксамбургскомъ саду, рассказалъ мнѣ забавный случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чтобы видѣть воз-

душное путешествіе Аббата Міолана, объявленное через газеты. Ждутъ два, три часа; шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется экспериментъ? Аббать отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, а шаръ ни съ мѣста. Народъ теряетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояра кричатъ: «Кому надобно изображенія славнаго путешествія, щастливо совершеннаго славнымъ аббатомъ Міоланомъ, — за копѣйку, за копѣйку!» Аббать послѣ того умеръ гражданскою смертію, то есть, не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, скоро послѣ Міолана бѣдствія, былъ въ партерѣ Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокій человѣкъ, Аббать, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонитесь, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста.» Гигантъ не слушаетъ, не трогается; смотритъ и не даетъ другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который стоялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббата?» *Ахъ ради Бога! естьли можете.* — «Могу» — и тотчасъ началъ шептать на ухо всѣмъ, стоявшимъ вокругъ его: «вотъ Аббать Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десять голосовъ повторили: «вотъ Аббать Міоланъ!» Черезъ минуту весь партеръ закричалъ: «вотъ Аббать!» и всѣ указывали пальцомъ на высокаго человѣка, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: «Государи мои! я не Аббать Міоланъ!» Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ: «вотъ Аббать Міоланъ!» такъ, что высокому человѣку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ преступнику бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъяснялъ благородность молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: «вотъ Аббать Міоланъ!»

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

Пале-Рояль называется *сердцемъ, душою, мозгомъ, извлеченіемъ Парижа*. Ришелье строилъ и подарилъ его Людовику XIII, написавъ надъ Воротами: Palais Cardinal! Эта надпись мно-

гимъ не полюбилась; одни называли ее гордою, другіе безмысленной, доказывая, что по-Французски не лъзя сказать, Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришелье; писали, судились передъ публикою, и славный *щеголь* Французскаго языка (разумеется, по тогдашнему времени) Бальзакъ игралъ отличную ролю въ семъ важномъ преніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышляютъ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила споръ, велѣвъ стереть Cardinal, и написать Royal, Людовикъ XIV воспитывался въ Пале-Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадратнаго замка, который безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, въ которомъ соединены всѣ Ордена Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ отличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейныя дома, трактиры, лавки; тутъ богатые иностранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящія первоклассныя Нимфы; тутъ гнѣздятся и самыя презрительныя. Все, что можно найти въ Парижѣ (а чего въ Парижѣ найти не лъзя?) есть въ Пале-Рояль. Тебѣ надобенъ модный Фракъ: поди туда и надѣнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезъ нѣсколько минутъ были украшены великолѣпно: поди туда, и все готово. Желалешь имѣть картины, эстампы лучшихъ мастеровъ, въ рамахъ за стеклами: поди туда и выбирай. Разныя драгоценныя вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдругъ очутишься въ кабинетѣ твоемъ отборная бібліотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и естли угодно цѣлующую Лаису, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны всѣ лекарства отъ скуки и всѣ сладкія травы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, всѣ средства выманывать деньги и мучить безденежныхъ, всѣ способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долго-

лѣтнюю, провести въ Пале-Рояль какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ еще недавно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, тѣнистыхъ деревь, которыя прежде тутъ были вырублены немилосерднымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ алей. „Теперь, говорятъ недовольные, одно дерево кличетъ другое, и ни которое воробья не укроетъ; а прежде то ли дѣло?—Въ іюль мѣсяцѣ, въ самой жаркой день наслаждались мы здѣсь прохладою, какъ въ самомъ дремучемъ, дикомъ лѣсу. Славное *Краковское дерево* (*arbre de Сласовіе*) какъ царь возвышалось между другими; въ непроницаемой тѣни его собирались наши старые Политики, и сидя кругомъ, за чашею лимонада, на деревянномъ канапѣ, сообщали другъ другу *газетныя тайны*, глубокія знанія, остроумныя догадки. Молодые люди приходили слушать ихъ, чтобы послѣ въ своимъ родственникамъ въ провинціяхъ написать: *Такой-то Король скоро объявитъ войну такому-то Государю. Новость несомнительная! Мы слышали ее подъ вѣтвями Краковского дерева.* Тутъ, кто не пощадилъ его, пощадить ли какую нибудь святыню? Герцогъ Орлеанскій запишетъ имя свое въ исторію какъ Геростратъ: Геній его есть злой духъ разрушенія“.

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильоны вокругъ бессеина и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный параллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Ионическими колоннами и зеленью, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія великихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ самъ низенькою бесѣдкою съ портиками; войдите, и увидите внизу, подъ вашими ногами, великолѣпныя залы, галереи, манежъ; можете сойти туда по любому крыльцу, и вы будете въ гостяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ: свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ, въ блестящихъ зеркалахъ, повторяются видимые вами предметы. Въ залахъ бывають всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внутренности Сирка еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ сколько бы брилліантовъ

не сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни которая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играютъ роли знатныхъ госпожъ. Тутъ же и славные Парижскіе фейхтмейстеры показываютъ свое искусство, которому я нѣсколько разъ удивлялся.—Изъ комнатъ Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ прїѣзжать туда верхомъ или въ коляскѣ. Прекрасная терраса, усыпанная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши туда, гуляете среди цвѣтниковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минуту сподите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ прїятностію думаете: «тысячи людей шумятъ и движутся теперь надъ моею головою.»

Вся нижняя часть Пале-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 картинами, которые будучи освѣщены реферберами представляютъ ночью блестящую иллюминацію.

Комнаты, занимаемыя фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерей, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мои, прїятной ночи.

Парижъ, Маія... 1790.

Нынѣшній день молодой Скнеъ К*, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартеlemi-Платона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русской: читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія!»—Онъ всталъ съ кресель, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня

о своимъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю стверзь, и герой, мною избранный, вамъ не чужой.* — «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса ¹⁾» — *Вы молоды путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* — «Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образоватъ вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ» — *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музы наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, comme de raison; извините; мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ.* — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартеlemi сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человекъ, да столько же зрителей — не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертация Аббата Бартеlemi, въ которой дѣло шло о медаляхъ Ионаановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартеlemi. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой съ пронизательнымъ взоромъ, съ тонкою Аѣнскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лице наше. Бартеlemi чувствовалъ въ жизни только одну страсть: любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*, имѣлъ счастье доказать великодушную свою привязанность къ изгнанному Министру Шуазелю, и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и

¹⁾ Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѣны, нашелъ Платона въ Академіи Il me recut, говорить молодой Сявъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du Philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2 ch VII.

супругъ его, подъ именемъ Арсама и Федими, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и трогательно, говоря: «Сколько разъ имя ваше готово было изъ глубины моего сердца излиться на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно предо мною, когда мнѣ надлежало описывать какое нибудь великое свойство души, благодаренія, признательность! Вы имѣете право на сію книгу: я сочинялъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, которыя всего болѣе украшались вами; и хотя кончилъ оную далеко отъ Персіи, но въ глазахъ вашихъ; ибо воспоминаніе минутъ, съ вами проведенныхъ, никогда не можетъ загладиться. Оно составитъ щастіе остальныхъ дней моихъ; а по смерти желаю единственно того, чтобы гробъ моемъ глубоко вырѣзали слова: *Онъ заслужилъ благодарность Арсама и Федимы*».

Тутъ же узналъ я Лелека, Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны; соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ—свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ—свой Кромвель; Годуновъ—и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества: его-то надобно представить въ живописи; а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки

Рафаэль или Микель Анджело.— Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо; рассказываетъ довольно складно, судить довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогу правильный, логическій, но не быстрый. Въ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (есть ли посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха) *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples*¹⁾. Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всё они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бѣ было Русскимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? «Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?» Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... «Но въ немъ теплѣ!» ... У насъ есть шубы... «Зачѣмъ же имъ имѣть два платья?» ... Затѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ наулицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жарѣ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ

¹⁾ То есть: «Его, можетъ быть, по справедливости не хотая назвать великимъ умомъ! ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ».

и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія *Гереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физиогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размысленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ вышшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе *Il est probable, говорить Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont*; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ. Слѣд-

ственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣ Михайловичѣ жили многіе инстранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сочиненіе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо, и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Написей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣтилъ то же что, нѣсколько разъ замѣчалъ въ Спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно счастливое выраженіе не укрывается отъ тонкаго вкуса здѣшней Публики — *bravo!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенции*, иногда самыя обыкновенныя. Напримѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему. Авторъ сказалъ: «Вотъ доказательство, что нѣжныя души предпочитаютъ тихое удовольствіе совѣсти шумнымъ успѣхамъ честолюбія» и всѣ слушатели захопали. — Засѣданіе кончилось предложеніемъ чадачь для антиваріевъ. Надобно было познакомиться съ Гм. Левекомъ и сказать ему комплиментъ на счетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, у которыхъ онъ по своей благосклонности не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартеlemi подарилъ меня еще двумя учтивыми фразами, и мы разстались какъ знакомые.

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій, умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о счастливыхъ временахъ Французской Литературы, ко-

которыя прошли и не возвратятся! Въѣзъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа законовъ, не уступаетъ вѣку Расина, Буало, Ла-Фонтена; и въ домѣ Г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха, шутили столь-же остроумно, какъ въ домѣ Ниноны Ланкло. Физиогномія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ Обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть самымъ грубымъ челоуѣкомъ! Какъ врали могутъ быть нахальны! — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живетъ съ нею счастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ.—Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій Трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также Членомъ Академіи.—Мерсье и Флоріанъ въ Парижъ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ, Майя...

Бывшая актриса Дервье, актриса посредственная, но престелница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ милліоны, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотреть всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П* мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блеститъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго*; и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Пройдя комнату пять, вошли мы во святилище—въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геркулеса, стоящаго на ко-

лѣннхъ передъ Омфалою; пять или шесть Эротовъ, ѣдущихъ верхомъ на его палицѣ; Армиду, которая смотрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красотою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру, которая, снявъ съ себя поясъ, подаетъ его... не видно кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза ищутъ... догадайтесь, чего. Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть искусственными розами безъ терній, возвышается на нѣсколькихъ ступеняхъ; тутъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонять колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ сдѣланъ мраморный бассейнъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ тактъ полоскаться. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ всѣ тропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ деревья осѣняя благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописныя; кажется, будто всякая трава и всякой листокъ выбраны изъ тысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гроту, гдѣ читаете надпись: *Искусство ведетъ къ Naturѣ; она дружески подаетъ ему руку*; а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію*. Молодой англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись сказалъ: grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux!—Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожъ не имѣютъ очаровательности перваго. Я любопытствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепашковой гребень. Зеленый тафтяный занавѣсъ отдѣлялъ отъ насъ славную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его.

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

Академіи.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Приятная мысль быть участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ, соревновеніе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе окривляютъ разумъ человѣческой. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришелье для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертіе!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знатные! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя, ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое дѣло и мѣсто*, есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа-сорокъ*, *messieurs les quarante* ¹⁾, наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ Членовъ потребовалъ для себя кресла: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose*. Главный плодъ сего Академическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія!* На примѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала ²⁾. Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало;

1) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

2) Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего, но чрезмѣрная лѣнь, какъ связываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

въ угожденіе своему основателю Ришелье доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сиду. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ *Журналъ для критики и словесности*: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ писателей? Однакожь польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ пьесъ написано для славы быть Членомъ Академіи или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворца и краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторъвъ обрабатывать ихъ, въ день Св. Людовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается для чего Ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Дорать и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды; есть публика, есть потомство. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *Писатели*, а *марателы* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторъвъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ которыхъ сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка *messieurs les quarante ont de l'esprit comme quatre* и забавная эпитафія.

Ci-git Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ заглѣ ея, между многими изображеніями Славныхъ Авторъвъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Людовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономією, Математикою, Химією, стараясь *открывать новое*, или *доводить до совершенства* извѣстно по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ онъ большой томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣй-

шую Исторію Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій Ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца ¹⁾ можно будетъ вырѣзать на его гробѣ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
 Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различать,
 Мудрецъ на небо преселился,
 Чтось къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математикъ, Астрономіи, и въ шутку называетъ Уранією; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде.—Лавуазе есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Откупщикомъ, также любилъ Науки и благотѣльность; но Философія послѣдняго не стоитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Блапрота. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, вида, какъ Науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и

¹⁾ Смот. Діогена Лаэртія въ жизни Талеса.

югъ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло!— Слава Лавуазьерова пристрастила многихъ здѣшнихъ Дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ снмъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердець своихъ химическими операціями.— Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторією Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ Революцію, и мирною тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ ¹⁾!

Академія Надписей и Словесности учреждена также Лудовикомъ XIV, и болѣе ста лѣтъ ревностно трудится для обогащенія Исторической Литтературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, составляютъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, есть ли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ живете съ Древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Афинахъ, въ Римѣ проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвой указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать*, *Vetat mori*.

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Лувръ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Лудовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

Парижъ, Маія..

Нынѣшній день—угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумѣется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчанія достойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, который бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я страшнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлый день проѣзжалъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня—къ *источнику любви*. Онъ не читалъ Сент-Фуа, слѣдственно не понималъ ме-

1) Лавуазье и Бальи умерщвлены Робеспьеромъ.

ня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать ясно: *Eh bien, dans la rue de la Truanderie!*— „А la bonne heure. Vous autres étrangers, vous suez le mot propre qu'à la fin de la phrase!“— И такъ мы отправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человекъ, приведенный въ отчаяніе жестокостію своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щастливо: не утонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъяснить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ.

L'amour m'a refait
En 1525 tout à-fait.
Въ 1525 году вновь
Меня перестроила любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителямъ возможные слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали *источникъ любви*. Показываютъ мѣсто его: тутъ выпилъ я стаканъ Сенской воды, остатками оросилъ землю, и сказалъ: à l'amour! *въ жертву Венерѣ Ураніи*

Нынѣшняя *Павильйонная улица* называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуатье, которую знаю и люблю по запискамъ Брантома. Она имѣла всѣ прелести женскія, до самой старости сохранила свѣжесть красоты своей, и владѣла сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темнорусыя воло-

сы, которые до земли доставали; глаза черные огненные; лицо нѣжное лилейное, съ двумя розами на щекахъ; грудь Венеры Медицiйской, и, что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ чтобы Парламенты торжественно признали дочь ея законною его дочерью: Дiана сказала: „Имѣвъ право на твою руку, я требовала единственно твоего сердца, для того, что любила тебя; но никогда «не соглашусь, чтобы Парламентъ объявилъ меня твоею наложницею». — Генрихъ слушалъ ее во всѣмъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Лионъ посвятилъ ей медаль съ надписью: *Omnium victorem vici*¹⁾. «Я видѣлъ Дiану шестидесяти пяти лѣтъ, говоритъ Брантомъ, и не могъ надивиться чудесной красотѣ ея; «всѣ прелести сіяли еще на лицѣ сей рѣдкой женщины.» Какая изъ нынѣшнихъ красавицъ не позавидуетъ Дiанѣ? Имъ остается слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вставала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала протираній, никогда не румянилась; часто ѣздила верхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! — Дiана погребена въ Анетъ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* (*de écrivains*) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламелъ съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламелъ: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію, слѣдился благотворителемъ неимущихъ, и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городъ разные толки: одни говорили, что Фламелъ нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаетъ золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною

¹⁾ Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли множество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ, съ какимъ-то жесткимъ, минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суевѣріе обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелью, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *восьми* языками, казался молодымъ человѣкомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. «Сей Дервишъ, говорилъ Люкасъ, увѣрилъ меня, что Николай Фламель еще живъ; что онъ, боясь сидѣть въ тюрьмѣ за тайну философскаго камня, вздумалъ скрыться; подкупилъ Доктора и приходскаго священника, чтобы они разгласили о его смерти, а самъ ушелъ изъ Франціи. Съ того времени, сказалъ мнѣ Дервишъ, Николай Фламель и жена его Пернилія ведутъ философскую жизнь въ разныхъ частяхъ свѣта; онъ сердечный другъ мой, и я недавно свидѣлся съ нимъ на берегу Гангеса». — Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Лудовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащенія Наугъ историческими свѣдѣніями. — Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламеля, копалъ въ землѣ своею тростью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ *Ферронели*: какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя — *seul roi de qui peuple ait gardé la mémoire*, говоритъ Вольтеръ. Герой великодушный, Царь благотворительный! ты завоевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щастія завоеванныхъ! — Слова незабвенныя, простыя, но сильныя: *Я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не пль курицы по Воскресеньямъ!* и другія, сказанныя имъ Гишпанскому Министру: *Вы не узнаете Парижа; мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома и печется о своихъ дѣтяхъ!* — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ несчастіи научился

онъ дорожить счастьемъ другихъ людей и дружбою, которая рождается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Вигъ, Парижской Губернаторъ. — Кучеръ мой остановился и кричалъ: «вотъ улица де-ла-Ферронерн!» *Нтъ*, отвѣчалъ я: *ступай даме!* Я боялся вытти и ступить на ту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple, напоминаетъ бѣдственный жребій славнаго Ордена Тамплиеровъ, которые въ бѣдности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ *Прекрасный* (но только не душею), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Ваварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя виниться въ ужасныхъ нечестностяхъ; на прим. въ томъ, будто они поклонялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ чертовокъ, играли младенцами какъ мячемъ, то есть, бросали ихъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же, въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени, восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ нашу невинность!* Моле, Великій Магистръ Ордена, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобы всенародно изъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Однъ ревностный Легатъ въ длинной рѣчи описалъ всѣ мнимыя злодѣянія Кавалеровъ Храма, и заключилъ словами: «вотъ ихъ начальникъ! слушайте: онъ самъ откроетъ вамъ богомерзскія тайны Ордена»... *Открою истину*, сказалъ несчастный стервецъ, выступивъ на край эшафота, и потрясая тяжкими своими цѣпями: *Всевышній, милосердый Отецъ человѣковъ! внемли клятву моей, которая да оправдастъ меня предъ Твоимъ небеснымъ судилищемъ!.. Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ должностей, правопырнымъ, благотельнымъ; что однъ мотыя муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить человѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ*

юнителей; вижу мечъ и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братьевъ, истину и святую Вѣру! — Въ тотъ же день сожгли его. Старець, нылая на костръ, говорилъ только о невинности рыцарей и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ несчастнаго и унесъ его какъ драгоцѣнную святыню! — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

Чѣмъ загладить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? въ *Иль де-Нотръ Дамъ*, гдѣ во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ сражался... съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу недалеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака несчастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала кто погребенъ тутъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обриву другу, Ардильеру, и жалкимъ воемъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился итти за нею — изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами землю. Другъ Обривъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находитъ тѣло несчастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него ¹⁾, лаетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. Въ другой, въ третій разъ то же; собака, всегда смиренная, только противъ одного человѣка дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорятъ;

1) Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

вспомнили ея привязанность къ господину; вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макара. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшалъ судьбу обвиняемыхъ, естьли доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватается его за горло—и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣяніи. Карлъ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство, велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить ей мраморный монументъ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетъ любить, и знаетъ благодарность. А ты, злодѣй! въ минуту преступленія бойся самой тѣни своей!* — И такъ Карлъ справедливо названъ *Мудрымъ*.—Когда *Исторія людей*, наполненная злодѣяніями, выпадетъ изъ рукъ моихъ, я стану читать *исторію собакъ*, и утѣшусь!

Отъ чего въ Парижѣ назвали одну улицу *адскою*? Людовикъ Святой, добрый Государь (если бы онъ только не ѣздилъ воевать въ Азію и въ Африку) подарилъ ученикамъ Бруновымъ ¹⁾ небольшой домикъ съ садомъ, близъ стариннаго дворца, построеннаго Королемъ Робертомъ, и давно уже оставленнаго. Скоро разнесся въ Парижѣ слухъ, что нечистые духи живутъ въ Робертовыхъ палатахъ, шумятъ, стучать цѣпями и воютъ страшнымъ образомъ; что одно *зеленое чудовище*, сверху человѣкъ, а снизу змѣя, ходитъ по комнатамъ, ночью выбѣгаетъ на улицу и бросается на людей. Людовикъ, слыша такіе ужасы, разсудилъ за благо отдать сей дворецъ Картезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали оттуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрые монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и донынѣ называется *адскою*.

Я пробѣжалъ оттуда въ улицу *Милькеръ*, гдѣ Францискъ I

¹⁾ Бруно основалъ Картезіанской Орденъ.

жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домигѣ, чтобъ быть со-
сѣдомъ прекрасной Герцогини д'Этампъ, которая владѣла его нѣж-
нымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмбле-
мами, надписями, въ честь и славу любви. «Я видѣлъ еще мно-
гіе изъ сихъ девизовъ, говоритъ Соваль, но помню только одинъ:
пламенное сердце, изображенное между *альфы* и *омеги*; что безъ
сомнѣнія значило: *оно будетъ всегда пылать*». Бани Герцогини
д'Этампъ служатъ нынѣ конюшней. Шляпный мастеръ варитъ
себѣ кушанье въ спальнѣ Франциска I, а въ *кабинетъ его вос-
торговъ* (cabinet de délices) живетъ сапожникъ.

Старинный законъ не велитъ во Франціи выпускать на улицу
свиней. Лыбонитны ли вы знать причину? Въ улицѣ *Мальтуа*
вамъ скажутъ ее. Тамъ молодой Король Филиппъ, сынъ Людовика
Толстаго, ѣхалъ верхомъ. Вдругъ откуда ни взялась свинья и
бросилась подъ ноги лошади его: лошадь споткнулась, Филиппъ
упалъ и на другой день умеръ.

Шотландецъ Ла (Law) прославилъ улицу Кенкампуа: тутъ раз-
давались билеты его Банка. Страшное множество людей всегда
гѣснилось вокругъ бюро, чтобы кѣнять лундоры на ассигнаціи.
«Тутъ горбатые торговали своими горбами; то есть, позволяли
ажіотерамъ писать на нихъ, и въ нѣсколько дней обоготались.
Слуга покупалъ экипажъ господина своего; демонъ корыстолюбія
выгонялъ Философа изъ ученаго кабинета и заставлялъ его вмѣ-
шиваться въ толпу игроковъ, чтобы покупать мнимыя ассигна-
ціи. Сонъ исчезъ, осталась простая бумага, и авторъ сей неща-
стливой системы умеръ съ голоду въ Венеціи, бывъ за нѣсколько
времени передъ тѣмъ роскошнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ» —
Мерсье въ Картины Парижа.

Путешествіе мое кончилось, улицею *Арфы*, de la Harpe, гдѣ
я видѣлъ остатки древняго Римскаго зданія, извѣстнаго подъ имѣ-
немъ Palais des Thermes: огромную залу съ круглымъ сводомъ,
вышиную въ 40 футовъ. Историки думаютъ, что это зданіе древ-
нѣе времени Іуліановыхъ; по крайней мѣрѣ Іуліанъ жилъ въ немъ,
когда Гальскіе Легіоны назвали его Римскимъ Императоромъ. Ве-
ликолѣпные сады, бассейны, водоводы, о которыхъ говорятъ ста-
ринныя лѣтописи, все стерто и заглажено рукою времени. Тутъ
жили Французскіе Цари Кловисова поколѣнія; тутъ заключены

были любезныя дочери Карла Великаго за ихъ нѣжныя слабости; тутъ, при Короляхъ втораго поколѣнія, знатныя Парижскія дамы видались со своими обожателями; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для продажи. Кстати, подумалъ я, голубь есть Венерина птица.

Въ этой же улицѣ славился пирожникъ Миньйо, котораго воспѣлъ Буало въ сатиру своей.

... Mignot, c'est tout dire, et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son métier...

Пирожникъ разсердился на Старика, жаловался въ судъ; но будучи только осмѣянъ судьями, вздумалъ мстить Поэту инымъ образомъ: уговорилъ Аббата Коттена сочинить Сатиру на Буало, напечаталъ ее и разослалъ съ пирогами по всему городу.

Оперное знакомство.

Я пришелъ въ Оперу съ Нѣмцомъ Рейнвальдомъ. Entrez dans cette loge, Messieurs!—Въ ложѣ сидѣли двѣ дамы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. «останьтесь здѣсь, государи мои», сказала намъ одна изъ нихъ. „видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ„. Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ее возбуждала мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Русски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найти въ учливой дамѣ бѣлокурую молодую красавицу. Черный цвѣтъ платья отгнivalъ бѣлизну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ свѣтлыхъ, не напудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди.— «Хорошо ли вамъ?» спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка.—*Нельзя лучше сударыня.*—Но кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, беспокоилъ Рейнвальда. „Я здѣсь ни за что не останусь“, сказалъ мой Нѣмецъ: „проклятый Французъ натретъ мнѣ на колѣняхъ мозоли“—сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая

незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. „Вашъ товарищъ недоволенъ нашею ложею?“

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Если позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Лудовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы: вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служатъ эмблемою нашего пола.

«Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха», сказалъ онъ, распуская и сжимая свои поздри.

Я. Извините—я далѣе, а чувствую.

Незнакомка. Вы далѣе? да чтожъ вамъ мѣшаетъ быть поближе, если розы для васъ пріятны? Здѣсь есть мѣсто... Вы Англичанинъ?

Я. Если Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Русскимъ.

Кавалеръ. Вы Русской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyagé dans le nord; je me souvois aux accens; je vous l'ai dit dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je gâfiole de cette nation.

Кавалеръ. Не лзя ошибиться тому, кто подобно мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говорить Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Русскимъ.

Кавалеръ. Да, Русскимъ; все одно.

„Всѣ мѣста заняты,“ сказала красавица, взглянувъ на портретъ: „тѣмъ лучше! я люблю людей.“

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка. (съ усмѣшкою). Я Христіанка. Однакожь это правда: женщины не любить другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?..

Тутъ она понюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спросила, давно ли я въ Парижѣ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ, — отвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица. (посмотрѣвъ на свой букетъ). Онѣ у меня цвѣтутъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Натура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалить Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ *любимыя*.

Незнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели нравиться. Во Франціи напротивъ: чувство пылаеть здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ оно пылаеть въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романъ. Я путешествовалъ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы всѣ атеисты въ любви. Не мѣшайте ему говорить. Онъ намъ скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ женщинъ. —

Кавалеръ. Романъ!

Красавица. Какъ мужчины нѣжны, примѣчательны —

Кавалеръ. (Зѣвая). Романъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не зѣвая.

Кавалеръ (засмѣявшись). Романъ! Романъ.

Тутъ весь театръ освѣтился плашками, и зрители захопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: „мужчины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, напримѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, которая сидитъ противъ насъ“!..

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянится.

Я. Блѣдность имѣеть свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партеру... Ахъ! она была нарумянена! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ счастью оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глукова Орфея восхитила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука но слыша въ первый разъ Орфея, пѣвился, молчалъ—и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ *j'ai perdu mon Eurydice; rien n'égale mon malheur*—оттеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе не слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовала сударыня.

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перестали спорить. Одинъ славится гармонією, другой мелодією; одинъ всегда равно удивителенъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой встаетъ съ земли, чтобы летѣть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе оттѣнокъ. Мы давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien Mr?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Людовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: *je vous salue, Monsieur!* ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился... Не дожидаться прекраснаго балета *Калипсо* и *Телемака*! странно!.. Мнѣ стало въ ложѣ просторнѣе и—скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ будто бы ожидая возвращенія прелестной незнакомки. Кто она? благородная, почтенная,

или... Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преставало заниматься ею во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомкою. Я пришелъ домой—и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась», вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Что, еслии я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или вытащу изъ Сены, или спасу отъ огня?.. Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повторите вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недобѣрчивы! Это отнимаетъ охоту путешествовать и рассказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

Парижъ, Май...

Солиманъ Ага Турецкій посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась. и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильионъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, рассказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось доннынѣ; но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ устали, хотите отдохнуть: вамъ отворятъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочтаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, еслии угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего, и еще пользо-

ваться удовольствіемъ общества. *Vive Pascal, vive Procopre! vive Soliman Aga!*

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣеть своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть Пале-Рояль: *Café de Foi, du Savot, du Valols, de Chartres*. Первый отмѣнно хорошо прибранъ; а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальных сочинителей, которые своими Операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: *On ouvrait deux souscriptions sur cette table: la première le 28 Juillet, pour sèpèter l'èxperience d'Annonay; la deuxième le 29 Aout, 1783 pour rendre hommage par une médaille, à la decouverte de MM. de Montgolfier*. На стѣнѣ прибитъ медальонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье.—Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, *le Café de la Régence*, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты, пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сиживалъ, хранится какъ драгоценность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

Смѣсь.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь, и былъ нынѣшній день въ *Генетахъ*: такъ называются загородные трактиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 *су* и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричать, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуеть съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ,

а также хотѣли танцовать, и только что не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: diable! peste! — C'est l'empire de la grosse gaieté, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ Русской народъ обожаемъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумить, а не дерется.

У дверей всякой *Генеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милый, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ*. Надобно непременно взять подарокъ, отблагодарить шестью копѣйками ¹⁾, и еще сказать учтивое слово, un mot de politesse, d'honneteté. Парижскія *цветошницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (les poissonnières); страшно не понравиться имъ; онѣ въ состояннн замечать васъ грязью. Но естли вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другова. Однажды на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цветошницы* остановили меня съ Барономъ В*, и требовали... поцѣлуя! Мы смѣялись, хотѣли итти: но жестокія Вакханты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ вслѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

Идучи по *Дюфинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Китайскіе Павильйона, узналъ, что это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 су и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетъ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозъ песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоитъ 30 су. При мнѣ плавали три челоуѣка съ отрибною легкостію. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и дорогія называются Русскими, bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés. Надобно заплатить рубли два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

Я былъ въ Hotel-Dieu, главной Парижской Госпиталя, въ которую принимаютъ всякой вѣры, всякой націи, всякаго рода

¹⁾ Une piece de 6 sous.

больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзира-
ніемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго
Ордена служатъ несчастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты;
24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или
отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ идти
далѣе: мнѣ стало дурно; и до самаго вечера стонъ больныхъ
отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ,
изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія
больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ кото-
рую стекаетъ вся нечистота изъ Hotel Dieu? Ужасно вообразить!
Щастливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровый! — Я спѣшу въ
театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по
крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекаръ. Шесть привели-
кихъ залъ наполненные книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ
пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схо-
ластики 150 футовъ, Юриспруденты 40 сажень, Историки вдвое.
Поэтовъ считается 40,000, Романистовъ 6,000, путешественни-
ковъ 7,000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ
которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Поряд-
окъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она
у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Русскому, показывали Славянскую
Библію и Наказъ Императрицы.—Карль V получилъ въ наслѣд-
ство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ
до 900, и былъ основателемъ сей библіотеки. Тутъ же въ Ка-
бинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ
разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полковод-
цевъ: Аннибала и Сципіана Африканскаго ¹⁾). Какими пріятными
воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ
отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и вообра-
жая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ
того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненави-
дѣлъ въ щастливья времена славы его, но въ рѣшительный день,
передъ стѣнами Барсагенскими, сердце мое едва ли не ему же-

¹⁾ Доказывается надписью.

ладо побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ.—Еще хранятся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что если проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ.—Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Коронелли.—Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другаго Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово—только пользуйся.

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четыремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ черезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Колюра до Додинкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною*, la salle des Secrets, и представляетъ любопытный феноменъ. Если вы приложите губы къ пиластру и тихонько скажете нѣсколько словъ, то человекъ, стоящій напротивъ у другаго пиластра, слышитъ ихъ; а люди, которые стоятъ между вами, ничего не слышатъ. Монахъ Киркеръ писалъ изъясненіе сей механической странности.—Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непременно взять вожатаго и фавелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну, темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мнѣ рассказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, отстали—хотѣли догнать товарищей, но фавель ихъ угасъ—они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

Людовикъ XIV построилъ самой великолѣпнѣйшей въ Европѣ *Инвалидный домъ* для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой стражи, кромѣ испытаннаго усердія своихъ Ветерановъ. Печальное зрѣлище для Философа, трогательное для всякаго чувствительнаго! Многіе Инвалиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся предъ алтарями; другіе сидятъ подъ тѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ сѣдымъ воиномъ, который носитъ на себѣ незагладимые знаки храбрости и печать славы! Война бѣдственна, но храбрость есть великое свойство души. „Робкой человекъ можетъ быть добрымъ: но всякой дурной человекъ непременно долженъ быть трусомъ“, говоритъ Стерновъ Капитанъ Тримъ.—Петръ великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почтенные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказавъ: *ваше здоровье, товарищи!* выпилъ до капли.

Архитектора и живописъ прекрасны.

ЧАСТЬ IV.

Парижъ, Мая...

13 Мая, въ донь Вознесеня, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что тамъ съ великою торжественностью будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю добродѣтельную дѣвушку; но какая горестъ! нынѣшній годъ не было праздника—la fête de la Rosière. Отель-де-Виль, или Городской Приказъ, не заплатилъ процентовъ съ капитала положеннаго какимъ-то Гм. Эліотомъ для награжденія сельской невинности, хотя на это требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюренскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбирали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ¹⁾...

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по деревенски. — Я обѣдалъ въ трактирѣ съ нарядными земледѣльцами, которые подчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя что Сюрен-

¹⁾ Ей непремѣнно надлежало быть осьмнадцать лѣтъ.

ской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоткѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день — и наслаждаться ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки. — *Въ церковь, отвѣчала она: молиться Богу.* — «Жаль что я не вашего закона; а мнѣ хотѣлось бы молиться подлѣ тебя, красавица». — *Mais le bon Dieu est de toutes les religions, Messieurs. Богъ единъ во всѣхъ законахъ.* — Согласитесь, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и щастливыми, можетъ быть отъ веселаго расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень пріятно въ деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Инфантадоса и принцесы Шиме. Тутъ есть несравненная алея изъ древнихъ, каштановыхъ деревъ (лучше самой Тюлерійской), и въ концѣ ея превеликій водоемъ. Видъ съ террасъ прелестенъ: замокъ Мёдонъ, Бельвю, Булонскій лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена; и на краю горизонта Монъ-Валерьянъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, алеи, сады; вездѣ разсыяны драгоценности Искусствъ: въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойные монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтеть, и весна нѣжными оттѣнками переливается въ лѣто.

Парижъ, Мая...

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль тратить его въ трехъ или четырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Гос-

пожа Гло* увѣряетъ, что въ домѣ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятный для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: *какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцевъ катаются у васъ въ саняхъ? ѣздите ли вы на оленяхъ зимою?* Это не весело; и хотя столъ Госпожи Гло* очень вкусенъ, однакожъ мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого-нибудь Ресторатёра, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ шумные разговоры или про себя думать, сочинять планъ для остального дня. Госпожа Н., другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это немного оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хотя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожъ взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами на диванъ подлѣ хозяйки, играетъ роль разсѣяннаго или сонливаго, плюетъ на Англійскій коверъ; кладетъ голову на подушку—а какъ его не выгоняютъ, то надобно думать, что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть сожительницею горы Нѣшательской ¹⁾. Баронъ смѣется надъ такою мыслію, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романтизма.

Здѣсь теперь немного Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и г. У*, съ которыми вижу перѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную бібліотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Лудовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришелье, Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку, особливо въ нынѣш-

¹⁾ Описанной Жанъ-Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланберту.

нее смутное время. Въ тотъ день какъ народъ разграбилъ Бастильской архивъ, У* купилъ за луддоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько трогательныхъ писемъ какого-то несчастнаго Автора къ Полиціймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время Людовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ именемъ *Желѣзной маски*, о которомъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Кардинала Мазарина случилось происшествіе, которое можно назвать безпримѣрнымъ, и котораго (что также удивительно) совсѣмъ не знали Историки. Съ величайшею тайною посланъ былъ на островъ Святой Маргариты неизвѣстный арестантъ, молодой человѣкъ, высокой ростомъ и благородный видомъ. Онъ носилъ маску съ желѣзною пружиною, которая не мѣшала ему ѣсть. Офицеръ имѣлъ повелѣніе убить его, если бы онъ снялъ ее. Сей человѣкъ содержался на островѣ до самаго того времени, какъ Губернаторъ Пиньерольской, Сень-Марсъ, въ 1690 году сдѣланъ былъ Бастильскимъ начальникомъ и самъ перевезъ его въ Бастилю, также въ маскѣ. Министръ Лувуа былъ у него на островѣ Св. Маргариты, говорилъ съ нимъ стоя и съ великимъ почтеніемъ. Въ Бастиліи отвели ему самыя лучшія комнаты, и ни въ чемъ не отказывали. Всего болѣе любилъ онъ тонкое бѣлье и кружева; зналъ музыку; игралъ на гитарѣ, имѣлъ самый изобильный столъ, и Губернаторъ рѣдко передъ нимъ садился. Старый Бастильской Докторъ никогда не видалъ его лица. Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвычайно строенъ, имѣлъ трогательный голосъ, говорилъ пріятно, никогда не жаловался на заключеніе, и таилъ свое имя. — Сей неизвѣстный умеръ въ 1703 году и погребенъ ночью въ церкви Св. Павла. Никто изъ людей знаменитыхъ въ Европѣ не пропадалъ во время его заключенія; но онъ безъ сомнѣнія былъ важный человѣкъ. Вотъ что случилось въ первые дни его пребыванія на островѣ Святой Маргариты... Самъ Губернаторъ носилъ ему кушанье, и выходя, запиралъ комнату. Заключенный начертилъ однажды нѣсколько словъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее въ окно на лодку, стоявшую внизу подлѣ самой башни. Рыбакъ, хозяинъ лодки, поднялъ тарелку и принесъ Губернатору, который съ великимъ безпокой-

«ствомъ спросилъ: видѣлъ ли онъ надпись, и не показывалъ ли кому-нибудь тарелки? Я только-что нашелъ ее, а самъ не умѣю читать отвѣчалъ рыбакъ. Однаковожъ Губернаторъ удержалъ рыбака, чтобы увѣриться въ истинѣ его словъ. Наконецъ, отпуская, сказалъ ему: *поди и благодари Бога, что не умѣешь читать*. Одинъ изъ достовѣрныхъ людей, которымъ сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще и нынѣ. Шамиляръ послѣдній изъ Министровъ зналъ тайну заключеннаго. Фльдмаршалъ Фельядъ, зять его, сказывалъ мнѣ, что онъ на колѣняхъ просилъ тестя своего объявить ему, кто былъ сей человекъ, извѣстный только подъ именемъ *Желѣзной Маски*. Шамиляръ отвѣчалъ, что онъ поклялся хранить государственную тайну, и не можетъ открыть ее. Однимъ словомъ, многіе изъ нашихъ современниковъ свидѣтельствуютъ истину мною рассказаннаго, и я не знаю никакого историческаго происшествія, которое было къ удивительнѣе и вѣрнѣе онаго». — Въ жизни Герцога Ришелье недавно напечатанной, сія любопытная загадка, справедливо или нѣтъ, рѣшится. Авторъ говоритъ, будто человекъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ Королевы Анны и близнецъ Людовика XIV, скрытый отъ свѣта Кардиналомъ Ришелье, для того, чтобы ему не вздумалось когда нибудь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ и то не совсѣмъ вѣроятно, чтобы журналъ заключеннаго, которымъ землякъ мой дорожить до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною Маскою. У него одно доказательство: «заключенный въ разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о шоколадѣ, который къ нему по утрамъ носили; при Людовикѣ XIV пили шоколадъ одни знатные; а какъ въ это время (сколько извѣстно) никто изъ важныхъ людей, кромѣ человека съ Желѣзною Маскою, не содержался въ Бастиліи, то надобно, чтобы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная Маска или другой кто, не говоритъ ничего примѣчанія достойнаго; однѣ жалобы на скуку, на жестокость заключенія, въ несвязныхъ словахъ, безъ ореографіи — и все тутъ.

Парижъ, Мая...

Шесть дней сряду, въ 10 часовъ утра, хожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелитской монастырь... «За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ-ли, чтобы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чтобы рѣшить споръ Историковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ строеніе сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что статуя, видимая вверху, на порталѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе увѣряютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чтобы удивляться великолѣпнѣю олтарею, ихъ бронзѣ, золоту, барельефамъ»... Нѣтъ: я хожу въ Кармелитской монастырь для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!.. О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живу, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, и вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ олтарею Всевышняго. Не муки адскія ужасаютъ Магдалину; но мысль, что она не достойна любви Того, Кто любимъ ею столь ревностно и пламенно: любви Отца небеснаго—чувство нѣжное, однѣмъ прекраснымъ душамъ извѣстное! *Прости меня*, говоритъ ея сердце. *Прости меня*, говоритъ ея взоръ... Ахъ! не только Богъ, совершенная благость, но и самые люди, рѣдко не жестокіе, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію?... Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, растрепанные волосы, служащія покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе... Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ удивлялся искусству; но эту картину *желалъ бы имѣть; былъ бы щастливъ съ нею*; однимъ словомъ, *люблю ее!* Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами...

Но открыть ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовигѣ XIV любила не Царя, а человѣка, и всёмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лунную ночь, когда, гуляя, въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавцахъ, а забываете перваго: нашего любезнаго Короля. Не пышность трона ослѣпляетъ глаза мои; нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, въ платьѣ бѣднаго пастушка предпочла бы я его всёмъ мушкетерамъ на свѣтѣ». — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за деревомъ, слышалъ ея слова, и сердце ему сказала: «вотъ та, которую ты любить долженъ!» Онъ не зналъ ее; на другой день старался говорить со всёми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу—и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и несчастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, истребила въ душѣ, всё земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъ именемъ Луизы, *сестры милосердія*, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

Парижъ, Мая...

Я думаю теперь: какое могло бы быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣянныхъ, такъ сказать, по всёмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣетъ конечно свою цѣну: но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, отдалъ бы я за одну краткую *характеристику* или за *галерею примѣчанія достойныхъ людей въ Парижѣ*, живущихъ не въ огромныхъ палатахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анекдотовъ! Здѣсь то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человѣка до удивительныхъ хитростей, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являются на гульбищахъ, въ Пале-

Рояль, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ волосу, распудренные, съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпaгою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ, не имѣють копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ веселятся, и, судя по наружному виду безпечны какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. Напримѣръ человекъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ *Café de Chartres* за чашкою *беваруиза*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ приятнымъ, шутитъ, рассказываетъ забавныя анекдоты—знаете ли, чѣмъ живетъ? продаю *афиши*, или всякаго рода печатныхъ объявленій, которыми здѣсь бывають обглѣплены стѣны. Ночью, когда городъ успокоится и люди по домамъ разбредутся, онъ ходитъ собирать свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираетъ со стѣнъ печатныя листы, относитъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагѣ, получаетъ за то нѣсколько копѣекъ, ливра два, или цѣлой *эку*, ложится на соломенной тюфякъ въ какомъ-нибудь *време* ¹⁾, и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человекъ, который также всякой дѣнь бываетъ *въ тубликѣ*, то есть въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтете Клеркомъ ²⁾, есть... откупщикъ; но прошу угадать, какой? У него на откупѣ... всѣ булавки, теряемыя дамами въ Итальянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходятъ изъ залы, онъ только-что является въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между тѣмъ какъ гасятся свѣчи, ходитъ изъ ложи въ ложу подбирать булавки; ни одна не укроется отъ его мышиныхъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала и въ то мгновеніе, какъ слуга хочетъ гасить послѣднюю свѣчу, нашъ откупщикъ хватаетъ послѣднюю булавку; говоритъ: *слава Богу! завтра не умру я съ голоду!* и бѣжитъ съ своимъ пакетомъ къ лавошнику.—Я былъ въ Мазариновой Библиотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ сѣдый старикъ въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: «вы желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой!—«Я къ вашимъ услугамъ.» И старикъ началъ

¹⁾ То есть чердакъ.

²⁾ Писаремъ.

ми показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно повора, изъясняя. Я думалъ, что онъ Библіотекаръ: совѣтъ нѣтъ; но тридцать лѣтъ служить тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и читателей книгъ. Надзиратели Мазариновой Коллеги дозволяютъ старику хозяйствовать въ Библіотекѣ и чрезъ то промышлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему экую или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижскій нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него есть шпага!

Въ *Галлерей примѣчанія достойныхъ людей* занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Стоикъ, извѣстный подъ именемъ *четырнадцати-луковишнаго* (de quatorze-oignons), истинный Діогеновъ человѣкъ, отказывающій себѣ во всемъ, что не есть въ строгомъ смыслѣ необходимо для жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ*¹⁾; все его имѣніе состоитъ въ большой корзинѣ; днемъ разноситъ въ ней по комиссіи всякую всячину, а ночью спитъ какъ въ альковѣ на городской площади, подъ колоннадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняетъ своего камзола; въ случаѣ нужды нашиваетъ заплаты, и такимъ образомъ отъ времени до времени возобновляетъ его, какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ, возобновляетъ въ разные періоды человѣческое тѣло. 14 Луковицъ составляютъ его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милостыни, и получаютъ; другіе берутъ въ займы — но Парижской Діогенъ никогда не требуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно вырабатывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благодарителемъ и другомъ; говоритъ мало, но съ выразительнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «счастливъ ли ты, добрый человѣкъ?» — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — „Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?“ — Въ работѣ, отдыхѣ, въ безопасности. — „Прибавь еще: въ благодареніяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.“ —

¹⁾ Porte-faix.

Какого?— „Подаешь милостыню.“— „Отдаю лишнее.“— „Молишься ли Богу?“— „Благодарю Его.“— „За что?“— „За себя.“— „Ты не боишься смерти?“— „Ни жизни, ни смерти.“— „Читаешь книги?“— „Не имѣю времени.“— „Бываетъ ли тебѣ скучно?“— „Я никогда не бываю празденъ.“— „Не завидуешь никому?“— „Я доволенъ собою.“— „Ты истинный мудрецъ.“— „Я человекъ.“— „Желаю твоей дружбы.“— „Всѣ люди друзья мои.“— „Есть злые.“— „Ихъ не знаю.“

Къ великому моему сожалѣнію я не видалъ сего новаго Діогена. Онъ скрылся при началѣ Революціи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состояніи можетъ родиться и жить *Геній дѣятельной мудрости*.

Парижъ, Мая...

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ чудесныя школы: училище природноглухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическія идеи¹⁾); которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ), и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббать л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его заступилъ Аббать Сикарь: онъ съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать, новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жалтете о л'Епе*—и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо, отвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и другаго учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ*. Многіе изъ нѣмыхъ страстно любятъ чтеніе, такъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно отнимать у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говорятъ они знаа-

1) См. третью Часть Писемъ русскаго Путешественника.

ми между собою, выражая самыя отвлеченныя идеи, кажется, будто не могут нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпыя учатся Ариметикѣ, Чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *вытук-ныхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нотъ и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ, щупая ряды литеръ и нотъ, передъ нимъ лежащихъ, читаетъ, поетъ; прикоснувшись рукою къ ландкартѣ, говоритъ: *здѣсь Парижъ, тутъ Москва, здѣсь Отагити, тутъ Филиппинскіе острова*. Шведъ тихонько перевернулъ карту; слѣпой, дотронувшись до нее, сказалъ: *она лежитъ вверхъ ногами*, и снова оборотилъ ее. Какъ у зрячихъ судятъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ у слѣпыхъ осязаніе, удивительно тонкое, вѣрно *сопоставленное* съ памятью и воображеніемъ. Напримѣръ; еслии я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будетъ вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ непривычки судить о вещахъ по осязанію; напротивъ того, слѣпыя воображаютъ по ощупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзиратель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ. Прекрасные голоса! трогательная мелодія! милыя слова! Мы заплакали. Надзиратель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повторить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбаны!
 Дай видѣть намъ лучъ солнца Твоего
 Хотя на часъ, на мигъ единый,
 И новой тьмой для насъ покрой его;
 Лишь только бъ мы узрѣли
 Благотворителей своихъ,
 И милый образъ ихъ
 Навѣкъ въ сердцахъ запечатѣли.

Парижъ, Мая...

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, если бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы, мною видимыя. Здѣсь церкви кажутся галлерейми живописи или

Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донныя искусства цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

На примѣръ: соборная церковь Богоматери Notre Dame—зданіе готическое, огромное и почтенное, своею древностію—наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизію. Графиня д' Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваянаго Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ одною рукою снимаетъ камень съ могилы д' Аркура, а другой держитъ свѣтильникъ, чтобы снова воспламенить въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать, и слабую руку простираетъ къ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д' Аркуромъ, указываетъ на свой посохъ, и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангелъ гаситъ свѣтильникъ... Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію—и никогда рѣзецъ Пигалева не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ всемя трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ вѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечомъ въ рукѣ—не много уваженія къ святынь храма!—

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятель Жирардова. На монументѣ, во древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришелье; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія. Наука въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришелье: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ Министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Францію.* Не вѣрю этому анекдоту: или

Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою святою Религією, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Генріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
 Обмановъ и коварства мать,
 Всѣ вѣды можешь принимать:
 Казаться мирною, правдивой,
 Покойною въ опасный часъ;
 Но сонъ во вѣки не смыкаетъ
 Ея глубоко-впавшихъ глазъ;
 Она трудится, вымышляетъ;
 Печать у Истины беретъ,
 И взоры обольщаетъ ею,
 За небо будто возстаетъ,
 Но адской злобою своею
 Разитъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Въ церкви Целестиновъ (des Célestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ странное несчастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскарада нарядиться Сатиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанскій подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ несчастью, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая бросила на него свою мантию и затушила пламя. Герцогъ, чтобы загладить свою бѣдственную неосторожность, соорудилъ великолѣпный олтарь въ церкви Целестиновъ.—Гамъ много картинъ и памятниковъ; между прочими монументъ Леона, Царя Армянскаго, который, будучи выгнанъ изъ земли своею Турками, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году. Фраусаръ, современный Историкъ, говоритъ объ немъ слѣдующее. «Лишенный трона, сохранилъ онъ царскія добродѣтели, и еще прибавилъ къ нимъ но-

«вую: великодушное терпѣніе; съ благодѣтелемъ своимъ, Бар-
сломъ VI, обходился какъ съ другомъ, не забывая собственнаго
«царскаго сана; а смерть Леонова была достойна жизни его». —
Близъ гробницы несчастнаго Царя, въ готическомъ нишѣ, нѣж-
ная дочь соорудила памятникъ нѣжной матери. Черная мрамор-
ная урна стоитъ на бѣлой колоннѣ, съ надписью: «Будучи дру-
гомъ дѣтей своихъ, она заставляла ихъ плакать... только отъ
«благодарности; скромность ея даже удивлялась необыкновенной
«любви нашей» (прекрасная черта)! «Да будетъ сей памятникъ
«священъ для добрыхъ и чувствительныхъ сердець! Здѣсь погре-
бена Марія Гокаръ, Графиня де Кессе, умершая 29 Сентября
1779 году». — Послѣ трогательной надписи видите вы смѣшную,
надъ гробомъ рыцаря Бриссака. Вотъ она: «Что я? мертвой или
«живой? мертвой: нѣтъ, живой. Ты спросишь: почему? отвѣчаю:
«потому, что имя мое вездѣ шумить, вездѣ гремитъ (mon nom
«court et bruit en tous lieux)» — Въ сей же церкви стоитъ
славная Пилонова группа, три нагія Граціи, одна другой лучше,
и прекрасныя; но не странно ли видѣть языческихъ богинь въ
храмѣ истиннаго Бога? Такъ угодно было Катеринѣ Медицисъ.
Она велѣла заключить сердце свое въ одну урну съ сердцемъ Ген-
риха II, и поставить ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Трульякъ, рогатой че-
ловѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV, который
подарилъ его своему конюшему; а конюшій показывалъ его за
деньги народу. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся своимъ
уродствомъ и умеръ съ горя. На гробъ его вырѣзали эпитафію
такого содержания:

Здѣсь погребенъ Тульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человекъ (о диво!) былъ рогатъ!

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архитектура пред-
ставляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ готическимъ, най-
дете вы гробъ нѣжнаго Расина безъ всякой эпитафіи; но его имя
напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены — и
довольно. Тутъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остро-
умный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ ста-

вятся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турнфоръ, славный Ботаникъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоритъ: *Теперь только, смертные, страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечитъ не кому*), и живописецъ ле-Сюеръ, прозванный Французскимъ Рафаэлемъ: предметъ зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! Напримѣръ, ле-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чтобы говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечъ, и смерть этого челоѣтика вынетъ замозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышать, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно слышать такіе черныя анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной грабницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ, слава Франціи и Лудовика XIV! Онъ служилъ Королю стараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли, служилъ челоѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхомъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Лудовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ; именитыя торговыя общества: Индѣйское, Американское—и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищущій въ мысляхъ, и не нахожу другого, ни столь мудраго, ни столь щастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго)—и слава его министерства прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Коль-

бертовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей. — Но какой Монархъ, какой Министръ можетъ удовольствоваться всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: *res ridenda nimis, vir inexorabilis* *orat!* т. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неутомимаго челоука*¹⁾!

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, перевезенный изъ Стокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоритъ, что онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка — и справедливо. Философія прежде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и челоука; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ — и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтѣ, но бросилъ нить Аріадны Невтону и Лейбницу; не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда достоинъ удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ правоченіемъ возвеличиваетъ санъ челоука, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: «Они равны *вымысломъ* «или духомъ «изобрѣтенія; первой быстрѣе, высокопарнѣе; второй глубокочмысленнѣе. Таковъ характеръ Французувъ и Англичанъ: умъ первыхъ *строитъ въ вышину*, послѣднихъ *углубляется въ основаніе*. Оба Философа хотѣли создать миръ, подобно какъ Александръ хотѣлъ завоевать его: оба безсмертны, «оба велики въ понятіяхъ своихъ о Naturѣ.»

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гробницу Кловиса (завоевателя Галліи, перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (*en relief*), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библиотѣку и на собраніе Египетскихъ, Этрусскихъ, Греческихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣдкостей.

Новая церковь Святой Женевьевы величественна и прекрасна. Знатоки Архитектуры особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ смѣлость готическая соединена съ красотою Греческою. Наружность

1) Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

и внутренность Боринфического Ордена; послѣдняя не совсѣмъ еще отдѣлана.

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библия въ рукописи девятаго вѣка, и Алькоранъ самый вѣрный: что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ который съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ *Королевскомъ Аббатствѣ*, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками Миньяромъ; знатоки называютъ ее совершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви Св. Андрея сооруженъ памятникъ Аббату Батте, наставнику Авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его примѣровъ. МонуMENTъ нравится своею простотою, на колоннѣ стоитъ урна съ медальйономъ умершаго и съ милою надписью: *amicus amico, другъ другу*—Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержитъ въ себѣ исторію Матвѣя Шартъе, *добраго человѣка*, и которая мнѣ очень полюбилась. Напримѣръ: «Онъ «вѣрилъ Богу, Христіанству, безсмертію, добродѣтели; не вѣрилъ «лицемѣрамъ суевѣрія и щастію порока; жилъ 50 лѣтъ съ женою своею, и всякой наступающій годъ желалъ провести съ «нею какъ минувшій; любилъ въ будни работу, а въ праздникъ «гостей; училъ добру дѣтей своихъ, иногда умными словами, а «чаще примѣромъ. Мнѣніе и свидѣтельство его уважалось во «всемъ околотѣ, и люди говорили: *такъ оказалъ Матвѣй «Шартъе, добрый человѣкъ!* Прохожій! не дивись, что гробница его сдѣлана не изъ Паросскаго мрамора и не украшена «Фригійскою работою; богатые памятники нужны для тѣхъ, которые жизнь и дѣлами не оставили по себѣ доброй памяти; имя «Матвѣя Шартъе есть и будетъ живымъ его монументомъ, 1559.»

Въ храмѣ Бенедиктиновъ погребенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронить себя безъ всякой пышности и на гробѣ написать только: *ci-git Jacques II, Roi de la Grande Bretagne.* Король самый несчастливѣйшій, потому что никто не жалѣлъ о его несчастіи!

Церковь Кармелитовъ достойна примѣчанія богатымъ монументомъ, сооруженнымъ въ ней господами Булене отцу и матери ихъ; но Исторія Кармелитовъ, изданная на Латинскомъ языкѣ, еще достойнѣе примѣчанія. Авторъ утверждаетъ, что не только всѣ славнѣйшіе Христіане, но и самые язычники: Пифагоръ, Нума Помилій, Зороастръ, Друиды, были монахи Кармелитскаго Ордена. Имя его происходитъ отъ Сирійской горы Кармель, гдѣ жили благочестивые пустынники, первые основатели Кармелитскаго собратства.

Въ церкви Св. Жермена погребенъ Французской Горацій, Мелеръ, о которомъ сказалъ Буало, что онъ первый *узналъ тайную силу каждою слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ*. По сіе время можно читать съ великимъ удовольствіемъ Оды, его, и всѣ знаютъ наизусть прекрасную строфу:

La mort a des rigneurs à nulle autre pareiles;
 On a beau la prier:
 La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,
 Et nous laisse crier.
 Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,
 Est sujet à ses loix,
 Et la garde qui veille aux barrières du Louvre,
 N'en défend point nos Rois.

Тутъ же погребены мужъ и жена Дасье, которыхъ соединила законнымъ бракомъ любовь... къ Греческому языку; которые въ ученомъ супружествѣ своемъ ласкали другъ друга Греческими именами, и тогда бывали веселы, тогда были счастливы, когда находили новую красоту въ стихѣ Гомеровомъ. О варварство! о неблагодарность! на гробъ ихъ нѣтъ Греческой надписи!!

Кенотафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ придѣловъ Св. Жермена, сдѣланъ изъ самаго лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ, который для успѣховъ Искусства не жалѣлъ ни трудовъ, ни имѣнія ни самой жизни, достоинъ такого кенотафа. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ удивительную страсть его. Будучи въ Смирнѣ, онъ хотѣлъ видѣть развалины Эфеса, близъ которыхъ жилъ тогда разбойникъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ путешественниковъ. Чтожь сдѣлалъ неустрашимый Графъ? Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ

шайки Каракаяли, и нанялъ ихъ къ себѣ въ проводники, съ тѣмъ, чтобы заплатитъ имъ деньги по возвращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое платье, не взялъ съ собою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ. и прямо съ своими вожатыми явился къ атаману воровъ, который, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его стана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда — и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ Эфесъ. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки и проч.

Церковь Св. Илера обогрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Новорожденный младенецъ бываетъ связанъ съ матерью посредствомъ тонкихъ жилъ, которыя, будучи перерѣзаны, образуютъ у него пупокъ. Адамъ и Ева не родились, но были вдругъ сотворены; слѣдовательно ты глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, котораго они имѣть не могли.» — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ *великаго* (какъ называютъ Французы) Корнея покоится въ церкви Св. Рока; безъ мавзолея, безъ эпитафій. Тутъ погребена и нѣжная Дезульеръ, которой имя напоминаетъ вамъ

Берега кристалльных рѣчекъ,
Кроткихъ, миленькихъ овецекъ,
И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплетенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нотра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ которыми древніе сады Гесперидскіе не что иное, какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоитъ бюстъ его: лице благородное и важное. Таковъ былъ характеръ Артиста. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, рассказывая, гдѣ чему быть, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ прерывалъ его описаніе

говоря *Де-Нотръ!* за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ. Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ, разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ алтаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышается дикая скала: тутъ Спаситель на крестѣ; у ногъ его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сложенные деревья, между которыми ползетъ змѣя. Подъ горою голубой мраморный жертвенникъ, въ образѣ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ которыхъ дымится еиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяснимо-трогательное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета: вы видите произведение рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующіе стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ *иры словъ*:

Passant, penses-tu pas passer par ce passage,
 Ou pensant j'ai passé?
 Si tu n'y penses pas, passant tu n'es pas sage,
 Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

Парижъ, Іюня...

Госпожа Гло* сказала мнѣ: «Послѣ-завтра будетъ у насъ *чтеніе*. Аббатъ Д* привезетъ *мысли о любви*, сочиненіе сестры его, Маркизы Л*. C'est plein de profondeur à ce qu'on dit. Авторъ также будетъ у меня, но только *инкогнито*. Если хотите унать остроуміе и глубокомысліе здѣшнихъ Дамъ, то приходите.» — Какъ не притти? Я пожертвовалъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хозяйка сидѣла на Вольтеровскихъ креслахъ; вокругъ ее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали свою любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсѣяно нѣсколько *группъ*, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человекъ. Въ 9 часовъ хозяйка выз-

вала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чтець вынулъ изъ кармана розовую тетрадку, сказалъ что-то забавное и началъ:.. Жаль, что я не могу отъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожь можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть *кризисъ*, рѣшительная минута жизни, съ трепетомъ ожидаемая сердцемъ. Занавѣсъ поднимается... *Она! она!* восклицаетъ сердце, и теряетъ личность бытія своего. Тайнственный Рокъ бросаетъ жребій въ урну: ты блаженъ! ты погибъ!»

«Все возможно описать въ мірѣ, кромѣ страстной, героической любви; она есть символъ неба, которой на землѣ не изъясняется. Передъ нею исчезаетъ всякое величіе. Цесарь малодушень, Регулъ слабъ... въ сравненіи съ истиннымъ любовникомъ, который выше дѣйствія стихій, внѣ сферы мірскихъ желаній, гдѣ обыкновенныя души, какъ пылинки въ вихрѣ, носятся и вертятся. Дерзко называть его полубогомъ — мы не язычники — но онъ не человѣкъ. Зороастръ изображаетъ Бога въ пламени; пламя добродѣтельной, героической любви достойнѣе всего окружать тронъ Всевышняго.»

«Монтанъ говоритъ: *другъ мнѣ милъ для того, что онъ онъ; я милъ ему для того, что я я.* Монтанъ говоритъ о любовникахъ — или слова его не имѣютъ смысла.»

«Прелести никогда не бываютъ основаніемъ страсти; она рождается внезапно отъ соосязанія двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ, въ одномъ словѣ; она есть не что иное, какъ симпатія, соединенія двухъ половинокъ, которыя въ разлукѣ томилась.»

«Только одинъ разъ сгараютъ вещи; только одинъ разъ любить сердце».

«Въ жизни чувствительныхъ бываютъ три эпохи: *ожиданіе, забвеніе, воспоминаніе.* Забвеніемъ называю *восторгъ любви*, который не можетъ быть продолжителенъ, для того, что мы не боги, и земля не Олимпъ. Любовь оставляетъ по себѣ милое *воспоминаніе*, которое уже не есть *любовь*; но мы, кажется, все еще любимъ человѣка, для того что нѣкогда обожали его. Намъ пріятно то мѣсто, гдѣ что-нибудь пріятное съ нами случилось».

«Человѣкъ, любящій славу, знатность, богатство подобенъ тому, кто за неимѣніемъ Новой Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Ску-

дери; за неизмѣнимъ, говорю, или по дурному вкусу. На дикомъ Паросскомъ мраморѣ наростаетъ иногда довольно приятная зелень: но можно ли сравнить ее съ видомъ того мрамора, который представляетъ Фидіасову Венеру? Вотъ его истинное *опредѣленіе* (*destination*), подобно какъ опредѣленіе сердца есть любовь».

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что блаженство небесной жизни должно состоять въ *гармоніи*; вѣжныя души увѣрены, что оно будетъ состоять въ любви».

«Я не знаю, есть ли атеисты, но знаю, что любовники не могутъ быть атеистами. Взоръ съ милаго предмета невольно обращается на небо. Кто любилъ, тотъ понимаетъ меня».

Слушатели при всякой фразѣ говорили: *браво! с'est beau, с'est ingénieux, sublime*; а я думалъ: *хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсѣмъ не женской языкъ!* Глаза мои искали Автора. Черноволосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слушала, развертывала книги, ноты на клавишинѣ: не трудно было угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка сказала: «я не знаю Автора, а хотѣла бы поцѣловать его» — сказала, и съ великою вѣжностію обняла Маркизу Д*. Всѣ захопали. Черезъ минуту поставили два стола; три Дамы и пять Кавалеровъ сѣли играть въ карты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббата Д*, который съ великою строгостію судилъ главныхъ Французскихъ Авторо́въ. «Вольтеръ (говорилъ онъ) писалъ единственно для своего времени, искусство всѣхъ другихъ пользовался настоящимъ расположеніемъ умовъ; но достоинство его съ перемѣною обстоятельствъ необходимо должно теряться. Будучи жаждень къ минутной славѣ, онъ боялся отдѣлиться разумомъ отъ современниковъ, боялся далеко опередить ихъ, чтобы не сдѣлаться темнымъ, невразумительнымъ; хотѣлъ за каждую строку немедленно награжденія, и для того искалъ единственно лучшаго вырженія, лучшаго оборота для идей обыкновенныхъ; бралъ изъ чужихъ магазиновъ, работалъ *начисто*, не занимаясь изобрѣтеніемъ, не думая о собраніи новыхъ матеріаловъ. Онъ былъ совершенный Эпикуреецъ въ умѣ, не мыслилъ о потомствѣ, не вѣрилъ безсмертію славы; не сажалъ кедровъ, а сѣялъ одни цвѣты, изъ которыхъ уже многіе завяли въ глазахъ нашихъ — а мы еще современники Вольтеро́вы! Что же будетъ черезъ сто лѣтъ? Насмѣшки

его надъ разными суевѣрными мнѣніями, надъ разными философскими системами, могутъ ли производить сильное дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и системы переменяются?» — А его трагедіи! сказалъ я. — «Онѣ въ *совершенствѣ* уступаютъ Расиновымъ, отвѣчалъ Аббатъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ чистоты, плавности, сладкаго краснорѣчія творца Федры и Андромахи; но много смѣлыхъ идей, которыя теперь уже не кажутся смѣлыми; много такъ называемой Философіи, которая не принадлежитъ къ существу Драмы, а нравится партеру; много вкуса, а мало истинной чувствительности? — Какъ! въ Заирѣ мало чувствительности? — „Да, я берусь доказать, что въ Заирѣ нѣтъ ни одной нѣжной мысли, которой бы не нашлось въ самомъ обыкновенномъ романѣ. Достоинство Вольтерова состоитъ въ одномъ выраженіи; но никогда не найдете въ немъ жаркихъ измѣній чувства, сильныхъ стремленій сердца, de grands, de beaux élans de sensibilité какъ напримѣръ въ Федрѣ». — И такъ Расинъ великій Трагикъ по вашему мнѣнію? — Великій Писатель, Стихотворецъ, а не Трагикъ. Нѣжная душа его никогда не могла принять въ себя трагическаго ужаса. Онъ писалъ драматическія Элегіи, а не Трагедіи; но въ нихъ много чувства; слогъ несравненный, краснорѣчіе живое, отъ полноты сердца; его можно назвать *совершеннымъ*, и до конца вселенной самую лучшую похвалю Французскихъ стиховъ будетъ: „они похожи на Расиновы! Но имѣя даръ *цѣлить* нѣжное чувство, совсѣмъ не имѣлъ онъ таланта изображать *ужасное* или *героическое*. Расинъ не представилъ на сценѣ ни одного сильнаго характера; въ трагедіяхъ его слышимъ великія имена, а не видимъ ни одного великаго человѣка, какъ напримѣръ въ Корнелѣ“. — И такъ вы отдаете вѣнецъ Корнелю? — „Онъ достоинъ былъ родиться Римляниномъ, изображалъ великое, какъ *свое собственное*; Герои его дѣйствительно Герои; но сильный слогъ его часто слабѣетъ, унижается, оскорбляетъ вкусъ; а нѣжности Корнелевы почти всегда несносны“. — Чтожъ вы скажете о Кребийонѣ? — „То, что онъ ужаснѣе всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ Вольтеръ нравится, Расинъ плѣняетъ, Корнель возвеличиваетъ душу: такъ Кребийонъ пугаетъ воображеніе; но варварскій слогъ его недостойнъ Мельпомены и нашего времени. Корнель не имѣлъ для себя

образцевъ въ слогѣ, но часто служилъ самъ образцемъ: Бребильйонъ же имѣлъ дерзость послѣ Расина писать грубыми, дикими стихами, и доказалъ, что у него не было ни слуха, ни чувства для красотъ стихотворства. Иногда проскакиваютъ въ его трагедіяхъ хорошіе стихи, но какъ будто бы не нарочно, безъ его вѣдома и согласія».

Какой страшный Аристархъ! думалъ я: хорошо, что у насъ въ Россіи нѣтъ такихъ грозныхъ Критиковъ.

Мы сѣли ужинать въ 11 часовъ. Всѣ говорили, но въ памяти у меня ничего не осталось. Французскіе разговоры можно назвать бѣглымъ огнемъ: такъ быстро летятъ слова одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

Парижъ, Іюня...

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: „Сестра моя, Графиня Д*, которую вы у меня видѣли, желаетъ имѣть подробное свѣдѣніе о вашемъ отечествѣ. Нынѣшнія обстоятельство Франціи таковы, что всякой изъ насъ долженъ готовить себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ другой землѣ. Прошу отвѣчать на прилагаемые вопросы: чѣмъ меня обяжете.“ Я развернулъ большой листъ, на которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнатахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца, катаются въ саняхъ по свѣжнымъ брилліантамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бываютъ столь прелестны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ комнату, кажется Флорію.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько

прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа жаждетъ переменъ, и звонкой голосъ жаворонка раздаётся на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ свѣжныя холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанныя благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта: у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся Природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разстаться на долгое время—и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима—и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Ответъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь спектакли, балы, ужины, карты и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Ответъ. Гостепріимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которыя были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любимъ имъ доказывать, что ученики не уступаютъ учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ?... *Много ли дичи въ Россіи?* «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страстный охотникъ стрѣлять».

Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный Графъ долженъ закричать: *ружье! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, естли и мужъ и жена теперь не прискачуть къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

Парижъ, Іюня...

Наконецъ я рѣшился отказаться на нѣсколько времени отъ Спектаклей, чтобы осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестности. Съ чего начать? Безъ всякаго сомнѣнія съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольскій священникъ, Г. К*, Русскій Артистъ съ великимъ талантомъ, и я пришли на берегъ Сены; сѣли на гальиотъ и поплыли мимо Елисейскихъ полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Медонъ съ великолѣпною свою террасою (длинною въ 150 сажень) и съ густымъ паркомъ. Онъ принадлежалъ откупщику Сервіеню, Министру Лувуа, Лудовику XIV и Дофину, который умеръ тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Медонъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Пантагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и невѣпостію. Шестой-надесять вѣкъ удивлялся его знаніямъ, уму, шутовству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ докторомъ, выпросилъ у Папы *отпускную*, прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями ¹⁾; ѣздилъ въ Римъ пошутить надъ туплемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Медонѣ,

¹⁾ Такъ, что по сіе время, въ память ему, на всякаго новоприняемаго Доктора въ Монпелье надѣваютъ Раблеву мантию, которая нерѣдко напоминаетъ басню *осла во львиной кожѣ*.

усердно врачевалъ тѣло и душу своей паствы, и писалъ романы, въ которыхъ простосердечный Лафонтенъ находилъ болѣе ума нежели въ философскихъ трактатахъ, и которые безъ всякаго сомнѣнія подали Стерну мысль сочинить Тристрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шута. За нѣсколько минутъ до смерти своей сказалъ онъ «занавѣсь опускается, комедія вся Je vais chercher un grand reutêtre». Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего ни имѣю; многу долженъ, остальное бѣднымъ.*—Въ деревнѣкѣ Севѣ, извѣстной въ цѣломъ свѣтѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ котторою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномъ домѣ и отправились въ Версалю пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные дома, сады, трактиры, и нечувствительно вошли въ Версальскія алей, *avenues de Versailles*, гдѣ открылся намъ дворецъ...

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ—и среди пустыни, дикой песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, которому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпнѣмъ.

Три двойныя алей, одна изъ Парижа, другая изъ Со, третья изъ Севъ-Бу, сходятся на площади, называемой *Place d'armes*, гдѣ возвышаются два огромныя зданія. Радуйтесь, естли вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ группы, которыя изобразяютъ побѣды Франціи надъ Гишпанією и Нѣмецкою Имперією. Новая постройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ *avant-cour*) или дворъ Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ группы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожь многіе знатоки не такъ думаютъ, и вопреки Ферней-

скому насмѣшнику находятъ зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, такъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдно, но никого небыло, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣтилъ я Жуветову, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіанинъ; побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служить имъ. На одномъ изъ олтарей показываютъ, какъ великую драгоценность, Распятіа изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля польскаго. Изъ церкви прошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышаются 20 мраморныхъ Коринѳическихъ пиластръ, съ жарко-вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, написанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемауаномъ, и представляющій Геркулесово *боготвореніе* (апоѳеозу); самая величайшая картина въ свѣтѣ! Расположеніе, фигуры, выразительность служатъ доказательствомъ Лемауанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тутъ же стоятъ двѣ славныя Веронедовы картины: Спаситель и Ревекка. Первая была собственностію Сервитскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Людовику XIV; но Сенатъ, узнавъ желаніе Короля, отнялъ у монаховъ картину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотрѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзба! — Залы *Изобилія*, *Венерина*, *Діамана*, *Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю статую земледѣльца и Диктатора Цинцината; въ третьей бюстъ Людовика XIV, а въ четвертой удивлялись мы Лебрюновой *Даріе евой фамилии*, признанной всѣми знатоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенебло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Рассказываютъ, что одинъ Италіанскій Прелатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюновой стоитъ Воронезова картина *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуриевой*

заметили прежде двѣ Рафаэлевы картины: Архангелъ Михаилъ и *Святая фамилия*; но ихъ, къ нашему сожалѣнiю, зачѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему Кулыбину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякій часъ два пѣтуха поютъ махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два амура бьютъ всякую четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декораціи является статуя Людовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣды и держитъ корону надъ его головою; внутри играетъ музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаетъ. — Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стоитъ престолъ. «Вотъ первый тронъ въ свѣтѣ!» сказалъ человѣкъ который водилъ насъ по дворцу: «былъ, разумѣю; но если Богъ не оставилъ Французовъ, то солнце Людовика XIV опять возсіяетъ здѣсь во всей лучезарности!» — Черезъ *залу войны*, Salon de la Guerre, гдѣ кисть Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, вышиною 8. Противъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображается садъ, зелень, игра воды. На плафонѣ представлена Лебрюнемъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, исторія Людовика въ первые семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиластрами окружаютъ входъ съ обѣихъ сторонъ галлерей; между пиластрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоятъ древнія статуи: Бахуса, Венера (найденная въ городѣ Арлѣ), Весталка и Муза Уранія; а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Германикъ, изваяннымъ славнымъ Аѳинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Венеры и Діана. — Въ *залѣ мира* живопись представляетъ Францію, сидящую на лазоревомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуры и Миръ соединяютъ голубей. На другой картинѣ Лудовикъ подаетъ масличную вѣтвь Европѣ. — Изъ *мирной залы* входъ въ Королевины комнаты... Я вспомнилъ 4 Октября ту ужасную ночь, въ которую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и стукъ оружія, спѣшила neodѣтая, съ распущенными волосами, укрыться въ

объятіяхъ супруга отъ злобы тигровъ... Не скоро могъ я обратить глаза на украшеніе и живопись комнатъ. Тутъ всё картины представляютъ славу и торжество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, готового броситься къ ногамъ ея; Царица Родопа смотритъ на пирамиду, сооруженную красотѣ ея; безсмертная Сафо играетъ на лирѣ; Аспазія говоритъ съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа выпускаетъ коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ—и славнѣйшія Царицы древности.—Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ; портреты Екатерины Валуа, Маріи Медицисъ, Франциска I (Рубенсовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Спиціона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра Великаго, порфиновый; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показываютъ мѣсяцъ, число, день, недѣли, дѣйствіе холода и тепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою вѣрностію, что во сто лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей разницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ которой онъ видѣлъ, съвозъ прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнатахъ, подлѣ Королевскаго кабинета, хранятся драгоцѣнные гравированные, древніе и новые камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджели*, на которой изображено собираніе винограда.—Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалия безъ Двора какъ тѣло безъ души: осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту стучали кареты, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва встрѣтится человѣкъ: мертвая тишина и скука; Всякой житель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ заставили насъ два часа ждать обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила «Что дѣлать? Худыя времена, государи мои! несчастныя времена! Всѣ терпятъ: и вы потерпите!»

Утоливъ съ нуждою голодь свой, торопились мы видѣть сады и паркъ, которые въ окружности составляютъ верстѣ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасадъ его вмѣстѣ съ флигелями простирается на 300 сажень. Тутъ разсыяны всё красоты, всё богатства архитектуры

и ваянія. Никто изъ Царей земныхъ, ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать не возможно. Исчислить колоны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вотъ чего и живописцу нельзя изобразить кистію!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ленотра, котораго смѣлый Геній вездѣ сажалъ на тронъ гордое Искусство, а смиренную Натуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

Къ великолѣпію Цари осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ею быть хотимъ ослаблены.

Итакъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры; здѣсь царство кристалльныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры. Партеры, цвѣтники, фонтаны, бассейны, лѣсочки и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете на что смотрѣть. Вотъ точно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенности: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года! Нѣтъ, онъ воображалъ, что зритель, окинувъ часть несмѣтныхъ богатствъ и воскликнувъ въ первую минуту: *великолѣпно!* умолкнетъ отъ изумленія, и не посмѣетъ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалъ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалъ ноги, переносилъ взоры отъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленотромъ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетъ тутъ ничего придумать, ничего представить иначе. Въ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзію? въ изображеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ *картинномъ для глазъ* Поэтъ ученикъ Артиста, и долженъ трепетать, когда художникъ беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ претерпѣлъ страшное опусто-

шеніе: безжалостная сѣкира подрубила всё густыя, высокія деревья, для того (говорятъ), что они начинали старѣться, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Стихотворецъ въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ стихахъ изъясняетъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô bosquets ravissans,
 Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du temps!
 La hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣтвистые старцы, которыхъ величественныя главы осѣняли священную главу Царя великаго! Увы! гдѣ прекрасныя рощи, въ которыхъ веселились Граци?... Амуръ! Амуръ! гдѣ прелестныя сѣни, въ которыхъ нѣжно томилась гордая Монтеспанъ и гдѣ милая чувствительная Лавальеръ не нарочно открыла тайну своего сердца щастливому любовнику? Все исчезло, и пернатые Орфеи, уstraшенные стукомъ разрушенія, съ горестію летятъ изъ мирной обители, гдѣ столько лѣтъ въ *присутствіи Царей* пѣли они любовь свою! Боги, которыми ваятельное искусство населило сіи тѣнистые храмы; боги, вдругъ лишенные зеленого покрова, тоскуютъ, и сама Венера въ первый разъ устыдилась наготы своей!.. Растите, осѣняйте юныя деревья, возвратите намъ птичекъ!»...

Юныя деревья послушались стихотворца, разрослись, осѣнились—Венера не стыдится уже наготы своей—птички возвратились изъ горестной ссылки, и снова поютъ любовь; но ахъ! не въ *присутствіи Царей*! Никто не слушаетъ теперь ихъ пѣсень, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ иностранцевъ, приходящихъ иногда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе статуй, которыми украшаются партеры, фонтаны, лѣсочки, алей, заняло бы нѣсколько страницъ; тутъ собраны лучшія произведенія тридцати лучшихъ ваятелей. Упомяну только о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ Антоній нашель его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колос-

сальной Юпитеръ шагнулъ въ Версалю. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и странствія лишили его ногъ; художникъ Друилъ придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоитъ на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красивыхъ павильонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, тигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцера, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Страшно смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтиться съ нимъ въ пустынѣ Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? Маленькая двуногая тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молотомъ въ голову, и правитъ имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираютъ въ клѣтку; окривѣвъ яростнаго тигра, дразнить его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Еѳіопіи въ Версалю. Многихъ животныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей.

Лудовикъ XIV хотя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожъ иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Трианонъ, небольшой увеселительный домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ этажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть *маленькой Трианонъ*; о которомъ говорить Делиль:

Semblable à son auguste et jeune Dêité,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятные лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ удивленный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; тутъ, въ низенькой галереѣ, закрываемой отъ глазъ густою зеленью, бывали самыя пріятныя ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанеты; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелест-

нѣе всёхъ розъ Натуры. Сады Трианона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущія берега ихъ ждуть, кажется, пастушки. Прелестный островокъ является взору; тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви: такъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, ловарнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую.—Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, стада, хижинки, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу природу: снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ... Миѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе быть въ прелестномъ Трианонѣ. Ночь наступаетъ... Простите, мѣста любезныя!—Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе Версальскаго дворца съ паркомъ, и милѣе Трианона съ его сельскими красотоми!»

Парижъ, Іюня ..

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ Мыса Доброй Надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеємъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія дамы говорятъ: *il est vaillant, ce Monsieur de Valiant!* Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранить просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую

для своего сердца, привлекательную Нерину, гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, причетъ ее передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностию смуглой красавицы; влянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранить клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучель, Готтентовскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, выразителенъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарисиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно оставить милое семейство, отечество, всѣ пріятныя улобности Европейской жизни, и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку. Теперь, видя *васъ*, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣть такую любезную супругу и добровольно съ нею разстаться! — «Государь мой! любопытство имѣетъ своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всѣ Калмыки — любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего, и не думать о нашемъ безпокойствѣ». — Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами, и твердятъ пословицу: *Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ притти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

Деревня Отель, Іюня...

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ, Лафонтенъ, Шапель, Мольеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести, проклинать судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое частіе есть... не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ

своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста, и сказалъ имъ: друзья! намѣренье ваше похвально; но теперь ночь: никто не увидитъ героическаго конца Поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего; и тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ славной смерти дѣтей его!» Такая щастливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорилъ: правда, правда; утопимся завтра, а теперь допьемъ остальное вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroît sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господину... забылъ имя. Деревенка Отель славилась нѣкогда хорошимъ виномъ своимъ; но слава ея прошла: нынѣшнее Отельское вино никуда не годится. Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается; спѣшу въ городъ.

Сен-Дени.

Вселенная любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти?... прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, которые всѣ, въ глубокой тишинѣ, лежатъ другъ подлѣ друга: колѣно Меровеено, Карлово, Капетово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно искалъ гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за Графа Крепи, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ею основанномъ; другіе же Историки думаютъ, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то ни было, но ея кенотафа, нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую, дальнюю землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобъ быть супругою незвѣс-

тнаго ей человѣка!.. Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Политикѣ! Анна должна была пережѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и западной церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила второй брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась щастіемъ любви: Графъ Крепи былъ убитъ на поединкѣ однимъ Британскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV...

Великій человѣкъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарея.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ: но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбростію, Фабія благоразуміемъ—однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами. Храбрость и Мудрость стоятъ подлѣ его гроба: одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпитафіи; для чего не вырѣжутъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louts voulut ainsi couronner sa vaillance,
Anfin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de difference
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.
Честъ Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребень.
Смѣя Лудовикъ его и въ гробѣ награждаетъ,
Желая свѣту доказатьъ,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о странныхъ барельефахъ Дагобертовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ,

любопытствъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благотивными людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечъ Лудовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ невѣрныхъ), портретъ такъ называемой *Орлеанской дѣвственницы*, славной Героини Вольтеровой Поэмы, и большую деревянную чашу, сдѣланную изъ восточнаго агата для Египетскаго Царя Птолемея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Патронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіанство, и былъ казненъ злыми язычниками на Манмартѣ. Католическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни сталъ на ноги, взялъ въ руки отрубленную голову свою и шелъ съ нею версты четыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: *cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier pas qui coute.*

Парижъ, Іюня...

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки*! Сегодня видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Артуа, называемомъ *bagatelle*, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

*Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi,
Lieu charmant! etc.*

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильонъ съ золотою надписью на дверяхъ; *parva sed apta; малъ, но покоенъ*. У крыльца стоитъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину ставятся ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширный бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повторяютъ дѣйствіе фонтана. Оттуда входъ въ большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залѣ примыкаютъ два кабинета: баня

и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострастно. На картинахъ улыбается Любовь, а въ альковѣ кроются Восторги... не смѣю взглянуть на постелью. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, трофеи, знаки сраженій и побѣдъ. Но Марсъ друженъ съ Кипридою; взгляните на право... тутъ маленькой тайный кабинетъ, гдѣ представляются глазамъ знаки другого рода сраженій и побѣдъ: Стыдливость умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, есть самый нѣжный тѣлесный; одни Амуры умѣютъ такъ красить. Подойдите къ окну: видъ прелестный! Теченіе Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нельи, образуютъ самый живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что этотъ павильонъ есгь въ самомъ дѣлѣ волшебный, будучи построенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль; безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильона идутъ двѣ алеи, и примыкаютъ къ гранитному утесу, изъ котораго вытекаетъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la Venus pudique; мраморный образъ ея стоитъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣтлый прудъ, по которому вѣтеръ носить лодку. На лѣвой сторонѣ извивается тропинка и приводитъ васъ къ *пустыни*; густыя деревья перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградой. Видите маленькой домикъ, покрытый тростникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, постелья. Тутъ въ самомъ дѣлѣ жилъ когда то пустынный въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими играми, женскую красоту приманкою Сатаны, а любовь (боюсь сказать) самимъ дьяволомъ. Купидонъ, раздраженный такимъ дерзкимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился отмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынный воспламенился; забылъ свое ученіе, свою

густую бороду, и сдѣлался Селадономъ. Далѣе молчить исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ несчастливъ въ любви, и хотя обрѣлъ себѣ бороду, хотя, обрѣзавъ длинное свое платье, но красавицъ не могъ понравиться; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принять въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Артуа давалъ ему 100 ливровъ пенсіи.—Близъ домика часовня; поле, которое Анахоретъ обрабатывалъ, и ручей, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой: иду далѣе, и вдругъ является передо мною высокая обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ, по цвѣтущимъ лугамъ, извиаются тропинки, текутъ ручейки, возвышаются красивые мостики и павильоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ... это павильонъ *Философій*, которая не всякому дается. Видъ его снаружи непривлекателенъ, странный, готическій: въ знакъ того, что Философія мила только Философамъ, а другимъ кажется едва ли не сумасбродствомъ. Внутренность украшена медальонами Греческихъ мудрецовъ; а разноцвѣтныя окончины представляютъ намъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласія умовъ и мнѣній человѣческихъ. Внизу павильона гротъ, куда лучи солнца проникаютъ сквозъ расщелины камней, гдѣ собраны всѣ произведенія минеральнаго царства.—Съ другой дикой скалы стремится большой каскадъ, шумить; и вливается пѣною въ кристаллъ пруда, котораго тихія струи омывають въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Кто-жь милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ,
И горсть раздѣлай съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ нѣжными цвѣтами;
Чувствительной во всемъ себѣ друзей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣняютъ
Тоюль высокій, блѣдный твѣсь,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность знаютъ,
Любовникъ нѣжный мирты рветъ,

Для славы гордый лавръ растеть;
 Но ты, мѣлѣ тѣмъ, которые стенають
 Надъ прахомъ счастья и друзей!

Демилль.

Хотите ли, подобно Орфею, за любезною тѣнію сойти на Плутоново царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира?.. Земля разверзается передъ вами; вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ и трепещете отъ ужаса; густой мракъ окружаетъ васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно итти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Стикса и Коцита; скоро, скоро залаетъ Церберъ... Не бойтесь: быстрый лучъ свѣта издали озаряетъ ваши глаза—еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь приятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить... но никогда, никогда не случилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д'Артуа!

На возвратномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачетъ карета. Я слышу голосъ: *arrête! arrête! стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человѣка, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили кто я?—Иностранецъ. Что вамъ угодно?— „Не вы ли ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господиномъ Лаклосомъ?“—Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса.— „Тѣмъ лучше или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ не объѣхала ли васъ дама верхомъ, въ зеленомъ Амазонскомъ платьѣ?“—Я не примѣтилъ. Но что значать ваши вопросы, государи мои?— „Такъ; намъ нужно знать. Извините“.—Они подняли шляпы, прыгнули въ карету и поскакали.

Парижъ, Юня....

Я былъ въ Марли; видѣлъ чертогъ солнца¹⁾ и 12 павильйоновъ, изображающихъ 12 знаковъ Зодіака; видѣлъ Олимпъ долины Темпейскія, сады Альциноевы; однимъ словомъ, вторую Версалю, съ нѣкоторыми особливими оттѣнками. Въмѣсто подробнаго описанія, вотъ вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Арמידень садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятяхъ покоя
Еще желаетъ *побѣждать*
Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,
Едва понятными уму,
Стихи творческой Природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореедъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ.
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,
И вверхъ стремяся упадаютъ
Жемчужнымъ радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древями темно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ—богъ, лѣсочникъ всякой—
храмъ²⁾

Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,

1) Солнце, какъ извѣстно, было девизомъ Людовика XIV. Королевскій павильйонъ, построенный среди двѣнадцати другихъ, называется *солнечнымъ*.

2) Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

На лаврахъ славы отдыхая,
И будто весь Олимпъ съывая
Къ себѣ на величійный паръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять чудесность Марлійской водяной машины; ея горизонтальныя и вертикальныя движенія, дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоитъ въ томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены, поднимаетъ ее вверху, вливаетъ въ трубы, проведенныя въ Марли и въ Трианонъ. Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамоты.

Какъ обогащены Искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валеріанскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома Госпожи д'Епинне, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до ста умѣла чувствовать красоты безсмертнаго Романа, и плакать. Домъ маленькой, на пригоркѣ: вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмилъ; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ *Бельвю*, достойномъ своего имени ¹⁾, и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

Парижъ, Іюня...

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, *зная* (по словамъ его) *Парижъ, какъ свой чердакъ*, давно уже приступалъ ко мнѣ, чтобы я шелъ смотреть *Царскую кладовую*, *Garde-meuble du Roi*. «Стыдно, государь мой, стыдно! Быть три мѣсяца въ Парижѣ, и не видать еще самой любопытнѣйшей вещи! Что вы здѣсь дѣлаете? бѣгаете по улицамъ, по театрамъ, по лѣсамъ, вокругъ города! Вотъ вамъ

¹⁾ *Бельвю* значить прекрасный видъ

шляпа, трость; надобно непременно итти въ кладовую! — Я надѣлъ шляпу, взялъ трость, и пошелъ на мѣсто Лудовика XV въ *Garde-meuble*, большое зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ тамъ множество рѣдкихъ вещей, серебра и золота, драгоценныхъ камней, вазъ и всякаго рода оружія. Любопытнѣе всего: 1) круглый серебряный щитъ, около трехъ футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (*en bas-relief*) сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) стальные латы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, такія легкія, что ихъ можно поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли кромѣ чести; tout est perdu hormis l'honneur*, писалъ Францискъ къ матери, будучи въ плѣну у непріятеля со всеми своими Генералами), 3) латы Генриха II (въ которыхъ онъ былъ смертельно раненъ на турнирѣ Графомъ Монгомери) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, присланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія¹⁾; 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколотъ Венеціанскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная брилліантами и рубинами; 8) *золотая церковная утварь* Кардинала Ришелье, также осыпанная драгоценными камнями; 9) богатое сѣдло, подаренное султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковые картинныя обои, за которыя Францискъ I заплатилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на которыхъ вытканы сраженія Сципіоновы, *дѣянія Апостольскія* и басни Пеиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кельбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными оттѣнками шелковъ, такъ, что тканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Бидеръ безпреставно говорилъ: *eh bien, Monsieur, eh bien, qu'en dites vous?*

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ, Онъ родомъ Нѣмецъ,

1) Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріателемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

но забылъ свой природный языкъ; живеть со мною въ одной *Отелли*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Ирѣ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранить меня естыли гдѣ нибудь заплачу лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажкѣ пять лудировъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему *Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas démentir mon nom*¹⁾, отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ... *Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis trop sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossieretés, je vous en prie.*—Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери застрѣлился слуга господина N. Прибѣжали на выстрѣлъ, отворили дверь... несчастный плавилъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолеть; на стѣнѣ было написано: *quand on'est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devooir; а на дверяхъ: aujourd'hui mon tour, demain le tien.* Между разбросанными по столу бумагами нашлись стихи, разные философскія мысли и завѣщаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человекъ зналъ наизусть опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія, извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чтенія такихъ книгъ, и сдѣлался жертвою мечтательныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, такъ и нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая честность не позволяла ему тратить на то господскихъ. Въ завѣщаніи говорить, что онъ сынъ любви и весьма трогательно описываетъ нѣжность *второй матери* своей, добродушной кормилицы; отказываетъ ей 130 ливровъ, отечеству (*en don patriotique*) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ темни-

¹⁾ Бидеръ по Нѣмецки значить *добрый или честный*.

цѣ за долги 48, луидоръ тѣмъ, которые возмутъ на себя трудъ предать землѣ прахъ его, и три луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ *Британской Отели*. Комиссаръ нашель въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ». — «Три луидора отказаны мнѣ, сказала чувствительный Бидеръ: онъ былъ съ ребячества другомъ моимъ и рѣдкимъ молодымъ; человѣкомъ, вмѣсто того, «чтобы шататься по трактирамъ, ходилъ всякой день на нѣскольکو часовъ въ кабинетъ чтенія, и всякое Воскресенье въ театръ. Не рѣдко со слезами говаривалъ мнѣ: *Генрихъ! будемъ благородны сердцемъ! заслужимъ собственное свое почтеніе!* «Ахъ я не могу пересказать вамъ всѣхъ рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ самая умная «книга; а я, бѣднякъ, не умѣю сказать двухъ красивыхъ словъ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ задумчивъ, ходилъ повѣся голову, и любилъ разсуждать со мною о смерти. Дней шесть мы не видались: вчера узналъ я, что Жаку наскучила жизнь, и что въ свѣтѣ не стало одного «добраго человѣка!» — Бидеръ плакалъ какъ ребенокъ. Я самъ былъ сердечно тронутъ. Бѣдный Жакъ!.. Гибельныя слѣдствія полуфилософіи! *Drink deer or taste not, пей много, или не пей ни капли*, сказалъ Англичанинъ Попъ. Эпикететъ былъ слугою, но не убилъ себя.

Эрменонвиль.

Вереть тридцать отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было—благодѣяніе, послѣднее слово—хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ дружбою насажденныхъ, покоится прахъ... Туда спѣшать добрые странники, видѣть мѣста, священныя невидимымъ присутствіемъ Генія, —ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался—дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ—и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу-

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окру-

женъ болотами, глубокими и бесплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человекъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдалъ — и дикая лѣсная, пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссеневу картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила некогда *милая Габриель*, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію; воспоминаніе, которое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ перистилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумныя каскады: вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи — и вы читаете надпись:

Ища въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:
Здѣсь видъ богатыя Природы
Есть образъ щастливой свободы
И милой сердцу красоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревьямъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнью на дерновомъ канавѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсыяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ — *новой философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обрабатывалъ по своему таланту. Напримѣръ:

J. J. Rousseau — Naturam (Природу).
Montesquieu — Justiam (Правосудіе).
W. Penn — Humanitatem (Человѣчество).
Voltare — Ridiculum (смѣшное).
Descartes - - - nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустого).
Newton - - - lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храм посвященъ Монтаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей*; а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, что разумъ въ шкоть стьковъ возмужаетъ, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончить свое дѣло и воцарить истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальная воды, вѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ алтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата-гражданина за несогласное мнѣніе о Религии*. — На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняются Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикіе скалы, глубокой песокъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ вею... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а тѣснику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ*; а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ снѣгу его я съ милой взялся; я
Подъ снѣгу его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть счастливымъ! — Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ Жака Руссо, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ*. Тутъ, между многими девизами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ*¹⁾ — Идите далѣе, и

1) Короче: „кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ;“ но не такъ живописно.

дикость вокруг васъ мало по малу исчезаетъ; зеленая мурава, скалы покрытыя можжевеловикомъ, шумящiе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарiю, Мельеры и Кларанъ; вы ищете глазами Юлина имени, и видите его—на камняхъ и деревьяхъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по дугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается готическая башня *прекрасной Габриели*, и маленькая лодочка готова перевезти васъ. На дверяхъ башни читаете:

Здѣсь было царство Габриели;
Ей надлежало дань платать.
Французы изстари умѣли
Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннiя комнаты, напоминаютъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣли обожать славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался тишиною и сердцемъ своимъ въ объятiяхъ милой Габриели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
Percè de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle départie!
Malheureux jour!
C'est trop peu d'une vie.
Pour tant d'amour ¹⁾

И куда ни взгляните въ комнатахъ, вездѣ читаете *charmante Gabrielle!* Авторъ Седенъ сочинилъ *здѣсь* на голосъ этой пѣсни другую такую содержанiя:

Здѣсь Габриели страстной
Взоръ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ восторгъ приходитъ.
Отъ имени ея;
Оно на мысль приводитъ
Намъ добраго Царя

1) Вѣроятно, что послѣднiе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень прiятна.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный Музамъ и Спокойствію. Тутъ стремится ручей, подобный Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіянскаго Тибулла, *травы, цветы, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили*. Тутъ въ прохладномъ гротѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ воспоминайте
Петрарковы мечты!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разбѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя деревья; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie
Дружбѣ, бальзаму жизни

Подъ сѣнію одного дерева стоитъ канапе, съ надписью;

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля: слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, литература, слава, все ему наскучило: одна Природа сохранила до конца милоя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать

травы; 2 июля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: *comme la Nature est belle!* и закрылъ глаза на вѣки... Человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слоgѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благодати и красоту творенія!... Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, *île des reurliers*, осыненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ—и Харонъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакъ; сказываетъ, что Эрменонвильской цирюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельника никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранить два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать переводчика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастіе дѣтей ¹⁾.

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: *ici repose l'homme de la Nature et de la vérité*, здѣсь покоится человекъ истины и природы;

¹⁾ Переводъ одной изъ надписей.

а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля; наверху девизъ Жанъ-Жаковъ: *vitam impendere vero, жить для истины*. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: *hic jacent ossa J. J. Rousseau, здѣсь лежатъ кости Руссова*.

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злобныхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзения слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизь Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто-нибудь изъ новыхъ Авторовъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Рассказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Ело? Магометъ. Кто истинный? Руссо*. Французскій Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ за слугу Маркиза Жирардена: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Его, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Шантильи.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De Heros en Heros, d'âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи

въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скитается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также туманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты, подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террасы, *островъ Любви*, пріятный Англійскій садъ, хижинны, украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру воды и наконецъ латы *Орлеанской дѣвственницы*. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселился здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней казалось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ каскадовъ; музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быстрыми оленями. Такъ и восточные Государя не забавляли гостей своихъ.

Шантильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ алей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертвого, вздумали анатомить и безразсудный лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце — пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я писалъ въ Шантилиі прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ покрова, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ.
 Какъ правда сердцемъ обнаружень,
 Какъ Непорочность безоружень,
 Какъ постоянство некрылатъ,
 Онъ былъ въ Астрени въѣвъ. Уже мы не находимъ
 Его нигдѣ; но жизнь въ исавіи проводимъ.

Парижъ, Іюня... 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелестный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мужчинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ своимъ рассказала намъ печальный Ліонскій анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я. — «Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ.» — Охотно; но позвольте немного украсить. — «Ни мало. Скажите только, что отъ меня слышали». — Это слишкомъ просто. — «Истина не требуетъ украшеній». — По крайней мѣрѣ въ рассказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственной истины. — «Дозволяю. Сдержите же слово». — Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

АЛИНА.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность, сколь ты прекрасна,
Мила—но въ дѣйствіяхъ несчастна!...
Внимайте, нѣжныя сердца

Въ странѣ, укашенной дарами
Природы, щедрого Творца,
Гдѣ Сона свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые берега,
Сады, цвѣтущіе луга
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души Ангельской душой;
Плѣняла—и сама плѣнялась:
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣждой;
Какъ старецъ въ младости умень,

Любезенъ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенъ.
 Съ улыбкой гордой и надежной
 Себѣ подруги онъ искалъ:
 Увидѣлъ — вольности лишился:
 Алинѣ сердцемъ покорился;
 Сказавъ *люблю!* отвѣта ждалъ..
 Еще Алина словъ искала;
 Боялась сердцу волю дать,
 Но все молчаніемъ сказала. —
 Другъ друга вѣчно обожаютъ
 Они влялись чистосердечно.
 Но что въ минутной жизни вѣчно?
 Что клятва? — испранный обманъ!
 Что сердце? — вѣтренный тиранъ!
 Оно въ желаньяхъ своевольно,
 И самымъ щастьемъ — недовольно.

И самымъ щастьемъ! — Такъ Милонъ,
 Осыпанный любви цвѣтами,
 Ея нѣжнѣйшими дарами,
 Вдругъ сталъ здумчивъ. Часто онъ,
 Ласкаемый подругой милой,
 Имѣлъ видъ томный и унылой,
 И въ землю потушлялъ глаза,
 Когда блестящая слеза
 Любви, чувствительности страстной,
 Катилась по лицу прекрасной;
 Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
 Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
 Грудь тихо, тайно волновалась,
 И розы тѣли на устахъ.
 Чего ему не доставало?
 Онъ милой былъ боготворимъ?
 Прекрасная дышала имъ?
 Но веркъ блаженства есть начало
 Унылой томности въ душахъ;
 Любовь, восторгъ, холодность смежны.
 Увы! почтожь сей пламень нѣжный
 Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣть взоръ орлиный:
 Глаза чувствительной Алины
 Могли ль претѣны не видать?
 Могло ль ей сердце не сказать:
 „Уже твой другъ не любить страстно?“
 Она надѣется (напрасно!)
 Любовь любовью обновить:

Ее легко найти исканьемъ,
 Всегдашней ласкою, стараньемъ;
 Но чѣмъ же можно возвратить?
 Ничѣмъ? въ немиломъ все немило.
 Алина тоже, что была,
 И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
 Но чувство друга къ ней остыло;
 Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.
 Кто намъ пламенно любимъ,
 Кто прежде самъ любилъ насъ страстно.
 Тому быть въ тягость наконецъ
 Для сердца нѣжнаго ужасно!
 Милонъ не есть коварный льстецъ!
 Не хочетъ больше притворяться,
 Влюбленнымъ безъ любви казаться—
 И дни проводить розно съ той,
 Которая одна, безъ друга,
 Проводитъ ихъ съ своей тоской.
 Вы? несчастная супруга
 Въ молчаніи страдать должна...
 И скоро узнаетъ она,
 Что вѣтренный Милонъ другою
 Любезной женщиной плѣвненъ;
 Что онъ сражается съ собою,
 И, сердцемъ въ горестъ погруженъ,
 Винитъ жестокость злой судьбины ¹⁾.
 Ударъ послѣдній для Алины!
 Ахъ? сердце друга потерять,
 И щастію его мѣшать
 Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,
 Лютѣ всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
 Миръ хладный, жизнь противны ей.
 Она бѣжитъ отъ глазъ людей...
 Но горестъ лишь себѣ находить
 Во всемъ, вездѣ, гдѣ бъ ни была!...
 Алина въ мрачный лѣсъ приходитъ
 (Несчастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
 И видитъ храмъ уединенный,
 Остатокъ древности священный.
 Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
 И мраморъ желтымъ мхомъ покрываетъ;

¹⁾ Женщина, въ которую Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*, сама любила его; но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

Тамъ древность божеству молилась;
 Тамъ послѣ, въ наши времена,
 Кровь двухъ любовниковъ струилась:
 Известны свѣту имена
 Фальдони, нѣжныя Терезы ¹⁾;
 Они жить вмѣстѣ не могли,
 И' смерть разлукѣ предпочли
 Алина, проливая слезы,
 Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
 И мыслить: „Кто любя любимъ,
 „Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
 „Въ темницѣ и въ цѣняхъ онъ воленъ
 „Объ другѣ сладостно мечтать—
 „Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
 „Себя надеждою щастливой.
 „Неблагодарные! за чѣмъ
 „Въ жару любви нетерпѣливой
 „И въ изступленіи своемъ,
 „Вы Небо смертью оскорбили?
 „Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были
 „Столь милы, какъ... любовь моя!
 „Но щастьемъ полнымъ насладиться.
 „Измѣной вдругъ его лишиться,
 „И въ тягость другу быть какъ я...
 „Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
 „Лишь Богу одному судить...
 „Когда мнѣ здѣсь уже не можно
 „Для щастія супруга жить,
 „Могу еще, на зло судьбинѣ,
 „Ему пожертвовать собой!“

Вдругъ обнаружили въ Алинѣ
 Всѣ признаки болѣзни злой;
 И смерть приближилась къ несчастной.
 Супругъ у ногъ ея лежалъ;
 Невѣрный слезы проливалъ,
 И снова какъ любовникъ страстной
 Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
 (Но поздно!) говорилъ: „живи,

¹⁾ См. III Част. Писемъ Русск Пут. стр. 67. Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говорить или мыслить Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и который хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти несчастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

„Живи, о милая! для друга!
 „Я можетъ быть виновенъ былъ!“
 „Нѣтъ! — томнымъ голосомъ супруга
 Ему сказала: „ты любилъ,
 „Любилъ меня и я сердечно,
 „Мой другъ, благодарю тебя!
 „Но есть ли здѣсь ничто не вѣчно,
 „То какъ тебѣ винить себя?
 „Цвѣтъ счастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
 „Любви блаженство столь безвѣрно,
 „Что смертный былъ бы самый Богъ,
 „Когда бъ продлить его онъ могъ...
 „Ничто, ничто моей кончины
 „Уже не можетъ отворотить!
 „Последній взоръ твоей Алины
 „Стремится нѣжность изъяснить...
 „Но дай ей умереть счастливо;
 „Дай слово мнѣ — спокойнымъ быть,
 „Снести потерю терпѣливо
 „И снова для любви жить!
 „Ахъ! естля ты съ другою будешь
 „Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
 „Хотя Алину и забудешь,
 „Довольно для меня!.. Прости!
 „Есть мѣръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
 „Нѣтъ слезки, въ чувствахъ перемѣны;
 „Тамъ ты увидишься со мной,
 „И тамъ, надѣюсь, будешь мой!“...
 Навѣкъ закрылся взоръ Алины
 Никто не могъ понять причины
 Сего внезапнаго конца;
 Но вы, о мѣжныя сердца!
 Ее конечно угадали!
 Въ несчастъи жизнь намъ не мила...
 Спросили медиковъ: узнали,
 Что ядъ Алина приняла...
 Супругъ, какъ громомъ пораженный,
 Хотѣлъ идти за нею въ слѣдъ;
 Но гласомъ дружбы убѣжденный,
 Остался жить. Онъ слезы льетъ;
 И сею горестною жертвой
 Судь неба и людей смягчилъ;
 Живой Алинѣ измѣнилъ,
 Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!

Парижъ, Іюня... 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія просьбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человекъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: *allons, Mr. allons!* ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы . . . . .

Большая галлерія, столъ для Президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напротивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неопратно одѣтыхъ — съ растрепанными волосами, въ сертучахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человекъ, который ввелъ меня¹⁾ подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, позвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался среди залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре читалъ на каѳедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; и также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ ложи.» — А есть ли тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой, или куда вамъ угодно.» — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали чтобы Католическую Религію признать единственную или главную во Франціи. Мирабо оспоривалъ, говорилъ

1) Это былъ Рабо-Сень-Этьенъ.

съ жаромъ, и сказалъ: «я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медицисъ стрѣлялъ въ Протестантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста и закричалъ: «вздоръ! ты отсюда не видишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бывають весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Католической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя табакерки à l'abbé Maugu; отворите крышку, выскочитъ Аббатъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка.—Разскажу вамъ другой анекдотъ въ семь родѣ. Въ тотъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу *башмашника*, которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль*. вмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats,

Зрители были внѣ себя отъ удовольствія, и заставили актера десять разъ повторить: *l'argent cache ressortira*. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

Парижъ, Іюня... 1790.

Вы помните, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ *важны!*» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ перервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлами шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшныя споры о древней и новой Литтературѣ, которыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукистовъ, Пичинистовъ, Месмеристовъ, и

согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, вопреки его старымъ шиллингамъ, qui, a force d'être polis, n'ont plus d'empreinte ¹⁾—имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: *огонь, воздухъ*—и характеръ французовъ описанъ. Я «не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе вашего. Кажется, «будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдуманно общежитіе*: столь «мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія со- «ображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется «въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ при- «ласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. «Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться «ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. «Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но «послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ ино- «странецъ часто забывается, что онъ не между своими. Гово- «рять, что здѣсь трудно найти искреннаго, вѣрнаго друга... Ахъ «друзья вездѣ рѣдки; и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто по- «добно *Кометѣ, являясь исчезаетъ*? Дружба есть потребность «жизни; всякой хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все чего «по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, Французъ «предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ *букетомъ цвѣтовъ*. Вѣтрен- «ность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его ха- «рактера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами «души, *происходящими* ²⁾ нѣкоторымъ образомъ отъ сего са- «маго порока. Французъ не постояненъ—и не злопамятенъ; уди- «вление, похвала, можетъ скоро ему наскучить: ненависть также. «По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за «то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою—и даже плачетъ, «еслили надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни «его. Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ «Французъ радуется остроумному слову. Чувствителенъ до крайности,

¹⁾ Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ Qui tiennent à ce même défaut.

«страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники не постоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служитъ Революція. Жаль, если эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, «любезнаго!»

Это писано для Дамы, и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала: *сверный варваръ!* если бы я сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безопасный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Любницы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ; тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда-нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторіи ¹⁾, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго! Можетъ быть тогда все темное для меня изяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю человечество; или закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою...

Прости, любезный Парижъ, прости, любезный В*! Мы роди-

¹⁾ Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія.

лись съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ; увидѣлись, и три мѣсяца не разставались. Сколько приятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сень-Жерменской *Отелл* читая привлекательныя мечты единосемца и соученика твоего Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую Комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ приятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранить нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственно съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоёмъ или моемъ отечествѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны ¹⁾!

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ на шелъ челоуѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодѣяніемъ Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни приятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слушать умное и любопытное; но людямъ нѣкоряго роду надобно подобные имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствія. Провести тамъ около четырехъ мѣсяцевъ, есть, по

¹⁾ Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія, вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммисією отъ Двора своего—письмо дружеское и любезное. Мнѣ приятно напечатать здѣсь нѣкоторыя его строки: *Je vous salue, mon cher ami, de me répondre le plutôt pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и проч.* Онъ женился на молодой, любезной женщицѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала Романъ, который долго считался твореніемъ славнаго Гете: потому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

словамъ одного Англійскаго Доктора, выманить у скупой волшебницы, Судьбы; очень богатый подарокъ. Почти всё мой земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее; ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

Го-Бюисонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы—въ Пикардіи зелены—окрестностяхъ Булони все еще цвѣтеть и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ—и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо блѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцатъ отъ почтоваго двора,—смотрю черезъ луга и поля на синѣющеея вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта—тамъ необозримое море—конецъ земли—Природа хладѣетъ, умираетъ—и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовый дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постельйоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя ўзы отечества, родство и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе—чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!..

Дикой, переселенной изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность—видитъ, и плѣняется;—

но через минуту очарованіе исчезаетъ—хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалашы лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету—черезъ часъ будемъ въ Калѣ.

Кале, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора.—Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню (котораго домъ есть самый лучший въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. „Что вамъ надобно, государь мой?“ спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. „Комната, въ которой жилъ Лаврентій Стернъ“¹⁾, отвѣчалъ я.—„И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французскій супъ?“ сказалъ Офицеръ.—„Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я.—„Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?“—„Гдѣ жаръ челоуколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ.—„Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха?“²⁾—„Гдѣ приходилъ къ нему отецъ Лорензо съ кротостію святаго мужа.—„И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?“—„Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому Адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ.—«Государь мой, эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью».

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина и держала въ рукахъ книгу—вѣрно *Sentimental Journey*!

Благодарю васъ, государь мой—сказалъ я словоохотному Французу: но естли позволите, то я спросилъ бы еще.—„Гдѣ тотъ каретный сарай, прервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?“—„Гдѣ онъ помирился съ

1) См. *Sentimental Journey*, Стерново путешествіе. Оно переведено на Руской, и напечатано.

2) Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йориково путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ.

отцомъ Лорензомъ и... съ своею совѣстію.—„Гдѣ Йорикъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?“— Но которая была ему дороже золотой и брилліантовой.—Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а вълючъ у Господина Дессеня, который теперь... у вечерни.»— Офицеръ засмѣялся,—поклонился и ушелъ.—«Господинъ Дессенъ въ Театрѣ,» сказалъ мнѣ другой человекъ мимоходомъ. «Господинъ Дессенъ на караулѣ (сказалъ третій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.»—О Йорикъ! думалъ я—о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессенъ Капраломъ! Дессенъ въ мундирѣ! Дессенъ на караулѣ! Grand Dieu!—Смерклось, и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Камѣ? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ—и Англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Дома не высокіе,—въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напитанъ сыростью и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отменно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человекъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ Каналъ, и намѣрены странствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіанецъ, великой говорунъ и великой трусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ рассказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, который пугаетъ Царя Альциноя повѣствованіемъ о страшныхъ небывлицахъ¹⁾. Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самую лучшаю du meilleur! du meilleur!* и розовое Шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо аяло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренный другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ, велѣлъ подать себѣ бутылку—*du meilleur! du meilleur!* Пре-

¹⁾ См. Одиссею.

красное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня! доказывалъ убѣдительною образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи¹⁾. «Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, что Нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. *Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!*» — Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ: но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу, и послалъ его напомнить Британцамъ, что они не одни въ трактирѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишетъ болѣе — простите!

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакетъ-ботъ нашъ не отвалитъ отъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернъ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ табакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву. — Патеръ Лорензо! другъ Йорикъ! (вздумалъ я, облокотившись на одинъ мшистый камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ сибѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спрятавъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — естли волны морскія не поглотятъ меня вмѣстѣ съ ними! — Простите!

Пакетъ-ботъ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ пресильной, многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ отдаленіи.

¹⁾ Такъ говорить Миеологія.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на Пакет-ботъ молодой Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ.—Лади и миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шести-лѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ!—Ахъ я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Лади занемогла морскою болѣзнію—Лордъ также—ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сорвалъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ничто не помогало! Бѣдная Англичанка, смѣтря на меня умильными и томными глазами, говорила: *Je suis mal, très mal; ma poitrine se déchire—Dieu! je crois mourir!* *мнѣ дурно, очень дурно, грудь моя раздирается—я умираю!*—Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу—я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ; видя многія неприятныя явленія, которыя бывають всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу, и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца—кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговаривають между собою.—«Что-то мы увидимъ въ Англіи! сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пути.»—Думаю, отвѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!—«Гдѣ лучше Вейндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живетъ Анята.»—Правда, отвѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Анята. Не далеко оттуда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою.—«Ахъ! не далеко! отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ.»—«Еще шесть или семь мѣсяцевъ,»

сказалъ одинъ, взявъ товарища своего за руку—Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой, и мы въ Германіи!—«И мы на берегу Рейна!»—«И мы въ Вейндорфъ!»—«Тамъ, гдѣ живетъ Анята!»—«Тамъ, гдѣ живетъ Лиза!»—«Дай Богъ! дай Богъ!»—сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открывается Дувръ и высокія башни, въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности плователей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчанья равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ унести насъ далеко въ необозримостъ морскую—еще опасность не миновалась—еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты, и погрузиться въ шумящей безднѣ! Тогда... adieu!

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, я въ Англіи—въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы.—Здѣсь все другое: другіе дома, другія улицы, другіе люди, другая пища—однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ дома изъ кирпичей, покрыты черепицею, и некрашенные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ который для меня весьма непріятенъ; улицы широки и отмынно чисты; вездѣ *тротуары* или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ—и на каждомъ шагу—въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ—встрѣчается вамъ красавица въ черной шляпкѣ, съ кроткою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты—и путешественникъ, который не плѣнится молодивными Англичанками; который—особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ—можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести,

долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «если ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала».—Англичанокъ неззя уподобить разомъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны— но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, отъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые отбѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умлю любить тѣжно*— Милыя, милыя Англичанки!—Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсидныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному страннику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису¹⁾. Ахъ! какой Мениторъ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опасную Англію, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ нестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и милліоны пѣнистыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая сестра его, вышли на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!»—Они дали мнѣ свой лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

¹⁾ Известно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсиду Нимфу, Эвхарису, не тужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-бота»; другой: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю»; третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестой—всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любятъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнять Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакет-бота въ таможеню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я осмотрщикамъ: и если вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ» — «Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) намъ должно все видѣть.» — Я отперъ, и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фракы. «Теперь, сказали они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были снисходительны или нашли у меня что-нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплатилъ три шиллинга. — И такъ Англіійскіе таможенныя приставы умѣютъ строго исполнять свою должность, и притомъ... наживаться!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англіійскую кухню. Какая чистота! На полу нѣтъ ни пятнышка; кастрюли, блюда, чаши—все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменные уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «Видь Французской кухни нерѣдко отнимаетъ аппетитъ; видь вашей кухни производить его.»

Ужинъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей. Простите! Теперь полночь.

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четверомѣстную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькиихъ красавицъ (въ чистыхъ, бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою сѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ верѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ, выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабриолеты—однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи?—Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бъ мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждахъ четырехъ верстахъ перемѣняли мы лошадей; но, несмотря на то, что постильоны или кучера, coachmen останавливаются раза три пить въ трактирахъ—и никто не смѣетъ имъ сказать ни слова.

Въ Бантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по-Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-Англійски,

то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату; но мнѣ подали вялую траву, облитую уксусомъ; Англичане не любятъ никакой зелени, *Рост-бифъ, бифъ стексъ* ¹⁾ есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и не рѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* ²⁾ можно прибавить еще двѣ другія: вѣчный туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго замка, построеннаго на высокомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть нѣсколько городовъ, множество деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ щастливъ долженъ быть хозяинъ этого дому!» сказала наша сопутница, пожилая француженка. „Нѣтъ, отвѣчалъ молодой Кентской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ: блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлаютъ человѣка благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна“. — Англичанинъ разеказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самого младенчества носилъ на лицѣ своихъ печать меланхоліи—и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ, пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ этотъ огромный замокъ, построенный и украшенный отцомъ его, и не смотря на всѣ ласки на всѣ вѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Лади, живучи съ нимъ, страдала и томилась, *semblable à ces flambeaux, à ces lugubres feux, qui brûlent près des morts sans échauffer leur cendre.*—Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, превелъ въ густоту парка и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое, мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей; мнѣ должно умереть—прости!* Въ самую сію минуту несчастный Лордъ прострѣлилъ себѣ голову и упалъ мертвой къ ногамъ оцѣпѣвшей

¹⁾ Жареная и битая говядина.

²⁾ То есть, меланхоліи.

жены своей.—Уже два года покоится въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова блялась не выезжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробъ супруга, который былъ неизъяснимымъ феноменомъ въ нравственномъ мірѣ.» Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествіи; я молчалъ.

Верстѣ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполь церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него—такъ казались издали—подымался сквозь дымъ и мглу тонкой сысокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древне готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими йерквами и башнями; вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. Надобно было спускаться съ гяры: я вышелъ изъ кареты—и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Есть-ли бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя карабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоятъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя широкія, гладко-вымощенныя улицы: большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, на-

тертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; непрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ—образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ бѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ, выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ—Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человекъ тащится въ сверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣнота, здѣсь все сухо и гладко—вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человекъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности*—вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало итти куда-нибудь съ своимъ чемоданомъ—куда же? Однажды, всходя въ Парижской Отели своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 номерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ обыкновеннаго духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что ду-

ховника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего прїѣзда въ Лондонъ!.. Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ трактирѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человекъ, и согласится раздѣлить ее съ вами». Товарища моего не было дома, въ горницѣ не нашелъ я ничего кромѣ постели, гитары, картъ и... а *blas pair of silk breeches* 1). Въ ту же минуту явился Англійскій парикмахеръ, толстый фрегатикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою... я уже не въ Парижѣ, гдѣ кость искуснаго веселаго Ролета 2) подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій араматный иней! на мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только сухари*, печь Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: *I dont understand you, Sir; я васъ не разумю!* И большой человекъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселить, бездѣлица огорчаетъ его: толстой Лондонской парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ мою душу. Надѣвая на себя Парижскій фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакъ въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи... Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ, здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другаго, и куда не взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, непрерывную нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, который, въѣхавъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ для его прїѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало пенсіи на *лунной свѣтъ* 3); гордый Британецъ смѣется,

1) Съ которыми отправился Йорикъ во Францію, какъ извѣстно.

2) Имя моего Парижскаго парикмахера.

3) Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

звучить въ карманѣ гинеями, и велить Питту зажигать фонари за свѣтло.

Я люблю большія города и многолюдство, въ которомъ чело-вѣкъ можетъ быть уедине нѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ предо мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатленія, люблю теряться душою въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ,—думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ мириадами другихъ атомовъ обращается въ вихрѣ предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственной, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ тебѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей—но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родился Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать.—Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями теряемъ *чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловить главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и то, что при долгомъ *повторительномъ* разсматриваніи затемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, если бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ картинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня,

Бто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. *Многомуденъ*, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Естли бы отъ времени до времени стукъ каретъ не

потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я выходилъ въ разные кофейные дома: двадцать, тридцать человекъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо естли въ 10 минутъ услышишь два слова—какія же? *your health, gentleman! ваше здорovie!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Ораторы ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностью предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями, Онѣ ходятъ какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки выставяясь изъ-подъ кисейной юбки едва касаются до камней *троттуара*; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остъ-Индская *Шаль*; и на Шаль, изъ-подъ шляпки, свѣтлые локоны. Англичанки по большей части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ? Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ ни случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Натуры. Правда, что такія гнусныя физиогноміи встрѣчаются только въ низкой чернѣ Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густонасаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ, Питтъ, въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажите, друзья мои, нашему П, обожателю Англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину *синихъ* фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человекъ, которые встрѣтятся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое; остальные наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

Лондонъ Июня... 1790.

Я не видалъ еще ни кого въ Лондонѣ, не успѣлъ взять денегъ у Банкира, но успѣлъ слышать въ Вестминистерскомъ Аббатствѣ Генделеву Ораторію, Мессію, отдавъ за входъ послѣднюю гинею свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Кантелло, Стораче, извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія трогательныя аріи! гремящія хоры! быстрыя переменны чувства! Послѣ священнаго ужаса вселяемаго арією *who shall stand when he appears* ¹⁾, вы въ восторгѣ отъ хора: *arise, shine, for thy aight is come* ²⁾. Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: *he was a man of sorrows, and acquainted with grief* ³⁾. Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производятъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: *who is the king of gloru?* Другой: *The Lord, strong and mighty.—Who is the king of glory The Lord of Hosts* ⁴⁾

¹⁾ Кто устоятъ предъ лицомъ Его, и проч.

²⁾ Возстанъ и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

³⁾ Онъ испыталъ горестъ, узналъ печаль.

⁴⁾ Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know that my Redeemer lives—и дуетъ съ Пакклеротти: O Death, where is thy sting? O grave, where is thy victory ¹⁾? Я слышалъ музыку Перголезіеву, Йомелліеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессією. И печально и радостно, и великолѣпно, и чувствительно.

Ораторія раздѣляется на три части; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушатели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семействомъ. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимаго не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамилією вшелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вотъ нашъ добрый Джорджъ съ добрыми дѣтьми своими! Я нарочно наклонюсь, чтобы вы могли лучше видѣть ихъ». Это мнѣ очень полюбилось, и полюбилось бы еще болѣе, если бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу.— Вотъ другой случай; къ намъ вошла женщина съ *адффиами*, и втерла мнѣ въ руки листочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Старшій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщинѣ, говоря: «ему не надобно; ты хочешь отнять у него деньги; это стыдно. Онъ иностранецъ, и не умѣетъ отговориться». Хорошо, подумалъ я: но для чего ты, господинъ Британецъ, вырвалъ листокъ съ такою грубостью? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здоровый, никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно милыя. Принцъ Валлисской хорошій мужчина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человекъ въ сѣренькомъ фракѣ,

1) Живъ, живъ Спаситель мой!.. О Смерть! Гдѣ твое жало? Могла! гдѣ побѣда твоя?

видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человекъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ единственно честолюбиемъ, имѣя цѣлю пользу своего отечества; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патріотами—однимъ словомъ, Вильгельмъ Питтъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожь изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку—говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подлѣ него—но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго.—Слышавъ Генделя и видавъ Питта, не жалѣю своей гиней.

Эта Ораторія дается каждый годъ, въ память сочинителю и въ знакъ признательности Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент-Джемской паркъ—нѣсколько изрядныхъ липовыхъ алей, обширный лугъ, гдѣ ходятъ коровы, и болѣе ничего!

Лондонъ, Іюль... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ—и болѣе никого. Одинъ мужчина съ тремя женщинами! какъ страшно или весело! Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами, а служанка успѣла уже рассказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ павился ею, и скоро будетъ счастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приносить она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее странной: напримѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клеменсину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дуροю. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для

меня... самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперекъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстѣ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большей части свободные достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матросы: тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ Биржа; улица тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагѣ плѣняетъ глаза въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ напримѣръ Нева въ Петербургѣ, или Рона въ Лионѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроенъ скверными домами, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ несчастію въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатая лавки, магазины, наполненные всякаго рода товарами, Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ тутъ запасено на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуетъ сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, нравственнаго сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнию.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ; вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *троттуары*, которые по-Русски можно назвать *намостами*; ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая предъ своимъ домомъ), такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намоствѣ*; а именно то, что безпрестанно

видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются; а днемъ не всегда; и еслии вы хотя мало задумаетесь, то можете упасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое отверстіе служить окномъ для кухни, или для какой-нибудь Таверны; или тутъ ссыпаютъ земляные уголья; или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе дома строятся съ подземельною частью, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія-нибудь, очень несвѣтлыя горницы для слугъ; служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе, но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ приходившихъ къ хозяину или хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parloir; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты.—Воротъ здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда бываютъ заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же бываютъ самые маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большей части отдають здѣсь на выстройку: возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, еслии бы Лондонъ при такихъ широкіихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.

Не скоро привынешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами.

Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь? Брожу по улицамъ; люблюсь, какъ на вѣчной ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами, смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставляемыя на дверяхъ въ *эстампныхъ кабинетахъ*, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякій случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ карриатуру. Напримѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссорится съ Мадридскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожъ представляетъ карриатура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпанскаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу.—Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славные пироги и конфеты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, естъли аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыра берутъ также рубля два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете?—Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла, Г. С. Р. В., человѣка умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человѣкъ пять или шесть, по большей части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронить своего Двора; за то Питтъ и Гренвиль очень уважають его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бывають безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ во фракъ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сюртукъ; подають чай—высылають слугу—и, сидя на диванѣ, рѣшать важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носить всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, который отличаетъ его отъ всѣхъ Лондонскихъ жителей: потому что здѣсь никто кошельковъ не носить. На гѣто нанимаетъ онъ прекрасной сельской домъ въ

Ричмондъ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакстеръ, Конеулъ, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлость и ловкость; за каждую берейтеръ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ усади убѣжища. Я осмѣлился съ одной изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non—и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами? У насъ всякой, кто умѣетъ только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французскій языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-Русски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? Зачѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, которые хотятъ быть Французскими Авторами. Бѣдныя! они щастливы тѣмъ, что Французъ скажетъ объ нихъ: pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!

Извините, друзья мои, что я такъ разгорячился, и забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду — совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Ростбивъ, *потаты*¹⁾, пудинги и рюмка за рюмкой Кларета, Мадеры! Мущины пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бутылокъ; снова пить—*тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ *въчуждый миръ и цвѣтущая торговля!* Англичане мои сильно хлопали рукою по

¹⁾ Земляныя яблоки.

стулу, и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые, пошли къ Дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мѣѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ. Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгораченіи?

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ и гнушался людьми.

Лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ, но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* ¹⁾ здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище, *Justice-Hall* гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, *Журу*, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте палму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возглашаетъ ему свободу, если доносъ оказывается не основательнымъ; въ противномъ же случаѣ обяываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый *Шерифомъ*, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый вы-

1) То есть: «нѣтъ въ свѣтѣ хорошихъ темницъ».

пускается; а если признают, то начинается формальное дѣло— такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочешь быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества». Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12 и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они почему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человекъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей—и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что нибудь еди одушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово *виноватъ* или *не виноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой аппелляціи. Если скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англии не будетъ наказано и самое важное преступленіе, если законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человекъ, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Рассказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово *виноватъ*! двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. «Не знаю, отвѣтилъ онъ: но видъ этаго человекъ говорить моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода нежели

обвиню» Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ виновенъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгать, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большей части важные преступники и требовали подавнія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелокъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изблеченныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованія: «государь мой! разсыпьте вокругъ себя гиней; ихъ здѣсь не тронуть: таковъ заведенный мною порядокъ»—Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полиціеймейстеромъ? спросилъ я, и въ доказательство, что вѣрю ему, спряталъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. —Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *господинъ* «воръ, здѣсь *госпожа* фальшивая монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хватался передъ нами обширностью своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человекъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Пріятное и томное лицо его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и—любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники; они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое со-сѣдство ужасно! И добрый человекъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ ¹⁾? Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ кажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ честью *повышены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко? «Мы любимъ свое отечество (говорять они) и не терпимъ дурного общества.»

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча ²⁾, или темницы для неплатящихъ должниковъ,—описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англomanъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные дома, которыхъ содержатели сами за долго содержатся въ Кингс-Бенчѣ—это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нифмы Венерины, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ бѣднякъ или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Послѣднее спасеніе для дѣвицы или вдовы, ко-

¹⁾ Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

²⁾ Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

торая не можетъ удовольствоваться своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужество.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другого роду—пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ—и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя весьма живо представляютъ *безуміе печальное и свирѣпое*... «Это Бедламъ!» скажите вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинные галлереи раздѣлены желѣзною рѣшоткою: на одной сторонѣ женщины, на другой мужчины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманіемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучекъ, третья хотѣла слухъ пудру съ головы моей—и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сумашедшія отъ любви, сказалъ надзиратель: онѣ всегда смиренны и молчаливы.» И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще *всю душу! сонъ для внимательныхъ предметовъ* все еще продолжается!.. Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ рассказали ея исторію. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: несчастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить—и когда день пройдетъ, она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе!—Многіе изъ мужчинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою, и безпрестанно палить ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четверенькахъ. Бѣшеные сидятъ особливо, иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется, и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я щастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ того укусить. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за

нѣщастными достойны удивленія. Между комнатами слѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми Медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно нужныя лекарства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзиратель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самыя смиренныя изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ: «это старья.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнял свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ другомъ свѣтѣ; что у васъ старо, то у насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійскій Трагикъ Ли. Можетъ быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу; задумался и сказалъ: «Мой другъ! хочешь ли быть вмѣстѣ со мною безсмертнымъ? Бросимся съ этой террасы: тамъ внизу, на острыхъ камняхъ, ожидаетъ насъ славная смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудрено броситься сверху; гораздо славнѣе сойти «внизъ», и оттуда вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой. —

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда-нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Муцина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ тогда въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, по

бывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая любитъ *воображеніемъ*; одна угадываетъ, другая воспоминаетъ—но я право не удивлюсь теперь, если покажутъ мнѣ десяти или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мужины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Альцибіадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? Возьмемъ въ примѣръ и славолубіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всемъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи давали убивать себя, и что Курціи бросались въ пропасть: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолубія участвовалъ въ ихъ героизмѣ¹⁾. Тогда же войны были *народныя*; всякой дрался за *свои* Аѳины, за *свой* Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служитъ волонтеромъ въ Русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираетъ: вотъ славолубіе.

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь .. въ домъ сумасшедшихъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и если въ Европѣ хотя одна Христіанская Секта, которой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные Пресвитеріане, Соціане, Унитане, Квакеры, Герригаторы; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, которые не принадлежатъ къ главной или Епископской церкви, называются Диссентерами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой Секты—и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакеровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь; голыя стѣны лавки и кафедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки

¹⁾ О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

ни на одной не увидите; мужчины въ темныхъ кафтанахъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдетъ съ постнымъ лицомъ, ни на кого ни взглянетъ, ни кому не поклонится, сядетъ на мѣсто и углубится въ размышленіе. Вы знаете что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, которые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный стремится на кафедру, говоритъ отъ полноты сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходитъ часъ, другой: царствуетъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка перерывается... кашлемъ. Всѣ физиогноміи покойны; ни кто не кривляется; многіе засыпаютъ—и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь—смотрю на часы: три — а все еще никто не говорить. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю—наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія, и ухожу ни съ чѣмъ!—Господа Бвакеры впередъ вы меня не заманите!

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвероугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка ¹⁾ съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лесть и ложь: *отцу отечества лучшему, изъ Королей, утѣхъ рода человеческого*, и проч. Кругомъ вездѣ Амурь, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно что, Карлъ II *любилъ любить*. Стоя на этомъ мѣстѣ куда ни взгляните, видите галерею, гдѣ, подъ аркадами, собираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не

¹⁾ Сверчекъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ: когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и караблю плыть въ новый Йоркъ или за мысь Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжать, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть, куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онѣ вписываются для любопытныхъ, и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы торгующіе съ Россією; всѣ они жилали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар*, Членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведскій Баронъ Сил*, человекъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь мой¹⁾; храмъ Наукъ есть «храмъ мира.» Я засмѣялся и мы обнялись побратски; а Г. Пар* закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человека пришли въ ученое собраніе цѣловаться!.. Профаны! вы не разумѣли нашей Мистики; вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и по что тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ, на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ

1) Тогда была у насъ война со Швецією.

Президентъ Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли. Секретари читали переписку, по большей части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ но съ великою скромностію. — Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар^{съ} подвелъ меня къ Президенту, который дурно произноситъ, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ человекъ тихой, и для Англичанина довольно привѣтливой.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вещей, какъ Парижъ, однакожь есть что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видѣлъ у Г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, которыхъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлерей*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патріотическую ревность для произведенія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы его, такъ и для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлерей, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо Шекспира, почти не имѣя нужды справляться съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе

правится мнѣ работа Фисли, стариннаго Лафатерова друга¹⁾; онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, и съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто*, а *local habitation and a name*, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Если бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы, также очень хороши и выразительны.—Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно вторая въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію, вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стиль* о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже ни скажу ни слова о величественномъ куполѣ. Все это превозносится и знатоками и невѣждами. Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронтонѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени, съ Латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенномъ пожаромъ. Окружающій ее балюстрадъ считается первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она сжата со всѣхъ сторонъ зданіями, и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закоптилъ его снизу до самаго золотого шара, служащаго ему короною! Вошедши во внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего вожаго, на середину церкви, и остоновясь подъ

1) Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искусству, пересталъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говорить объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что другъ вашъ, пораженный величествомъ храма, былъ въ восхищеніи! Нѣтъ, мысль, которая вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испортила: «что значать всѣ наши своды передъ сводомъ неба? сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія? но есть ли Искусство самая безстыдная обезьяна Природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величїи!» Между тѣмъ Чичероне мой говорилъ: «смотрите на эту горлую аркаду, на щиты, на феестоны, на всѣ украшенія; смотрите на живопись купола, на славные органы, на колонны галлерей, и согласитесь, что вы не видали ничего подобнаго!» — Въ такъ называемомъ Хортъ сдѣланъ тронъ для Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лонданскаго Лорда-Мера... Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь прїятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и пѣнялся во глубинѣ душѣ моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ платѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармонїи человѣческихъ голосовъ? Эта непосредственный органъ божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ известно, всего дороже философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ: — Служеніе кончилось, и вожатый предложилъ мнѣ идти въ верхнія галлерей, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизь задохнулся и сѣлъ на первой галлерей; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались трудныя ступени, темныя, узкіе переходы. Маркиза не отставала и кричала мнѣ: *дамте! Montez toujours!* Я былъ на Страсбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но усталъ до смерти, и если бы не постыдился женщины, то отказался бы отъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва не подъ самый крестъ: наконецъ... *pes plus ultra!* остановились и забыли свою усталость. Прекрасный видъ! весь городъ, всѣ окрестности передъ глазами! Лондонъ кажется грудю блестящей черепицы; безчисленные мачты на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; роци и парки гус-

тою крапивою. Мы пробыли съ часъ, и Французенка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Англіи, говоритъ она, надобно только *смотреть*; *слушать* нечего. Англичане прекрасны видомъ, но скучны до крайности; женщины здѣсь миловидны, и только: ихъ дѣло разливать чай и нянчить дѣтей. Парламентскіе ораторы кажутся мнѣ Иадѣйскими пѣтухами, Шекспировы трагедіи игрищами и похоронами; здѣшніе актеры умѣютъ только падать. Все это несносно: не правда ли?» Я боялся противорѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, которая и безъ того была въ страшномъ движеніи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опасности и говоря безъ умолку. — *Craignez de faire un faux pas, madame. — «Ahl les femmes en font si souvent!» — C'est que les chûtes des femmes sont quelque fois très aimables. — «Oui, parce que les hommes en profitent». — Elles s'en relèvent avec grace. — «Mais non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours. — La douleur d'une belle femme est une grace de plus. — Et tout cela n'est que pour servir sa Majesté, l'homme». — Ce Roi est souvent détrôné, Md. — „Comme notre bon et pauvre Louis XVI: n'est ce pas? — A peu près, Md. —* Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галерею, гдѣ Маркизь сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись странною игрою звуковъ. Станьте въ одномъ мѣстѣ галереи, и скажите что нибудь очень тихо: стоящіе вдали, напротивъ васъ, слышатъ ясно каждое слово ¹⁾. Звукъ чуднымъ образомъ умножается въ окружности свода, и скрипъ двери кажется вамъ сильнымъ ударомъ грома. Откуда прошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, которою Архитекторъ Св. Павла, Христофоръ Рень (Wren), весьма радовался, но которая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досаловалъ, спорилъ и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, которая черезъ

¹⁾ Это напомнило мнѣ Парижскую Salle du secret.

400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублией.

Лондонская крѣпость, Tower, построена на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англійскихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною темницею; а теперь въ ней монетный дворъ, арсеналъ, царская кладовая—и звѣри!

Я не давно читалъ Юма, и память моя тотчасъ представила рядъ несчастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англїи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Католики умерщвляли Реформаторовъ, Реформаторы Католиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патриотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотѣ! Какое остервененіе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ читая ихъ Исторію? Какіе Парламенты! Римской, Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ, а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно путается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человѣкъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ говоритъ дѣло или молчать. Сколь бессмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, столь умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, который по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ эшафота своею Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма завоевателя еще цѣлъ и называется *бѣлою башнею*, white tower: зданіе безобразное и варварское! Другіе короли къ нему пристраивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранятся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англій, разбишаго славную Гишпанскую *Армаду*. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго рода оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней;—воображалъ ту минуту, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милостію простирая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!*—Я воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветиныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ они единодушно отвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!*.. Замѣьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Оттуда пошли мы въ большой арсеналъ... прекрасный и грозный видъ! Стѣны, колонны, пиластры, все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово—и 100,000 человекъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ.—Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлерей, стоитъ *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена въ разныя времена отнятыя Англичанами у неприятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ; каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоценныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ; скипетръ, такъ называемые *мечи милосердія духов-*

наю и *временнаю правосудія*, носимые передъ Англійскими Королями въ обрядъ коронованія — серебряныя купъли для царской фамилии, и пребогатый *государственный отънецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентъ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣлаютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская *Тайная*, и вамъ говорятъ: *сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ!* Мы видѣли кучу гиней; но Г. надзиратель не постыдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

Сентъ-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотри на него, пышный человекъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также ничего нѣтъ царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, отчасти работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славныя Рафаэлевы картины или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго, два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, который занявъ для покупки сего драгоценнаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разныя чудеса изъ Новаго Завѣта; фигуры всѣ въ человѣческой ростъ. Художники считаютъ ихъ образцомъ правильности и смѣлости.— Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожъ не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уайтъ-галъ (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей—сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семь зданіи показываютъ закладеное окно, изъ котораго несчастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его¹⁾.

¹⁾ Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ

Адмиралтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они рассылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ, который еще не достроенъ и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Комисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначей, Секретари, и проч. Архитектура очень хороша и величественна. — Еще замѣтны дома Бетфордовъ, Честерфильдовъ, Деворшинскаго Герцога Принца Валлискаго (который даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдаютъ поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

Виндзоръ.

Земляки мои непременно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приноситъ хозяину иногда болѣе Остъ-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи — «Лошадей!» — *А идѣ ихъ взять? вѣсь въ разонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приотвѣлены для друицъ; для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пылъ. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ

его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, который продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи: но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

птицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! думалъ я: обсыпайте насъ пылью; но зачѣмъ смѣяться?—Иные кричали даже: «добрый путь, господа! видно, по обѣщанію!» — Но Русскихъ не такъ легко унижить; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и въ 5 часовъ, своротивъ немного съ большой дороги, вступили въ Виндзорской паркъ...

Thy forests, Windsor! and thy green, retreats,
An' once the Monarch's and the Muse's seats

Роре.

Мы сняли шляпы... вѣря Поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь (говоритъ онъ) являются боги во всемъ своемъ великолѣпіи; здѣсь Панъ окруженъ безчисленными стадами, Помона разсыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга, и дары Цереры волнуются какъ необозримое море»... Описаніе Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя ален, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзорскомъ паркѣ!—Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнію, гдѣ пѣли надъ нами всякаго рода лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество!—Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу береговъ унылой Ледоны, гдѣ, по его словамъ, часто купалась Цинтія—Діана...

Изъ юныхъ Нимфъ ее дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ пльняя, не пльнялась;
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля птицъ, звѣрей, утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струястыхъ волосахъ;
Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ.
И мѣткое копьё¹⁾ за серною свистаю.

1) Легкія копьа, съ которыми изображаются Діаннины Нимфы, были брошены въ звѣрей,

Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ
 И сердце у него желаньемъ воспыладо.
 Она бѣжить... къ любви предметъ бѣгущій милъ,
 И Нимфа робкая стыдливостью своею
 Для дерзкого еще прелестнѣе была.
 Какъ горлица летить отъ хищнаго орла,
 Какъ яростный орелъ стремится въ слѣдъ за нею,
 Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ —
 И ближе, ближе къ ней... Она изнемогаетъ;
 Слаба, блѣдна... въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ.
 Уже тѣнь Панова Лодону настагаетъ,
 И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
 Дыханіе его какъ вѣтеръ развѣваетъ
 Ей волосы... Тогда, оставлена Судьбой,
 Въ отчаяннѣ своемъ несчастная, къ богинѣ
 Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
 О Цитіа! меня; въ дубравы принеси,
 На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
 Стенаю горестно, и слезы лью ручьемъ!»
 Исполнилось... и вдругъ, какъ будто бы слезами
 Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
 Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
 Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
 Чистъ, хладенъ какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаемъ,
 Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
 Діана моется въ его водѣ кристальной,
 И память Нимфина донынѣ ей мила:
 Когда вообразить ей конецъ печальной,
 Струи сливаются съ богининой слезой.
 Пастухъ задумавшись журчанью ихъ внимаешь;
 Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаешь
 Луну у ногъ своихъ и горы внизъ главою,
 Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
 И воду свѣтлую собою зеленащихъ.
 Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
 Лодона тихая едва, едва струится:
 Но вдругъ, быстрѣ ставъ въ теченіи своемъ,
 Спѣшать съ отцомъ ея навѣкъ соединиться¹⁾.

Извините, если переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчаніе Лодоны, я вздумалъ рассказать ея исторію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ Windsor-Forest; наприимѣръ, частіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца

1) Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

Музь: описаніе бога Тамеса, который, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословить миръ и предсказываетъ величіе Англїи... Но солнце заходить, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ...

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человекъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждуть знака, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и упасть на землю безъ памяти; хотите летѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадию несется; хотите читать въ нихъ надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ или отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! viva! ура!*.. Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоитъ на высококомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: *та соeur, та соeur!* Глаза мои искали Елизаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Мигель-Анжеловыхъ, Пуссеневыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ *залу красоты*, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во времена Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? *Mistriss Knoff, Lawson Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond,*

Cleveland, Sommerset, Northumberland, Grammont, Ossory, Естли живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ... Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя Королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благоразуміе гонятъ мятежъ и бунтъ. Подлѣ трона въ осьмьюгольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженнымъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: *Nonni soit qui mal у repense!* Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Людовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе патриоты не любятъ вспоминать.

Виндзорскій паркъ.

Сидя подѣ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны восхитительные и печальные.

Темныя, лестныя, милыя надежды сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щастливымъ, узнаю щастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни,

творить для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и поднимаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастья, и наслаждается возможнымъ еще болѣе нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрываа отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилось съ горизонта — чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣемъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава? Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею щастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой. —

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человекъ смотритъ все впередъ, съ мыслию: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца» Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное щастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомагѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки

вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовниками)! извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превелико горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе утро, господинъ!» Что со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «добрый вечеръ!» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя *со временемъ будутъ моими!*

Лондонъ, Іюль... 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничъ. День прекрасный—мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами проходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ—и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ на свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота—нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю—скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ—стукнулъ въ рукъ бѣленькими кружками—и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнять веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предмет, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцевъ, орудіе величества и силы ея. Немногіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матросы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннадами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террасы, видятъ корабли на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе? сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разбѣгали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матросы смотрятъ на Гриничъ и думаютъ: «тамъ готово пристанище для нашей старости! Отечество благодарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, когда мы въ его служеніи истощимъ силы свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійскій корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигациіи. — Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большей части аллегорическими картинами, читаешь надписи: *Anglorum spes magna—salus publica—securitas publica*.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроса, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяць на содержаніе Госпитали: за то всякой матросъ можетъ быть тамъ принятъ, если докажетъ, что онъ не въ состояніи

продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 фунта баранины, 1½ сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напому вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженныхъ матросовъ похожа здѣсь на дворецъ, а дворецъ Вашего Величества похожъ на Госпиталь». — Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія. *Salus publica* есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета.—Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!..

Вообразите безконечныя алеи, цѣлые лѣса, ярко освѣщенные огнями, галлерей, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени триумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, убранные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крытую алею, и мнѣ говорятъ: *вотъ гульбище Дриидовъ* ¹⁾! Иду далѣе; вижу при свѣтѣ луны и отдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; тутъ растутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ. Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги... Возвращаюсь къ оркестру.

Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійскій Воксалъ, которому напрасно хотять подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

¹⁾ Имя алеи.

Оркестръ играетъ по большей части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: *Take care of your pockets! берите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минутою). Въ тоже время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ я: но не стоитъ того, «чтобы бѣжать безъ памяти и давить людей.»

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бывають и знатные люди и лакеи, и лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями.—Я обходилъ всѣ галереи и осматрѣлъ всѣ картины, написанныя по большей части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ ненастное время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильонахъ, и въ лѣсточкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей, сидящихъ за столами—что имѣетъ видъ какого то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильонъ; велѣли подать ципленка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку Кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксалъ въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякой вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ.—Я на разсвѣтъ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

Выборъ въ Парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунъ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Вестминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли... *Fox for ever! да здравствуетъ Фоксъ! нашъ добрый, умный Фоксъ, лисица именемъ¹⁾, левъ сердцемъ, патріотъ другъ Вестминстерскаго народа!* — Тутъ были всякаго рода люди: и Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлерей, которая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ которой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ работали, говорили рѣчи, махали шляпами, и кричали: *Hood for ever! Fox for ever!* Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человекъ лѣтъ пятидесяти, неопратно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. „Сограждане!“ сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табакъ, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: „сограждане! истинная Англійская свобода у насъ давно уже не въ модѣ; но я человекъ старинной, и люблю отечество по старинному. Вамъ говорятъ, что нынѣшній день есть торжество гражданскихъ правъ вашихъ; но пользуетесь ли вы ими, когда вамъ предлагаютъ изъ двухъ Кандидатовъ выбрать двухъ Членовъ? Они уже выбраны! Министры съ противниками согласились, и надъ вами шутятъ.“ — (Тутъ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табакъ, а народъ говорилъ: „это правда; надъ нами шутятъ.“) — „Сограждане! для поддержанія вашихъ правъ, драгоценныхъ моему сердцу, я симъ себя предлагаю въ Кандидаты. Знаю, что меня не выберутъ; но по крайней мѣрѣ вы будете выбирать.

1) Фоксъ значить лисица.

Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ слышали, и знаете, что министерство меня не жалуетъ.“ — *Браво!* закричали многие: *мы подадимъ за тебя юлоса!* Въ ту же минуту подошелъ къ нему сѣдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произносили имя его: *Вилькесь! Вилькесь!* Вамъ, друзья мои, извѣстна исторія этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую ролю въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министерства, Самаго Парламента, идоломъ народа; думалъ только о личныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и сошелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: „мой другъ! этою дрожащею рукою напишу я имя твое въ книгъ, и умру спокойнѣе, если ты будешь Членомъ Парламента.“ Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ, не унялся, и понынѣ еще ставитъ себя за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юниевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: „дайте мѣсто Кандатамъ!“ Мы увидѣли процессію... Напередѣ знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькій, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ зеленомъ мундирѣ. Они стали на доски, устланныя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галерею, и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галерею, и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здрастуй Фоксъ! провались сквозь землю Гудъ!* а черезъ минуту: *здрастуй Тукъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Никто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу и сказалъ: «я никакъ не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ нашлось 200 патриотовъ; теперь вижу, и радуюсь такому числу.»—Тутъ Фокса посадили на кресла, украшенные лаврами и въ триумфѣ понесли домой; знамена развѣвались надъ его головою, музыка гремѣла, и тысячи голосовъ восклицали: *Fox for ever! Вивать! ура!* Фоксъ уже въ пятый разъ избирается отъ Вестминстера; и такъ не мудрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень покойно и свободно, то улыбался, то хмурилъ густыя черныя брови свои.—И Гуда хотѣли нести; но онъ просилъ увольненія, и одинъ изъ друзей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любитъ триумфы только на морѣ».

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго рода происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ N. N., человекъ не молодой, который, не жалѣя толстаго брюха своего, скачетъ изъ земли въ землю, чтобы остальными отъ прогнанныхъ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коротенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархатномъ картузѣ; но здѣшній народъ не вы—мальчики бѣгали за ними и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приступили къ нему, чтобы онъ одѣлся по-людски, и наконецъ убѣдили. Господинъ N. N. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы итти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафтана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой то футляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто—и пошли. Нещастный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо затуманилось, ударилъ дождь и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердно. Мы остановились и черезъ минуту были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что приятель нашъ съ кѣмъ то разговариваетъ очень весело, смѣется,

разсказываетъ — и вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса... Что такое?.. у него украли изъ кармана деньги, которыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительный *жестъ*, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелекъ. Подивитесь искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣтовали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы вору, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣхоту и конницу (*footpad, highwayman*), на домовыхъ и карманныхъ (*housebreaker, pickpocket*). Англичане боятся строгой полиціи, и лучше хотятъ быть обгражены, нежели видѣть вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность, не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человекъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги, и очутились въ пустынномъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человекъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спастись дерзостію, *рауег d'audace*, какъ говорятъ Французы — смѣлымъ Богъ владѣетъ — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англій никогда не возьмутъ въ тюрьму человекъ по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей, иначе вамъ же бѣда, еслии приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

Театръ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркетской Театръ, на которомъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Дру-

риленскіе актеры¹⁾. Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлерейхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета—и лучше естъли бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ, одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ—и это дѣлается во время представленія! Какая разница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали: изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцѣна живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever dore agins и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса²⁾, прекрасно одѣтая и трогательная въ сценахъ безумія; она напомнила мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поеть очень пріятно.—Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (которую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще три Комедіи или *буфаналды*, въ которыхъ зрители очень смѣялись.—Говорить, что у Англичанъ есть Мельпомена: госпожа Сиддонсъ, рѣдкая трагическая Актриса; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашель я удовольствія въ здѣшней Италіанской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка прекрасная. Дни два отзывался въ ухахъ моихъ трогательный дуэтъ:

Quando mai, astri tirrani,
Avran fine in nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudelta?

Въ театрѣ я купилъ эту Оперу поднесенную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевожу для васъ какъ рѣдкую вещь:

«Странно покажется, что я осмѣливаюсь поднести Италіанскую Оперу Вашему Королевскому Высочеству. Хотя Юпитеръ прини-

1) Два главные Лондонскіе Театра.

2) Биллингтонъ, естъли не ошибаюсь.

малъ въ жертву быковъ, но никто не смѣлъ дарить его мухами. Принцъ столь искусный, какъ Ваше Высочество, во всѣхъ отвлеченныхъ наукахъ и самый изящнѣйшей Литтературѣ, не можетъ дорожить Оперною бездѣлкою. Восхитительныя прелести музыки, разсыпанныя въ сей Оперѣ, *озлащаютъ* нѣкоторымъ образомъ сей малый трудъ; но я имѣю нѣчто важнѣйшее для моего оправданія. Славный Пантифексъ Леонъ X, не презрѣлъ поднесенный ему книги о *поваренномъ искусствѣ*, и мы читаемъ въ Вал. Максимѣ, что Персидской Монархъ принялъ въ даръ старой кафтанъ съ такимъ снисхожденіемъ, что наградилъ дателя Самоскимъ островомъ. Первый былъ самый остроумнѣйшій изъ владыкъ земныхъ, а второй сильнѣйшій: два качества, которыя чудесно соединяются въ Вашемъ Высочествѣ. Лучезарное свѣтило не отказываетъ въ улыбкѣ своей ни червячку, ни былинкѣ; а высокая благодѣтельность вашего сердца не имѣетъ другаго примѣра.—Вашего Высочества покорнѣйшій слуга К. Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично узнать господина Бадини.

Лондонъ, Іюля... 1790

Я хотѣлъ итти за городъ въ прекрасную деревеньку Гамстеть; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотреть на Лондонъ; возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ Воксалъ... но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. день не пропалъ: сердце мое было тронуто!

Подлѣ самага *Cavendish Square* встрѣтился мнѣ старый слѣпой нищій, котораго вела... собачка, привязанная на шнурѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ томнымъ голосомъ: добрый господинъ! сжапись надъ бѣднымъ и слѣпымъ! *my dear sir, I am poor and blind!* Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, тронулъ шнурокъ и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала

людей (но не всѣхъ а по выбору: она казалась фізіогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собака остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, и играла на лютнѣ, и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасный мальчикъ также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умиленно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Славу Богу! а мать твоя?.. Какъ она хорошо поетъ! послушаю.*—Сынъ началъ ласкать собачку; а мать поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подавъ мнѣ печатный листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. вмѣсто того, чтобы итти за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;
Всевышній зрѣть, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожіе сжалятся надъ ними
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отрицательнаго; но естьлибъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла то не удивились бы, что я переводилъ ихъ—со слезами.

Ранела.

Нынѣшнюю ночь карета служила мнѣ спальнею!—Въ 8 часовъ отправились мы Русскіе въ Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опоздать; устали до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ

часу вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣщенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣтніе вечера собирается хорошее Лондонское общество, чтобы слушать музыку и гулять. Въ ротондѣ сдѣланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины и мужчины садятся отдыхать, пить чай и смотрѣть на множество людей, которые вертятся въ залѣ. Мы взглянули на собраніе, на украшенія залы, на высокой оркестръ и пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ; но любуясь имъ, чуть было не подвергнулись судьбѣ Семелеиной: искры осыпали насъ съ головы до ногъ.—Возвратясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного старака, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можетъ быть дѣйствіе свѣчъ обманывало глаза мои: только мнѣ казалось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ранела; а вы согласитесь, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ несчастію у меня страшно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ товарищей своихъ веселиться, пошелъ искать кареты; съ трудомъ нашель, сѣлъ, велѣлъ везти себя въ Оксфордскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому—вижу день—смотрю на часы: пять... и такъ я три часа ѣхалъ! Бучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣстѣ, и что никакъ нельзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей Египетскихъ, Этрусскихъ, Римскихъ жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ, и проч. Мнѣ показывали одну Египетскую глиняную поздраватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: если налить ее водою, и вложить въ которой нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распухнетъ и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *Лакриматори*, или маленькіе глиняные и стевлянныя сосуды, въ которые Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе былъ для меня ори-

гиналь Магны Харты, или славный договоръ Англичанъ съ ихъ Королемъ Иоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите у Англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, идѣ хочу; утврѣкъ въ томъ, что имѣю; ни боюсь ни чего, кромѣ законовъ*. Разогните же Магну Харту: въ ней Король утвердилъ вѣтвенно сіи права для Англичанъ—и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромныя магазины ея. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ армію, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу—и хотя снабжаетъ имъ всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли: но согласитесь, что Англійской богатый купецъ не можетъ завидывать никакому состоянію людей въ Европѣ!

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками—и вопреки Англійскимъ туманомъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли ¹⁾, или густо осѣненные деревьями, такъ что ни одинъ яркой лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточныя Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь

¹⁾ Видъ прекрасный. Вѣтки съ цвѣтами, нарочно поднятыя вверхъ, переплетаются и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всё усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи—и каждая занимается особливимъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми—и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ. какъ здѣсь: совершенно *кровать съ молокомъ*, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Милтонова Эдема; но, къ щастію, тутъ нѣтъ змѣя искуителя: милостивая хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *Чичисбеемъ*... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдовательно мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые Англійскіе Лорды и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію*. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ

удиненіи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за руководѣлемъ, за книгою, за клавиномъ, или рисуешь, или пишешь, или учишь дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорить мысленно: «Нешастные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе какой-то приличности составляетъ всю науку; гдѣ *быть не страннымъ* есть верхъ искусства для мужчины, и гдѣ двѣ, три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ, для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? Естли у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете наслаждаться другъ другомъ, и не знаете, какъ мило проводить цѣлые дни съ любезнымъ человѣкомъ, дѣла съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ расположеніи сердца. А естли вы родители, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его сердце порокъ и нещастіе. Сидя за клавиномъ, среди блестящаго общества, ты, красавица, хочешь нравиться и поешь какъ малиновка; но малиновка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна попечительная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, естли не хороши дѣти ея; а та, которая свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семейственнымъ, не можетъ называться попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не виновна ли она передъ своимъ мужемъ,

какъ скоро хочеть нравиться другимъ? Что же иное можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣють свою постепенность, и перемены едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочеть только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать выборъ ея мужа*, какъ думаетъ; а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь *знатоку* болѣе, нежели другому; а тамъ—надобно хитрить заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ—бѣдный мужъ! бѣднядѣти!

Всего же несчастнѣе она сама. Хорошо, если бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, если оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоромъ; если дурно воспитанныя дѣти, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ несчастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растрavляютъ раны ея сердца знаками холодности, нелюбви, самого презрѣнія?.. Обратится ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли — Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ — и развѣ подобная ей несчастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мужчинъ, которые не умѣють пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотять быть строптивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами вѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣеть нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужь*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и если бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная увлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной

Философіи есть обратить челоѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и вернуться въ сторону, чтобъ пустить друга на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. — Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума сунруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорой добрыхъ нравовъ — и если я въ чемъ-нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа¹⁾ говоритъ: *друзья! пойдѣмъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и щастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственникововъ и друзей; а прочее оставимъ на произволь судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Остъ-Индской Компаніи, даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говорю я: *Англи-*

1) Кандида.

чане просвѣщены! нѣтъ; но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены.*

Литтература.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живописной* Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы, переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ-нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ.—Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей.—Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англій. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Бритики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великой Геній *не можетъ взять мърз своихъ*. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности: современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключенія, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разбѣяныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другого Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ, Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и Натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Батонъ говорить и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean

Shore и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта.—Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Тагія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчаніе достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Фукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Триумвиратомъ Британіи ¹⁾.

Новѣйшая Англійская Литтература совсѣмъ не достойна вниманія; теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза счастливыхъ и утѣшитель несчастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы *of* и *to* знаетъ склоненія; кто знаетъ *will* и *shall*, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вычитая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть, ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ Англійской выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю что мнѣ напишутъ, а въ разговоръ долженъ угадывать. Кажется что у Англичанъ рты связаны или на отверстіе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводять зубы, свистятъ, намекають, а не говорятъ. Вообще Англійскій языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма—богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Британской гордости) *отнятымъ*

1) Т. е. съ Робертсономъ Юмомъ и Гиббономъ.

у другихъ. Всѣ ученыя и побольшой части нравственныя слова взяты изъ Французскаго или изъ Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане истребили и Британской народъ, и языкъ ихъ: говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлость Стихотворцевъ удивительна; но гармонія, и того, что въ Риторикѣ называется *числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отрывистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужскимъ окончаніемъ.—Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ—и вдругъ естли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Лондонъ Августа... 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своею маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказать правду, не очень красива собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присѣдала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ; а она взялась на нѣсколько часовъ заступитъ ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы?—Софія—Ея состояніе?—Служанка въ пансіонѣ.—Ея забавы, удовольствія въ жизни?—Работа, милость госпожи, хорошая книжка.—Ея надежды?—Накопить нѣсколько гиней и возвратиться въ Кентское Графство къ старику отцу, который живетъ въ большой нуждѣ.—Софія принесла мнѣ чай, налила, по сильной прозбѣ моей, сама выпила чашку, но никакъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англинскія фразы сами собою мнѣ представлялись, и есть-

ли бы я всякій день могъ говорить съ прелестною Софією, то черезъ мѣсяць заговорилъ бы какъ—Ораторъ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный поденщикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пустѣетъ, Спектакли заворачиваются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣднѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Геметы*, то здѣсь *Thea-gardens* или сады, гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являются горничныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ вѣерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ жениховъ и счастья; видятся съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго рода анекдотами, замѣчаніями, на цѣлую недѣлю. Тутъ кромѣ слугъ и служанокъ гуляютъ ремѣсленники, сидѣльцы, Аптекарсвіе ученики—однимъ словомъ, такіе люди которые имѣютъ уже нѣкоторый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но еслили хотите, чтобы у васъ помутилось въ душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейныя дома*, гдѣ веселится подлая Лондонская чернь!—Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бывають столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное. скажу вамъ еще, что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно только говорить, а не писать) вообразите, что между несчастными жертвами распутства здѣсь много двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ изверги-матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются!

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзения!—Любезная Софія! прости меня.

Вестминстеръ.

Славная *Вестминстерская* зала (*Westminsterhall*) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ, и сводъ ея держится самъ собою безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ; въ ней бывають и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судить Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса *Hasting's trial*, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлерей, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипю бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго Губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери — и судьи, Члены Верховнаго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантияхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые... четыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его незаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникъ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самаго. Гастингсъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ,

сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, поглядывая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилежностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ челоуѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику Англійскаго Министерства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жертвовалъ можетъ быть собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его, въ Индію: тиранствовалъ, чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножить доходы Компаніи, умножилъ можетъ быть, и свои — за что однакожъ Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ челоуѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, и Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится тамъ какъ съ звѣрями; накопить денегъ, возвратится домой, и кричить: *не тронь меня; я челоуѣкъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежить до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній: много разительной Логики, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе пѣстическаго жара, но яснѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется. — — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ кафедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ N. N. не успѣлъ представить вамъ отзыва въ пользу нашего Кліента; уѣхалъ въ свое отечество, въ Швейцарію, для поправленія здоровья; но онъ скоро возвратится»... Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину Генералу щастливаго пути и лучшаго здоровья!» Всѣ Лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой.

Подлѣ Вестминстерской залы, въ остаткахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ ¹⁾ при Генрихѣ VIII, собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываетъ никого, кромѣ Членовъ; я могъ видѣть только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе Гиспанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за трономъ сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса; на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Ораторъ сидятъ на *шерстяныхъ шарахъ*: древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, требующія вниманія Лордовъ

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ корридормъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлерей. Каеэдры нѣтъ. Президентъ, называемый Ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантияхъ; всѣ прочіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то естъ къ Оратору, который подобно дядкѣ, унимаетъ ихъ, естли они заговорятъ не дѣло и кричатъ: *to order! въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный господинъ, который говорилъ передо мною, естъ глупецъ» — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда отбраниваются, иногда отмалчиваются, а когда пойдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говоритъ хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, стучать ногами, шумятъ: а при всякомъ важномъ случаѣ кричатъ *heaven! слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа пополудни, молитвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Разница между Парижскимъ

1). Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ, какъ въ Лондонѣ.

Народнымъ собраніемъ и Англійскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно беспорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклонясь Оратору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч.— Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человекъ говорятъ когда-нибудь; всѣ прочіе нѣмы; цыны, можетъ быть, и глухи—но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Умные Министры правятъ; умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семь древнемъ Аббатствѣ. Напримѣръ, онѣ говорятъ, что самъ Апостоль Петръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмага вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возставало. Славный Рень, строитель Павловской Церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, которыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ портикомъ, называемомъ *Соломоновыми вратами*, Solomon's Gate, всего болѣе украшаютъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ стоятъ и гробы ихъ!.. Я вспомнилъ Французской стихъ:

Нельзя безъ ужаса съ престода—въ гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патріотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Вестминстеръ храмомъ безсмертія, если бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ!—Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: «Зависть воздвигла бури противъ моего славнаго и добродѣтельнаго супруга; но онъ чистою душою, смѣло сталъ на кормѣ, крѣпко держался за руль совѣсти, разсѣкалъ волны, спасся отъ караблекрушенія, въ глубокую осень жизни своей бросилъ якорь и вышелъ на тихій берегъ уединенія. Наконецъ сей изнуренный мореходецъ отправился на тотъ свѣтъ, и корабль его щастливо присталъ къ небу.»

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена стоитъ его бюстъ, съ простою надписью «Юаннъ Драйденъ родился въ 1632, умеръ въ 1700 году. Герцогъ Буккингамъ соорудилъ ему сей монументъ.»

—Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана самая пышная эпитафія на памятникѣ Стихотворца Кауле (Cowley: «Здѣсь лежитъ Пиндаръ, Гораций и Виргилій Англій, утѣха, красота, удивленіе вѣковъ,» и проч. — На гробѣ самаго Герцога Буккингамъ, друга Попова, читаете: «Я жилъ и сомнѣвался; умираю и не знаю; что ни будетъ, на все готовъ.» — А ниже: «За Короля моего часто, за отечество всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Англійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ развалился. Часеръ жилъ въ четвертомъ-надесять вѣкѣ, писалъ неблагопристойныя сказки, хвалилъ своего родственника, Герцога Ландкастерскаго, и помогъ ему стихами своими взойти на престолъ.

Нещастный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, современнику Шекспираву, съ надписью: *O grave Ben Johnson! O ruddy Johnson!*

На гробѣ Спенсера подписано: «Онъ былъ царь Поэтовъ своего времени, и божественный умъ его всего лучше видѣнъ въ его твореніяхъ.»

Ботлеръ сочинилъ славную Поэму Годибраса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Республиканцевъ и Фанатизмъ. Дворъ и Король хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду. Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ жизни не имѣлъ пристанища, тому сдѣлаемъ хотя по смерти достойный его монументъ» — сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ бюстомъ сооруженъ памятникъ Стихотворцу Грею. Лирическая Муза держитъ въ рукѣ медальонъ его, и

указывая другою рукою на Мильтона, говоритъ: *у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Мильтонъ и Грей!*

Преклоните колѣна... вотъ Шекспиръ!... стоитъ какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости... Вы узнаете предметъ его глубокомыслія, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его Драмы *The Tempest*:

Колоссы гордые, вѣковъ произведење,
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, исчезнуть какъ творенеє
Воздушныя мечты, разваливъ за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Отрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нициль* 1). Эпитафія сочинена самимъ Геємъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Тавъ прежде *думалъ* я, а нынѣ *знаю* то.

Музыкантъ Гендель, изображенный славнымъ Рубильякомъ слушаетъ Ангела, который въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Ораторія, Мессія разогнутая на прекрасной ариі *I know that my Redeemer lives: знаю, что живъ спаситель мой!*—

На гробницѣ Томаса Парра написано, что онъ жилъ 152 года, въ царствованіи десяти Королей, отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человѣкъ, будучи ста тридцати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и приговоренъ былъ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ *Вакефимдскаго Священника, Запустѣвшей деревни и Путешественника*, Голдсмитъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ великой Поэтъ, Историкъ, Философъ; занимался почти всякимъ родомъ сочиненій, и во всякомъ успѣвалъ; владѣлъ нѣжными чувствами, и по волѣ заставлялъ плакать и смѣяться.

1) Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы... и самое противное челоѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ

Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣлахъ обнаруживалось рѣдкое добродушіе. Умъ острый, замысловатый и великой вливалъ душу-силу и опрятность въ каждое слово его. Любовь товарищей, вѣрность друзей и уваженіе читателей воздвигли ему сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Ньютона. Херувимы держатъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на него пальцомъ, опершись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Оптика, Хронологія; вверху, большой шаръ, на которомъ сидитъ *Астрономія*; внизу прекрасной барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи сказано, что онъ «почти божественнымъ умомъ своимъ опредѣлилъ движеніе и фигуру свѣтилъ небесныхъ, путь Кометь, приливъ и отливъ моря; узналъ разнообразіе солнечныхъ лучей и свойство цвѣтовъ, былъ мудрымъ изъяснителемъ Натуры, древности и св. Писанія; доказалъ свою Философію величіе Бога, а жизнію святость Евангелія.» Надпись заключается сими словами: «Какъ смертные должны гордиться Невтономъ, славою и красотою человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Капитану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнію отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены его, посвященный любовью сына ихъ, есть самый лучший въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художествомъ, такъ и мыслию. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супруга и мѣтитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхѣ, въ отчаяніи, стремится отразить ударъ.—Эта работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *чудомъ міра*. Въ самомъ дѣлѣ тутъ много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзбѣ на мѣди и на деревѣ.—Въ этомъ придѣлѣ погребаютъ Королевскую фамилію, и вы видите подлѣ несчастной Маріи Стуртъ Елизавету! Гробъ всѣхъ примираетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенностяхъ сего послѣдняго жилища славы; разсуждалъ о жизни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и краткости. Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ размышляли здѣсь о трофеяхъ смерти, на которые теперь смотришь; и ты подобно милліонамъ, будешь прахомъ, уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣдовъ твоихъ не останется. Сіе святое хранилище славы и величія будетъ и впредь наполняться почтенными остатками дарованій и заслугъ, украшаться новыми великолѣпными памятниками и служить предметомъ удивленія; а наконецъ, по неизбѣжному закону судьбы, со всѣмъ богатствомъ древностей погребается во тмѣ время; и будетъ *памятникомъ собственнаго своего разрушенія!*».

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе дома ихъ, понимаю какъ имъ можетъ недоставать и двухъ сотъ тысячъ дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, Англичанинъ экономить. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, Лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей; не стыдится въ старомъ фракѣ идти пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлискому, и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а естли вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея—простой сервизъ—и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ старомодная пышность—разумѣется что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда, и

картина статуя, которою, которою любовались художники въ Италиі, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *златое руно свое*: почему, теряясь въ лабиринтъ: сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ вообразить себя Язономъ.

Я наименую вамъ только самые лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями—замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры—Герцога Деворшинскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ алей—Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ наркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готической эрмитажъ съ искусственными развалинами—Графа Буккингамшира съ милovidными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами—*Sion House*, Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшеннымъ текущею въ нихъ Темзою. Вальполя въ готическомъ вкусѣ—Графа Тильнея, откуда съ терассы видны рѣка, каналы, безчисленныя алей, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфитеатръ—Алдермана Томаса, называемый *naked beauty*—господина Бинга и Карю (*Sagew*), гдѣ обширныя сады, а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи).—Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерей со множествомъ другихъ произведеній искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Сифтова казалась мнѣ странною, но прѣхавъ въ Англію, я понялъ Сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за

ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей.—Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самые лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею британскихъ Королей, и назывался *Шень*, что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамашній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также—но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстѣ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатая долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнины, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но только однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой паркъ, называемый *New-Park*, котораго хотя и нельзя сравнить съ Виндзорскимъ, но который однакожъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Англій. Величественныя деревья, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамашняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ—Лондонъ—Виндзоръ...

Я одинъ разъ былъ въ славномъ, Кьюскомъ саду, *Kew-Garden*, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллоны и Китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Амамра* и *Пауда*!

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твитнамъ (Twickenham), милую деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла—мѣсто, обсаженное деревьями, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера—гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза—наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою любилъ думать Философъ и мечтать Стихотворецъ; я сорвалъ съ нея вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная

Heros and Kings! your distance keep;
In peace let one poor Poet sleep,
Who never flatterd folks like you.
Let Horace blish and Virgile too!¹⁾

Правда ли?—Въ этой же церкви погребенъ безсмертной Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовала видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Йорской и Ландкастерской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ безпрестанныхъ злодѣяній.—На семь мѣстъ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромтонѣ. показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчаніе по красивому своему положенію, а еще болѣе по *роговой нрмонкѣ*, Horn-fair, которая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Рассказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, утомился и заѣхалъ во Чарлтонъ от-

¹⁾ „Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному „Поэту, который вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Горація и Вергилія!“

дохнуть; вошелъ въ крестьяскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее такъ нѣжно, что хозяйинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярманку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Кауртъ, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій назвалъ его въ стихахъ своимъ дворцомъ *міра*, и прибавилъ: «вездѣ *властвуютъ* боги; но *жить* имъ прилично только въ Гамптонъ-Кауртъ!» — Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ришелье и Дюбуа—такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи украшенъ ея собственною работою.—Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англій; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо—они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идите на почтовой дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать;—садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и

увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многочелюднаго и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самую пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ — великодушнымъ, то же — чувствительнымъ, то же; истиннымъ человѣкомъ, то же. Романы, есть ли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ — но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Во-первыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англій для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Роши, парки, луга, сады: все это прекрасно въ Англій; но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не надолго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто отъ сюда къ своему пріятелю въ Неаполь: *я уже давно не видался съ нимъ*. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ бываютъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентяремъ?

Вовторыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится *Это Волканъ, покрытый льдомъ*, сказалъ мнѣ разсмѣявшійся одинъ Французскій эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любить изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любить игру глазъ, скорыя поремѣны лица, выразительное движеніе руки. Англича-

нинъ молчаливъ, равнодушень, говоритъ какъ читаетъ, не обна-
руживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя пот-
расаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ,
что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется
глубокомысленнымъ? не по тому ли, что густая кровь движется
въ немъ медленнѣе и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ
всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Ньютона, Локка, Гоббеса, ни-
чего не доказываетъ. Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная
отечество ихъ — и можно ли по справедливости сказать, чтобы
(напримѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь:
здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы
проповѣди и Кларису; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно
о торговыхъ выгодахъ своего отечества, и земледѣлецъ говоритъ
вамъ о Шеридановомъ краснорѣчій; здѣсь газеты и журналы у
всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ де-
ревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ нельзя вы-
разить смысла Англійскаго слова *humour*, означающаго и *весе-
лость*, и *шутливость*, и *замысловатость*; изъ чего заключа-
етъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замыс-
ловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ,
шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а
веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя кар-
рикуры смотреть они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются,
то смѣхъ ихъ походить на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые
цари морей, столь же мрачны, какъ туманы, которые несутся
надъ стихією славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Францу-
замъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, естли вамъ
угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости,
пріятности разума и того живого сіянія мыслей, которое произ-
водитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны?..
Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ!
Онѣ милы своею красотою и чувствительностью, которая столь
выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ со-
вершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ;
а теперъ судимъ только мужчинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушiемъ, и всегда помогутъ несчастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется несчастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбiя. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрiю, и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный, холодный вѣтеръ обружилъ гавань множествомъ льду и пакет-боты никакъ не могли вытти изъ нея. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданiи благопрiятнаго времени для переѣзда черезъ Каналъ, веселились безъ памяти, пили; пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повторивъ нѣсколько разъ: *какъ можно на всякiй случай не брать съ собою лишнiхъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои лундоры и сказалъ: *возьмите сколько вамъ надобно; будьте только веселы.* — «Государь мой! вы меня не знаете». — Все одно, я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностию лундоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Французъ не принялъ его, говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человекъ.* — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодаренiя, нежели въ своей, думая, что въ Англiи, гдѣ всякаго роду трудолюбiе по достоинству награждается, хорошiй человекъ не можетъ быть въ нищетѣ; изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ не достоинъ мучишей домъ* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпитъ, и должна таяться! Ахъ! есть ли хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англiю: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилiя и кучами разсыпан-

ныхъ гиней, узнаеть онъ муку Тантала!... И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самого трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь...

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго *духа торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея отгѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣтте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ съверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, *безразсуднаго* сердца. На примѣръ, Г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ является ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда хотите итти? что видѣть? съ кѣмъ познакомиться? я къ вашимъ услугамъ.» Отецъ его, будучи консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ Исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разставаясь съ нимъ, всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды — и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно; сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Многочисленные его противники спорять, кричать, и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скорого отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще

важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ*. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слышали о грубости народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она помягчилась, и учтивое имя *french-dog* (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть Англичаниномъ, но еще лучше быть добрымъ человѣкомъ. Французъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно; кто честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крѣпко полюбилося такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ: это былъ вѣчно вольнодумецъ между ими! Вообще Англійской народъ считаетъ насъ чужеземцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ* — что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ».

Кто думаетъ, что счастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душою. Вотъ Англійскій *сплингъ*! Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: *скукою*, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣеть, безпеченъ и — зѣбаетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки

путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бывають несчастливы отъ счастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные* управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

На отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленныя Англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своеправіемъ или *whim*? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда на можетъ прельстить людей своимъ счастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ, удивить ихъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; напримѣръ, какъ одинъ богатый человѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертой, отказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даетъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпный праздникъ, который стоитъ ему почти всего годового дохода. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «есть ли въ Англій позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*; а послѣднее нерѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго».

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, непротивныхъ благу другихъ людей, производить въ Англій множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярныя сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ—есть ли бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанинъ—я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ ¹⁾ легкомысленными, Итальянцевъ коварными. Видѣть Англiю очень прiятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенiя и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанiя и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствiя общезитiя, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ—въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удавалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ прiѣхалъ бы съ удовольствiемъ къ Англiю, но выѣду изъ нея безъ сожалѣнiя.

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшiе друзья мои! оставляю Англiю—и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно расставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ совимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче: звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи... Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Виллиамсомъ взлѣсть по веревкамъ на корабль его, и, снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону.—Меня провожалъ Русской парикмахеръ Федоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою: Fedor Ooshakof, салить голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россiи Экономическимъ крестьяниномъ, и служить всѣмъ Рускимъ съ великимъ усердiемъ

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно-прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшенiе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ

¹⁾ Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ влажны, Итальянцы слишкомъ сухи а Французы только сочны.*

изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ.

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матросы желали Капитану щастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими—скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли...

Но у меня самага въ глазахъ темнѣеть; голова кружится...

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ!.. Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная... а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелю, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это риторическая фигура; вѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое отверстіе корабля, гдѣ лежатъ острые якоря. Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ,—открываю глаза, не чувствую никакой тоски—едва вѣрю себѣ—встаю, одѣваюсь. Входить Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говорить: «вѣтеръ утихъ; вѣтъ ни малѣйшаго вѣянія; корабль ни съ мѣста: страшная тишина!» — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море

стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствія; корабль не шевелился; матросы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня, я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта!.. Вотъ зеркало, достойное бога Фѣба!—Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не вѣвъ три дни, и крайне не любя соленого мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходы потчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому; пили его какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ.— Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!..

Опять страшный вѣтеръ, но попутный. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живить и радуеть мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны: читаю Оссіана и перевожу его Картона¹⁾. Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на миліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какой нибудь несчастный корабль погибаетъ», отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плователей». Бѣдные, кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть страшный вѣтеръ

¹⁾ Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мель; можетъ быть вода заливаеъ уже корабль ихъ!.. Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слышали... Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ.—Всѣ наши матросы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульный закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ, и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ; но матросовъ только 9 человекъ.—Я легъ спать въ три часа, и сильное качаніе карабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели!

Море.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Министерства—возненавидѣлъ Англію и продавъ свое имѣніе, переселился въ Новый Йоркъ. Марія жертва его политическаго упрямства оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе, у нея былъ тайный любовникъ и женихъ, молодой добродѣтельный человекъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ—лишилась отца, искренно оплакивала смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ея; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою—но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣтовалъ ей возвратиться. «Нѣтъ», говорила Марія: я хочу умереть или быть въ Англіи; каждый день для меня дорогъ». Болѣзнь усилилась и повредила ея разумокъ. Ей казалось что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и рассказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь я счастлива», говорила Марія въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ твоихъ объятіяхъ». Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что несчастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ!.. «Такъ и меня бросите въ море (говорю Капитану) естли умру на кораблѣ вашемъ?» — *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ пожимая плечами. Это

ужасно! Земля, земля! приготовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего пріюта! Довольно, что мы и живыя по волнамъ носимся; а то быть еще и по смерти играющемъ бурной стихіи!..

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ стакана четыре водки; не примѣтилъ флага, поставленнаго на мели для предостереженія мореплавателей—и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту минуту, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ подводныхъ камней; поблѣднѣвъ, закричалъ—матросы бросились на мачты — парусы упали и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ стихія.—Мастеру досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бортъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; утопи меня, но не бей, Англичанину смерть легче безчестія».

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Нептунову царству, и радъ плыть, куда угодно.—Буря не утихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ нельзя ступить шагу безъ того, чтобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный стукъ.—Я уже различаю флаги всѣхъ націй, и какъ скоро встрѣтится намъ корабль, кричу въ трубу: From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ Городъ. Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами друзья мои!.. Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по Русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ: но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища; записки, счета, книги, камешки, сухія травы и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du-Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всё на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моея въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно—пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что, человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?.. По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями.

К О Н Е Ц Ъ.

DM 130, - aut

2/10/40 - 1

UX 000 167 522

#

